

Нина Линдт

ИНЫЕ ГОРОДА

И все, что пред собой он видел,

Он презирал иль ненавидел.

Часть первая

БАРСЕЛОНА

Из дневника Насти

Когда самолет начал снижаться, а капитан объявил, что через двадцать минут мы приземлимся в аэропорту Барселоны, я разрывалась между ликованием из-за того, что у меня начинается независимая жизнь и учеба в прекрасном городе, и страхом из-за того, что будущее теряется в неизвестности, в плотном тумане сомнений и вопросов.

А если я не смогу прожить и недели без родных, буду реветь от одиночества и проситься домой? А если мне тут понравится, получится ли найти работу и остаться учиться хотя бы на год? Смогу ли я говорить на испанском свободно, не запинаясь, не подыскивая слов, а, вернувшись из Испании, доказать всем, что я — лучшая, и больше не завидовать легкости, с которой овладела испанским моя подруга Аня? А вдруг этот город готовит для меня встречу с прекрасным принцем, любовь и романтику?

Но город, раскинувшийся под крылом самолета, пока не раскрывал своих планов. Он раскрывал объятия побережья, но не торопился рассказывать про испытания, которые готовил. Было страшно? Да. Было радостно? Вне всяких сомнений. И сейчас, пока делаю эту запись накануне Рождества, мне тоже страшно и радостно. Но уже иначе, чем в тот день. Теперь все иначе. Иногда мне хочется вернуться в те дни, когда страх был таким мелким, когда счастье было таким простым.

Распаковав и кое-как разложив вещи, Настя решила прогуляться по Пасео-де-Грасия, отметить в одиночестве свой приезд в Испанию и подумать, что бы такое приготовить для ребят, с которыми она теперь проживает в квартире. Квартира с большой общей гостиной была трехкомнатной, и помимо Насти, по словам хозяйки, там жили студенты: швед и японка. Но ребят Настя в квартире не застала, видимо, они уехали на занятия.

Прогуливаясь по Пасео-де-Грасия, улице, полной магазинов, кафе и туристов, Настя прикидывала, как скоро сможет найти хоть какую-нибудь подработку. Время и страну для этого она выбрала неподходящие. Вокруг все только и говорили про кризис, безработицу половины молодого населения и прочие вещи, которые лишали надежды. Но попытаться все же стоило. Она зашла в парочку магазинов, записала адреса и названия встретившихся отелей, присмотрела бары и кафешки, чтобы занести свое в резюме.

Настя села в кафе напротив дома Батльо, подмигивавшего ей балконами-масками, заказала круассан и кофе. Осеннее солнце ласково гладило лучами ее светло-русые волосы с прядями пшеничного цвета, ветер слегка приподнимал их и кружил над ее головой... Было так хорошо! На углу улицы стояла лавочка, возле которой пожилой человек в одежде, перепачканной углем, жарил на очаге каштаны и бониато — сладкие корнеплоды оранжевого цвета.

Настя подумала, что после кафе подойдет и купит немного каштанов, чтобы узнать вкус барселонской осени. Она счастливо улыбнулась.

Краем глаза девушка заметила тень, мелькнувшую рядом с ее столиком, а в следующую долю секунды увидела мальчишку в поношенной одежде, который спокойно уходил прочь с ее кошельком.

— Эй!!! — От удивления Настя лишилась дара речи и забыла все испанские слова. Она быстро вскочила, подбежала к мальчику и схватила его за шкурку, благодаря судьбу за то, что наглый воришка даже не попытался убежать, иначе она его не догнала бы.

Мальчишка онемел от удивления и испуганно глядел на нее.

— Что ты делаешь? Что ты делаешь! — только и смогла сказать Настя, отбирая у мальчишки свой кошелек. От потрясения тот даже не сопротивлялся — словно обмяк от шока.

Настя и сама была потрясена. Кровь стучала в висках, ей хотелось наорать на мальчишку, ударить его, но облегчение от того, что кошелек опять в ее руках, смягчило «адреналиновый взрыв». Мальчик легко вырвался и побежал. Настя медленным шагом вернулась к своему столику. Оглянувшись, она поняла, что вся публика смотрит на нее. Странно и даже с подозрением. Это ее разозлило. Что плохого в том, что она отобрала свои деньги у наглого воришки?

«Чертова толерантность!» — хотелось крикнуть в ответ на осуждающие взгляды.

Она опустила глаза и допила кофе без удовольствия, торопясь поскорее уйти. Ощущение, что на нее

смотрят, провожают взглядами и даже следят за ней, не покидало долго. Она прошла мимо лотка с каштанами, так и не купив их, спустилась в метро и поехала домой. Происшествие с мальчишкой лишило энергии и сил. Она ощущала себя уставшей.

Зайдя в дом, Настя почувствовала вкусный запах готовящегося обеда и вспомнила, что ничего не купила, чтобы угостить ребят. Взбежала по лестнице на свой этаж, открыла дверь квартиры и задыхнулась от аппетитного запаха, который шел именно отсюда. Красивый белобрысый парень с широкими плечами, в очках и майке футбольного клуба Барселоны махнул ей половником, приветствуя.

— Мартин.

— Юка, — представилась маленькая симпатичная японка, мешающая рис в большой миске на столе.

— Настя, — рассеянно ответила она и еще раз оглядела новых соседей. Внешне ребята были ярким примером диаметральных противоположностей, таким, что голова кружилась.

— Мы решили приготовить праздничный обед, а то ты, наверное, еще не знаешь, где здесь магазины! — сказал Мартин.

— Не знаю, — уныло подтвердила Настя.

— Тогда накрывай на стол, заодно посмотришь, что где лежит.

Через полчаса они сидели втроем и весело болтали, словно всю жизнь были знакомы. Юка жила в Барселоне уже два года, училась в университете на биолога. Мартин приехал в прошлом году и учился на мультипликатора. Настя немного рассказала о себе и о курсах, на которые записалась.

— Жаль, что ты ненадолго, нам все время не хватало третьего человека. Есть еще четвертая комната, но ее наверняка никто не снимет: узкая, как пенал, а окно выходит на лестничную площадку. Мы храним там свои вещи. Я — палатку и велосипед, Юка — различный спортивный инвентарь.

— Может, я останусь! — подмигнула Настя. — Главное, найти работу и окончить курсы, потом что-нибудь придумаю.

— Найти работу сейчас сложно. — Юка покачала головой. — Помимо учебы в университете я преподаю японский.

— А я работаю от заказа до заказа, — сообщил Мартин.

— Ну я даже продавщицей быть согласна, — вздохнула Настя. — Лишь бы подрабатывать.

После обеда они отправились по своим делам: Нцстя — разносить резюме по барам, магазинам и отелям, а ребята — на работу. В одних местах ее резюме не брали, качали головой, жалея сумасшедшую девчонку, которая отчаянно искала заработок. В других местах листочек, который она протягивала, забирали, но по выражению лиц она понимала, что вскоре резюме отправится в мусорное ведро. Но девушка не теряла надежды. В конце концов Настя вновь вышла на Пасео-де-Грасия и направилась по утреннему маршруту. В одном баре появилась надежда: бармен взял ее резюме и сказал, что передаст хозяину, им не помешает человек со знанием русского языка. После этого бара пару кварталов Настя шла в приподнятом настроении, но его окончательно испортило то, что во всех остальных заведениях в работе ей отказали. Да с такими лицами, будто она попрошайничала, а не искала заработок. Дойдя до угла очередного дома, Настя остановилась в стороне от толпы туристов, ждущих зеленого сигнала светофора. Похоже, все совсем непросто. Ей нужно запастись терпением... Ведь не всегда все получается сразу. Но отчаяние уже поселилось в душе. Разглядывая счастливых беззаботных туристов, гуляющих по улицам, она заметила на другой стороне улочки, пересекающей Пасео-де-Грасия, три столика. Похоже, здесь тоже было кафе... Но какое маленькое... Совсем не туристическое. Мгновение Настя колебалась. Стоит ли заходить? Ведь если ее не захотели слушать в больших заведениях, где всегда нужны люди, станут ли слушать в таком маленьком, где один официант запросто может обслужить все столики? Но, вопреки сомнениям, она решила попробовать.

В кафе вела узкая коричневая дверь. В окружении ярких витрин магазинов она словно старалась оставаться незаметной. Настя вошла и очутилась в маленьком зале с одним большим окном-витриной в деревянной раме, которое находилось рядом с дверью. С улицы не было видно, что внутри стоят столики. Темная барная стойка, небогатый выбор выпечки, кофемашинка, жестяные баночки с чаем... Этот бар, по идее, должен был находиться на тихой спокойной улочке, в него должны заходить только постоянные посетители, а на углу оживленного Пасео-де-Грасия кафе казалось углой лодочкой, потерянно проплывающей мимо гигантских круизных лайнеров.

Навстречу ей вышел пожилой сеньор в брюках на подтяжках и клетчатой рубашке.

— Добрый день... Я ищу работу... — Настя начала говорить хорошо заученную после многочисленных повторений речь, но запнулась. Странно говорить о работе, когда в кафе всего три человека. Она сделала шаг назад, раскаявшись, что переступила порог этого заведения.

— Работа — это хорошо, — кивнул сеньор. Протянул Насте руку: — Я — Пепе.

— Привет, Пепе, я Настя... — пробормотала девушка.

— Ты садись! — Пепе жестом пригласил ее за столик.

Настя покраснела до кончиков волос: ее не так поняли.

— Я не... — начала было она, но Пепе отодвинул стул, приглашая сесть. И она села. Устало положила стопку резюме на стол. Подумала, что кофе ей сейчас не помешает.

— С молоком? — спросил Пепе из-за барной стойки.

— Да, пожалуйста.

— Горячим или теплым?

— Горячим! — удивилась Настя. Никто до этого не спрашивал ее о таких деталях.

Кофе появился перед ней, душистый, манящий.

Пепе сел напротив, взял верхнее резюме из стопки и стал читать. А Настя погрузилась в кофейный запах, от которого в воображении возникли картинки жарких стран, теплых южных вечеров и горячие губы темноволосого красавца... Вздвигнув, она отогнала образы прочь. Пепе глянул на нее из-под очков и снова уткнулся в резюме. Судя по тому, как он готовил кофе, надевал очки и читал, мужчина никогда и никуда не торопился. Наблюдая за хозяином кафе, Настя почувствовала, что на нее нисходит спокойствие и умиротворение.

— Ну, хорошо... — Пепе отложил ее резюме в сторону. — Ты когда-нибудь работала в кафе?

Настя отрицательно покачала головой.

— А кофе готовила?

Девушка опустила взгляд, вспомнив о своей первой работе в Москве. Она устроилась секретарем со знанием английского языка в международную фирму. Во время совещания шеф попросил подать кофе. На совещании было восемь человек. Настя никогда до этого не готовила кофе, она даже не знала, как обращаться с кофеваркой. На ее счастье, нашлась инструкция к кофеварке, и девушка, в спешке пробежав глазами инструкцию, бросилась трясущимися от волнения руками засыпать две мерные ложечки кофе, как было указано в тексте. Кофе вышел подозрительно светлым. Но Настя так спешила подать его в зал для совещаний, что только в тот момент, когда стала разливать по чашкам, поняла, что в инструкции говорилось о порции кофе на одного человека, а она приготовила на восемь. Но отступить было поздно. С непроницаемым лицом Настя разлила кофе по чашкам. Шеф проводил ее изумленным взглядом и на следующих совещаниях просил приносить воду.

Это был ее первый и последний опыт работы с кофеварками, и Настя с удивлением поняла, что рассказывает эту историю Пепе. Пепе рассмеялся и, встав из-за стола, поманил девушку за собой.

— Варить кофе — это целое искусство. Великий французский министр-интриган Талейран сказал как-то, что кофе должен быть горячим, как ад, черным, как черт, чистым, как ангел, и сладким, как любовь... Всякий раз, когда его готовишь, надо думать о приятном. О любви, о ярких цветах, о восточной музыке или красивой женщине. В твоем случае, наверное, вернее сказать, о мужчине.

Настя кивнула, вспомнив видение со смуглым красавцем. Руки Пепе колдовали над кофемашиной, сыпали кофе, наливали молоко, взбивали пену. Запах горячего напитка сводил с ума. Настя никогда особо не любила кофе, а тут, в этом маленьком баре с единственным мутным окном, вдруг поняла, что влюбилась. От этого и еще от понимания, что ее берут на работу, сердце билось так сильно и гулко, что приходилось прилагать усилия, чтобы слушать инструкции Пепе.

В тот день она осталась в кафе допоздна, смотрела, училась, наблюдала. Пепе не мог предложить ей хорошую зарплату, но в данный момент это было не важно, он согласился отпускать ее из бара на время занятий, так что работать ей придется в основном по утрам.

Вечером она взахлеб рассказывала Юке и Мартину, сколько всяких премудростей нужно знать для овладения редким мастерством:

— Я буду готовить вам кофе по утрам, ведь мы уходим в одно и то же время, — закончила девушка рассказ.

Юка радостно подбросила подушку, а Мартин улыбнулся.

На следующее утро по дороге в кафе Настя встретила Пепе. Он нес большие картонные коробки, из которых по всей улице распространялся теплый и сладкий запах выпечки.

— Доброе утро, Пепе! — сказала Настя, обгоняя хозяина. — Как только на вас не нападают по утрам: от коробок пахнет так, что хочется слопать все булочки!

Пепе засмеялся и кивнул Насте на карман своего пиджака.

— Достань ключи.

Настя залезла в карман клетчатого пиджака и нащупала связку ключей.

— Самый длинный, — подсказал Пепе.

Ключи были старинными, слегка заржавевшими. Настя вставила самый большой в замок и неуверенно повернула. Дверь открылась на удивление легко. Кафе встретило прохладным полумраком. Снаружи ярко светило утреннее солнце, небо было светло-синим, а здесь, казалось, время остановило свой ход, чтобы позволить посетителям расслабиться и погрузиться в мир кофейных фантазий. Интерьер кафе был выполнен в темно-коричневом цвете, что только усиливало полумрак, а современная техника сочеталась со старой мебелью: временных границ в этом месте не существовало.

Они хорошо справлялись вдвоем: Настя разносила заказы, а Пепе готовил кофе, чай и горячий шоколад в странной турке. Утром в кафе оказалось довольно много посетителей. Они заходили сонными, грустными, недовольными от того, что впереди рабочий день, а выходили бодрыми, радостными, с такими мечтательными улыбками, что казалось, им не терпится поскорее приняться за дело.

— Пепе, мне кажется, ты волшебник, — задумчиво сказала Настя, присаживаясь на стул у бара и ожидая, когда Пепе сделает кофе. В работе возникла небольшая пауза, и они решили перекусить.

— Это почему? — удивился Пепе. Но в глазах его плясали искорки смеха.

— Потому что люди после твоего кофе преображаются.

— Смотри, не превратись в лягушку! — Пепе протянул ей чашечку капучино.

Настя пододвинула к себе чашку и почувствовала спиной, как открылась дверь, пропуская в зал очередного посетителя.

Пепе бросил взгляд на вошедшего и положил перед девушкой круассан.

— Ешь, я сам приму заказ.

Обернувшись, Настя прямо от стойки наблюдала за происходящим. Пепе подошел к посетителю. Это был пожилой мужчина невысокого роста в коричневом плаще, сливавшемся с интерьером кафе. Небольшие залысины на седой голове делали лоб выше, от этого лицо мужчины казалось благородным. Чем-то он напомнил бюст Цезаря, фотографии которого печатали во всех учебниках истории. Пепе и незнакомец тепло поприветствовали друг друга. Мужчина сел за столик у окна. Для его заказа хватило двух слов: «Как всегда».

Пепе кивнул, прошел к бару, положил на блюдечко бутерброд с хамоном, сделал крепкий кофе без молока. Поставив все это перед посетителем, вернулся к Насте. Через некоторое время Настя принесла посетителю в коричневом плаще счет. Тот, не глядя, достал из кармана небольшой мешочек и положил на тарелочку со счетом. Встал, взял со столика газету, которую читал, и вышел из кафе. Настя подняла мешочек. Он был тяжелым.

— Смотри, Пепе. — Она протянула открытый мешочек шефу. — Тут же пятицентовые монетки!

— Знаю, это постоянный посетитель. Вот уже два года он расплачивается только так, — кивнул Пепе.

— Но почему?

— Понятия не имею. Но так как это все равно деньги, я принимаю платеж и обмениваю накопившиеся монеты в банке.

— Он что... всегда, каждое утро платит пятицентовыми монетами?!

Пепе усмехнулся:

— Сама увидишь.

Так оно и оказалось. Загадочный посетитель приходил каждое утро в одно и то же время, в одном и том же плаще, заказывал один и тот же завтрак и, расплачиваясь очередным мешочком с монетами, растворялся в толпе Пасео-де-Грасия.

Вскоре Настя уже изнывала от любопытства. Что же это за человек такой? Почему он платит таким странным образом? Почему день за днем ходит в кафе? На занятиях она часто, сама того не замечая, отвлекалась и задумчиво рисовала пятицентовую монетку. А по утрам в кафе то и дело поглядывала на дверь, чтобы увидеть приближение посетителя в коричневом плаще.

Однажды утром она отпросилась у Пепе: сказала, что ей нужно уйти сразу после девяти — в это время как раз появлялся загадочный клиент. Едва он вошел, девушка попрощалась с хозяином, надела куртку и вышла. Но далеко не ушла: стояла в сторонке и ждала, когда посетитель расплатится за завтрак. Если честно, точного плана у нее не было. Ей просто нужно было убедиться, что мужчина не исчезает сразу, переступив порог кафе, что он существует на самом деле, а не только в маленьком мирке Пепе, что, позавтракав, он идет куда-то еще, делает еще что-то, что-то говорит, а не только обменивается традиционными приветствиями с хозяином. Была одна деталь, которая Настю заинтриговала: казалось, гость не замечал ее присутствия. Ни разу не сказал ей ничего, кроме «как всегда» и «спасибо». А другие постоянные посетители мгновенно замечали иностранку, расспрашивали о жизни и общались с ней практически каждый день.

Дверь кафе открылась. Появился посетитель, которого она ждала. Мужчина пошел в Настину сторону. Полы его плаща развевались на ходу, в руке он держал газету. Лицо было непроницаемым, словно каменным. Насте еще раз пришло в голову сравнение с бюстом. Она нырнула в аптеку, чтобы он ее не заметил, а когда незнакомец прошел мимо, выскочила и отправилась следом, боясь упустить его из вида.

Из дневника Насти

Я на небольшом расстоянии двигалась за незнакомцем, боялась упустить и в то же время опасалась, что он меня заметит. Не понимаю, чего боялась, ведь на самом деле я не совершала ничего ужасного. Но всякий раз, когда человек в коричневом плаще останавливался или сворачивал, у меня замирало от страха сердце. Я уже перестала ориентироваться: настолько была сосредоточена на спине неизвестного, что совершенно не представляла, где мы находимся. Я готова была взять такси, если заблужусь, но твердо решила, что узнаю об этом человеке хоть что-нибудь. Любопытство мне несвойственно, поэтому я удивлялась настойчивости, с которой шла за незнакомцем.

Он наконец остановился на тихой улочке, так что пришлось спрятаться за углом. Затаив дыхание, я наблюдала, как человек в коричневом плаще берет за ручку двери подъезда и тянет ее на себя. Голубая дверь на мгновение скрыла от меня неизвестного, а потом закрылась, поглотив его. Я подошла. На двери не было никакой надписи или таблички, не обнаружилось и домофона с фамилиями жильцов, как это часто встречается в Барселоне. Я взялась за ручку двери и потянула ее на себя. Дверь легко открылась. Сразу передо мной начиналась лестница. Я прислушалась. Шаги мужчины раздавались где-то наверху.

Меня будто что-то толкнуло в подъезд. Я вошла, прикрыла за собой дверь и, набравшись решимости, стала подниматься по лестнице. Подъезд оказался обшарпанным, но негрязным. На ступеньках стояли недогоревшие оплавившиеся свечи, некоторые из-за наплывов застывшего воска походили на небольшие сталактиты. Повертев головой, я не обнаружила ни одной лампы. Зато тусклый свет пробивался сквозь узкие оконца. Ночью тут, должно быть, совсем темно...

На первой лестничной площадке не увидела ни одной двери в квартиру, зато на стене красовалось яркое граффити: большой черный пес открывал белозубую пасть и заглатывал ярко-желтую луну. Позади пса на фоне синего неба темнели дома, устремлялся ввысь, подобно корявым пальцам, храм Святого Семейства. Я поднялась на следующую площадку. Здесь граффити не обнаружилось, вместо него стоял мольберт, а на нем женский портрет в золоченой раме. Было слишком темно, чтобы разглядеть картину как следует, но я подумала, что на обратном пути можно поднести к портрету телефон.

Я поднималась все выше и думала, что, по всей видимости, забралась в частный дом, да еще почти заброшенный, наверное, здесь живет одинокий художник (на это намекали граффити и мольберт), которому нечем платить за свет и домофон (об этом говорила открытая дверь и отсутствие электрического света на лестнице). Я уже собиралась поворачивать обратно: шаги давно стихли, а значит, таинственный посетитель зашел в свою студию или квартиру. Что мне делать у закрытой двери? Что ж, потопчусь, полюбопытствую и спущусь обратно. А может, повезет, дверь будет приоткрыта, и я смогу узнать еще что-нибудь о клиенте кафе, который расплачивается мелкими

монетками. А может... может, он тут не живет, но у него здесь находится склад монеток? И он ходит пополнять запасы? Мысль показалась такой забавной, что я улыбнулась и быстро дошла до следующей лестничной площадки. И тут тревога полыхнула с новой силой. Если мне было страшновато входить в дом и подниматься по первому лестничному пролету, то сейчас на меня напал ужас. Причиной послужила мозаика на площадке. На ней была изображена страшная голова Медузы Горгоны — искаженное от бессильной ярости лицо, черные, затягивающие в свою глубину глаза, клубок змей вместо волос. Она смотрела на меня. Потребовалось усилие воли, чтобы перестать в ужасе пялиться на горгону и отвести взгляд. Тут же стало легче.

Заранее «предвкушая» встречу с ней на обратном пути, я обошла мозаику, словно выложенные из разноцветных осколков змеи могли меня покусать, и с облегчением увидела, что лестница, ведущая вверх, заканчивается на следующем этаже. Я пришла. Теперь надо решить, стоит ли подниматься дальше. А вдруг этот человек заметил слежку и поджидает меня с дубинкой в руках? Вдруг он что-нибудь со мной сделает, и никто на свете не узнает, где я. Надо было посмотреть хотя бы название улицы и отправить сообщение Юке. На всякий случай. Но раз уж я зашла так далеко, проследила за неизвестным и поднялась по лестнице, отступить смешно. Тем более что позади осталась эта ужасная горгона. И я стала подниматься по ступенькам.

Я ожидала чего угодно: закрытой безликой двери, старой обшарпанной двери, приоткрытой сломанной двери, банды маньяков, поджидающих меня, испуганного посетителя, караулящего маньячку, преследующую его от кафе, в общем... чего угодно, только не новенькой светло-коричневой полированной двери с золоченой ручкой и красивой табличкой, на которой виднелась надпись: «Детективное агентство». Это было... неожиданно. Застыв от изумления, я в полной тишине раз за разом перечитывала эти два слова. Детективное агентство??? В заброшенном доме, где жгут свечи на лестницах? Где на каждой лестничной площадке художественные произведения? А на подъезде нет никакой таблички об агентстве? Тут же заговорило любопытство: так наш посетитель работает здесь или является клиентом? Может, он пришел сюда впервые? Что за работу выполняют для него детективы? Чем вообще может заниматься детективное агентство? Слежкой за неверными мужьями и женами? Вопросы возникали один за другим, а я тупо созерцала надпись на двери. Агентство... Значит, там, за дверью, такой нелепой в этом доме, может находиться обычный офис? С паркетом или ковролином на полу, приемной и улыбчивой секретаршей? Может быть, там даже звучит легкая фоновая музыка? А на журнальном столике лежат газеты и журналы? Это казалось невозможным.

Дверь манила, обещая дать ответы на все вопросы. Стоит только нажать на звонок, послышится жужжание, дверной замок щелкнет, и я попаду в детективное агентство. А что дальше?

Я стала ломать голову над возможной причиной визита в подобное заведение. Что-то надо придумать, чтобы можно было осмотреть помещение хотя бы из приемной! Представиться клиенткой? Любопытствующей дамочкой? Может, сказать, что рядом открылось кафе, и хозяин предлагает всем, кто живет или работает поблизости, прекрасные бутерброды с хамоном и кофе за два евро? Но у меня с собой нет никаких рекламных листовок... Мысль о листовке подсказала решение: в моей сумке еще лежала пара экземпляров резюме! Я найду и скажу, что всегда мечтала работать в детективном агентстве! Пусть мне сразу откажут, зато я погляжу, что находится за этой странной дверью.

Набравшись решимости, нажала на кнопку звонка.

Дверь открылась внутрь. Я заглянула и нерешительно вошла. Обстановка была действительно офисной, почти такой, как я представляла, только освещение оказалось не ярким, а приглушенным, и вместо потолка был вмонтирован подсвеченный голубоватым светом аквариум, в котором плавали яркие рыбы разных цветов и размеров. Ощущение нереальности переходило все границы. За полукруглой стойкой сидела блондинка. Ее длинные волосы были уложены в туго закрученные спиральки, пружинящие при каждом движении. Она подняла голову и просканировала меня любопытным взглядом. Не успела я и рта раскрыть, как блондинка показала в сторону коридора:

— Проходите, вас ждут.

Я обрадовалась представившейся возможности и не спеша двинулась по коридору. Но, к моему глубокому разочарованию, все двери кабинетов были закрыты, за ними раздавались какие-то звуки, шаги, приглушенные голоса, но ничего нельзя было разобрать. Я прошла мимо пяти дверей и наконец увидела приоткрытую.

Зал был небольшим, с окном во всю стену и видом на город, на потолке — все тот же аквариум. Я решила, что это вмонтированный в потолок экран: невозможно содержать такой огромный аквариум, если он настоящий. В пустом зале стоял стул. Один. Посередине.

Ерунда какая-то. Я развернулась, прошла обратно по коридору и, буркнув на ходу секретарше «до свиданья», хотела выйти, но твердый и строгий, как у директора, голос сказал:

— Анастасия, подождите!

Я повернулась. Удивление от того, что прозвучало мое имя, и от того, что, пока я шла по коридору, им удалось выяснить, кто я, смешалось с некоторым страхом, когда я увидела, что меня окликнул человек, за которым я следила все утро. Сейчас он, правда, был без плаща, в тщательно отглаженных серых брюках, вязаной безрукавке и рубашке, но его лицо оставалось таким же непроницаемо-каменным, как у Цезаря.

Видимо, страх отразился на моем лице, поэтому человек поспешил добавить более мягко:

— Не волнуйтесь, я давно вас жду. Пройдем?

Жестом он показал на коридор, и я увидела, что ближайшая дверь приоткрыта. Больше всего на свете захотелось в три прыжка оказаться у входной двери, сбежать вниз по лестнице, не обращая внимания на горгону, выскочить на улицу и еще долго бежать, не оглядываясь и задыхаясь от холодного воздуха. Аквариум над головой вдруг показался тяжелым, словно над нами нависла вся глубина моря, бесконечная и давящая, а мы, сидя в стеклянном куполе на глубине Марианской впадины, пытались играть в офис. Но то же несвойственное мне любопытство, которое появилось у меня после первого рабочего дня в кафе, остановило паническое желание сбежать.

Я бросила взгляд на секретаршу: та делала вид, что смотрит на экран компьютера, но было заметно, как напряженно она вслушивается в тишину, возникшую между нами.

— Откуда вам известно мое имя? — спросила я.

— Так как я давно жду вас, у меня было время навести справки, — ответил объект слежки. — Пойдем, я все объясню.

Я нерешительно последовала за ним, но с каждым шагом чувствовала себя уверенней. Ну не съедят же меня, в самом деле! Если что, я извинюсь за глупую слежку. Вот и все.

Кабинет оказался уютным, с окном на улицу и прекрасным видом на город. Видимо, этот дом был выше соседних, поскольку крыши совсем не мешали смотреть на открывшуюся панораму. Блики от воды в аквариуме приятно скользили по старинному письменному столу, на котором не было компьютера, зато лежала стопка книг. Всю стену за столом занимал книжный шкаф, заставленный томами в кожаных переплетах. Обстановка словно приглашала взять книгу с полки, сесть на небольшой кожаный диван, на котором лежал уютный плед, погрузиться в чтение и, время от времени отрываясь от страниц, бросать взгляды на голубое небо над Барселоной.

— Вам нравится, — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал мужчина. Затем спохватился: — Да, я же забыл представиться. Меня зовут Чезаре, но все зовут меня Цезарем.

— Мм... А-а... очень приятно. — Я замялась, вспоминая ускользящие слова, поскольку совпадение с именем ошарашило.

— Настя, вы хотели бы у нас работать? — еще раз огорошил меня вопросом Цезарь.

Чтобы избежать очередного мычания, я тупо уставилась на него.

— В каком смысле? — наконец смогла произнести после долгой эффектной паузы, во время которой пыталась угадать, что скрывает непроницаемое и неподвижное, как камень, лицо моего собеседника.

— В смысле — работать в детективном агентстве.

— Но я не детектив.

— Все мы когда-то начинали как любители. Вас обучат мои сотрудники.

— Но почему я?

— Любопытство, Настя. Твое любопытство. Я давно жду человека, который отважится разгадать причину моих чудачеств с монетами. Но ни в одном из мест, где я регулярно расплачиваюсь

подобным образом, никто не заинтересовался причиной моего поведения. А ты не только молча мучилась и гадала, но и решила проследить за мной. Что говорит о любопытстве и бесстрашии — двух важнейших качествах для детектива.

Я решила не рассказывать, как испугалась мозаики на лестнице.

— Так вы расплачиваетесь мелкими монетами только для того, чтобы вычислить потенциального работника? — разочарованно спросила я.

— Нет... для этого есть особая причина. Со временем ты все узнаешь... конечно, если поступишь к нам на работу.

— Значит, чтобы стать детективом, нужно быть любопытным и отважным? А почему бы вам не набрать работников на факультете журналистики?

— Потому что третье качество детектива — уметь держать язык за зубами. Работники агентства не имеют права разглашать подробности дел, которые тут ведутся. А большинство людей не способны отделить свою работу от личной жизни.

— Но почему вы решили, что я могу?

— Интуиция. — Цезарь попытался улыбнуться. Вертикальная морщина на его правой щеке стала еще глубже. — Она меня почти никогда не подводит.

Я промолчала. Ситуация казалась настолько странной, что было тяжело подбирать слова. Еще совсем недавно я искала работу, а теперь работа нашла меня. Да еще не скучная работа в магазине, а увлекательная служба в детективном агентстве! Я очень мало представляла себе работу детектива. Если соглашусь — узнаю. Надо соглашаться — даже из любопытства. Когда еще удастся получить такую редкую и необычную профессию? С гуманитарным образованием мне в худшем случае грозит работа секретарши, в лучшем — переводчика. А тут...

— Эта работа не предполагает полной занятости, — продолжал искушать Цезарь. — Ты сможешь учиться и работать в кафе. Но когда появится дело, придется найти на него время. В основном совещания у нас проходят вечерами, так удобнее для всех. Затем мы распределяем работу, выполняем задания, докладываем, что удалось узнать. Ты быстро все схватишь. За каждое дело выплачивается гонорар с учетом затраченных часов и вкладом в раскрытие преступления. В среднем на работника выходит...

Он назвал сумму, от которой мне стало нехорошо.

— Это какой-то обман? — попятилась я к двери.

— Я не предлагаю эти деньги просто так. Только за хорошо сделанную работу. И потом, агентству надо компенсировать непостоянную занятость сотрудников.

Да даже если это будет одно дело в год... Трудно было поверить в такую удачу.

— Я согласна...

Цезарь кивнул, словно не ждал другого ответа.

— Тогда приходи завтра, подпишем договор. Я рад, что ты согласилась, Настя.

Он проводил меня к выходу. Секретарша с любопытством взглянула на нас.

— Анжелика, это Анастасия. Надеюсь, она не передумает и будет работать с нами.

Девушка аж подпрыгнула на стуле от радости, затем подскочила ко мне и расцеловала в обе щеки.

— Ой, я так рада! Зови меня Лика, я буду помогать тебе во всем. Новичкам всегда сложно...

— Анжелика, не пугай ее, — строгим голосом уgomонил секретаршу Цезарь.

Я улыбнулась:

— Очень приятно, Лика.

Когда я попрощалась с Цезарем и Ликой и дверь агентства закрылась за моей спиной, еще раз оглянулась и посмотрела на табличку. «Детективное агентство»... Как странно все-таки. Необычно. Но раз уж приехала в этот город, чтобы изменить свою жизнь и повзрослеть, не нужно ничему удивляться. Надо пользоваться подарками судьбы. Браться за работу. Учиться. Надеяться, что город полюбит меня так же, как любила его я.

Я выбежала из подъезда, нашла табличку с названием улицы и номером дома, а потом, окрыленная надеждами, помчалась на урок испанского.

На следующий день Настя поднималась по уже знакомой лестнице. Было еще светло, но портрет на втором этаже все так же скрывался в полумраке. Настя достала телефон и посветила на холст. На нем была изображена молодая красивая дама, руки сложены, как у Моны Лизы. Темный фон скрадывал белизну кожи и ярко-алую ткань платья, вместо того чтобы подчеркивать их. Возникло ощущение, что дама растворяется во мраке, но по выражению ее лица нельзя было понять, что она при этом испытывает, только в уголках губ то ли пряталась, то ли хотела появиться усмешка.

Теперь, когда все загадки лестницы были разгаданы, Настя более уверенно поднималась к двери в агентство, искоса осторожно посмотрела в сторону Медузы Горгоны, и ей показалось, что выражение лица чудовища смягчилось.

Лица встретила в прихожей. На девушке был серый-деловой костюм, волосы аккуратно собраны в пучок, а очки в красивой оправе придавали еще больше строгости. Но Анжелика, вопреки строгому имиджу, излучала радость и дружелюбие.

— Как хорошо, что ты не передумала! Вот увидишь, у нас здорово! — Она потрясла Настину руку, расцеловала ее в щеки и одновременно подтолкнула в зал. Насте показалось, что Лики слишком много, поэтому, когда она увидела Цезаря, вздохнула с облегчением.

— Проходи в кабинет, — кивнул тот.

В течение часа он растолковывал основные условия договора и определенные пункты, согласно которым работник не имел права не только разглашать подробности дел, но и рассказывать друзьям и родным про агентство.

— Этот пункт введен для блага самих работников, — объяснил Цезарь. — Если вы упоминаете о детективном агентстве, то вопросы вполне естественно появляются сами собой. Поначалу они кажутся безобидными, но людям всегда хочется подробностей, тем более если речь идет о такой редкой профессии, как детектив.

— А действия, которые совершает детектив во время расследования... все ли они законны? — спросила Настя.

— Нет, не все... — после долгой паузы ответил Цезарь, глядя ей в глаза. — Иногда приходится забираться в чужие дома или узнавать информацию личного характера. Следить. И так далее. Но этим обычно занимаются профессионалы. Поначалу никто не станет загружать тебя подобной работой: ты не готова, да и не захочешь этим заниматься, пока не поймешь специфику наших дел.

— И какая же у вас специфика?

— Со временем узнаешь. К тому же... это неплохое упражнение для твоего внутреннего детектива. Мне еще придется позаниматься с тобой, ты должна разбираться в произведениях искусства, истории, литературе. Мы время от времени организуем культурные походы... Участие в них обязательно, это один из пунктов договора.

— Цезарь, вы же не занимаетесь кражей произведений искусства? — спросила Настя.

Цезарь откинулся в кресле и долго смотрел на собеседницу, пока та не начала беспокойно ерзать на стуле.

— Нет. Настя, я не собираюсь затягивать тебя в незаконные дела, не собираюсь вовлекать в нелегальные операции. Поначалу ты будешь приходить сюда только учиться. Сначала культурная подготовка и пассивное присутствие при обсуждении дел, знакомство с коллегами. Я буду наблюдать, как ты все схватываешь, потом, возможно, тебе начнут давать простые задания: сопровождать в качестве ассистента кого-либо из ребят, искать определенную информацию. И только когда ты поймешь, чем мы занимаемся, включишься в работу команды. Ты можешь уйти в любой момент. Но я обещаю: тебе у нас понравится. И еще. Учти, что законы написаны для общей человеческой массы. Есть люди, которые из нее выбиваются по отрицательным или положительным признакам. Мы — из тех, кто в плюсе. И работаем мы для того, чтобы те, кто в минусе, не могли нанести вред общей массе. Сейчас это звучит путано. Но повторяю: со временем ты все поймешь.

— А почему нельзя сразу все объяснить?

— Потому что это невозможно принять сразу. Необходимо время, чтобы подобное уложилось в голове.

Настя вышла из агентства со странным ощущением, что подписала договор, в котором ничего не поняла. Несмотря на массу сомнений, на нее навалилось вязкое необычное спокойствие. И еще, поверх всего, словно слой карамели, растекалось липкое чувство опасности. Оно появлялось на улице. Дома, с ребятами, на занятиях, в кафе или в агентстве ощущение уходило, но едва она выходила из помещения на улицу, чувство опасности, словно туман, обволакивало душу. Когда появилось это ощущение — она сказать не могла. Возможно, на нее повлияла попытка кражи кошелька. Из расслабленной туристки она тут же превратилась в озабоченную, напуганную реальностью девушку. Если быть честной, то новости, которые Мартин смотрел по утрам в гостиной, пока Юка и Настя шептались за чашкой чая, не внушали оптимизма. Люди теряли работу, отчаивались, преступность и количество несчастных случаев и различных происшествий росли. Иногда, насмотревшись на печальные кадры из очередной хроники, Настя думала о том, что ей чертовски повезло. Пусть за работу в кафе она получала немного, но ведь и приехала сюда без надежды найти работу, а на эту подработку могла позволить себе, накопив денег, съездить на два дня во Францию и посмотреть Лувр. А теперь, если работа в агентстве оправдывает ее надежды, она может жить более или менее спокойно и не просить помощи у родителей.

Из дневника Насти

Похоже, в Барселону пришла зима. Все жалуются на внезапное похолодание, не характерное для этого месяца, и смотрят на меня осуждающе, будто это я им его привезла. В квартире ужасно холодно. В ванной, слава богу, есть обогреватель, который мы включаем утром и вечером. После ванны каждый бежит в свою комнату и забирается в постель, чтобы согреться. Кошмар какой-то... Неужели так всю зиму страдать? Тоскую по теплой квартире в Москве, а когда разговариваю с мамой по скайпу, она разгуливает по дому в майке, и мне делается еще холоднее и тоскливей. На курсах пошла сложная грамматика, очень тяжело, да еще заставляют каждую неделю писать сочинения. Дали книгу, велели прочитать за месяц, задают много упражнений. А тут еще Цезарь усилил график занятий. Голова пухнет от истории испанской скульптуры и художников итальянского Возрождения. Не понимаю, как это может помочь делу.

Я, кстати, еще не видела ни одного агента. Такое ощущение, что днем в агентстве только Лика и Цезарь, иногда из других кабинетов раздаются звуки или голоса, но никто не появляется. Цезарь говорит — скоро. Ладно, пока воспринимаю все как бесплатный курс по искусству. Лика очень милая, всегда норовит чем-нибудь меня угостить, и сама все время ест сладкое, сосет карамельки или жует сдобу. Но при этом тоненькая и хрупкая, как тростинка. А Цезарь непроницаемый, никак не могу понять, есть ли у него хоть какие-нибудь эмоции?

Скоро Рождество и Новый год. Мартин предложил устроить вечеринку у нас дома. Будет весело! Он классный парень, общительный, активный, постоянно нас с Юкой куда-то тащит, то на концерт джаза, то на экскурсию. Юка, кажется, немного в него влюблена. Да и мне он нравится. Есть еще один парень, Валерио, итальянец, который пришел к нам на курсы только сейчас. Вроде бы у него не было возможности учиться с самого начала. Он подсел ко мне сразу, как только вошел, потому что Захария, девушка, которая обычно сидела со мной, еще не пришла. Она была недовольна, когда увидела, что ее место занято. Но ничего не сказала. Валерио сразу стал знакомиться, расспрашивать, интересоваться, пригласил попить кофе после занятий и настаивал на этом слишком навязчиво. Но мне не хотелось пить кофе, тем более поздно вечером. Не могу пить кофе, сваренный не у нас в кафе. Совсем не тот вкус. Я понимаю, что кофе это предлог, но пока мне не хочется встречаться с Валерио. Сама не пойму почему. Он симпатичный, очень веселый и вежливый, но моя голова забита совсем другим. Может, на следующей неделе...

Сегодня, поднимаясь по лестнице в агентство, я заметила, что Медуза Горгона теперь приветливо улыбается. Хорошо, что они поменяли мозаику, а то та была очень страшной. Хотя зачем снова изображать именно это мифическое создание? Мои размышления закончились, когда Цезарь открыл дверь. Он был странно одет: в джинсах и теплом свитере, а на ногах мягкие тапочки с мордами разъяренных медведей. Я перевела взгляд с рассерженных медведей на серьезное лицо Цезаря. Потом обратно на медведей. Мне все больше и больше казалось, что, когда я попадаю в агентство, реальность уходит из-под ног. Рыбки над головой только подтверждали эту мысль.

— Проходи, Настя, вот твои тапочки. — Цезарь указал на такие же мягкие тапочки, только вместо медведей на них красовались улыбающиеся лягушата. Я решила ни о чем не спрашивать, переобулась и пошла за Цезарем по коридору. На этот раз мы подошли к последней двери, Цезарь открыл ее и пригласил меня внутрь.

Я шагнула в темноту, но тут же вспыхнул яркий свет, хлопнули хлопучки, и на меня посыпались яркие разноцветные конфетти.

Четверо ребят, среди которых я увидела Лику, заорали:

— Добро пожаловать!!!

Я засмеялась. Лику, всегда одевавшаяся по-деловому, сегодня была в джинсах, футболке и кардигане, а на ногах красовались тапочки со змейками.

— Итсаску, — представилась высокая брюнетка с ослепительно-белой кожей и слегка коснулась моих щек своими прохладными щеками. Ее прямые длинные волосы единой блестящей массой качнулись с одного плеча на другое. — Я занимаюсь информатикой и всем, что связано с компьютерами и Интернетом.

— Наш хакер! — подмигнула ей Лику.

Итсаску никак не отреагировала. На ногах у нее улыбались пушистые котятка.

— Серж, — представился невысокий коренастый парень в очках и поцеловал меня в обе щеки. — Биолог и химик.

— Если что-нибудь взрывается — это его рук дело, — пояснила Лику. — Мне частенько приходится убирать результаты его опытов.

На ногах Сержа красовались черные бычки с кольцами в носках.

Последний парень был высоким и худощавым, он созерцал сцену знакомства немного отстраненно, но, когда его товарищи отошли, решительно шагнул вперед.

Смуглый, с огромными зелеными глазами и пухлыми губами, парень, казалось, был потомком африканских народов, но очень далеким, так что от предков остались только намеки, хотя и довольно явные, но преображенные генами белой расы, которой так и не удалось стереть с его лица налет восточной вдумчивости. Он смотрел на меня, а казалось, что он один во всем мире и смотрит в пустыню, спокойно воспринимая ее такой, какая она есть. Со всеми ее барханами, передвигающимися дюнами, непостоянством песка и капризами ветра. Но все-таки он смотрел на меня. Чернота глаз скрывала эмоции, и мне подумалось, что мои чувства для него открыты и он может дотронуться до струн души и настроить меня, как инструмент, на тот лад, который нужен ему. Тут я опустила взгляд, увидела на его ногах енотов и засмеялась. Но внезапно поняла, что мы довольно долго пребывали в тишине, словно все остальные, замерев, наблюдали за нами... Как с другого света... Или мне только показалось, а мы смотрели друг на друга всего секунду? И тут он выпустил мои руки из своих. А я со страхом поняла, что не помню, когда он взял меня за руки.

— Как, ты сказал, тебя зовут? — спросила я.

— А ты не знаешь? — хитро улыбнулся парень.

Я хотела ответить ему, что, конечно, не знаю. Но вдруг поняла, что знаю! Почему-то его могли звать только так, и никак иначе:

— Диего.

Имя прозвучало. Парень едва заметно кивнул и посмотрел на остальных.

— Ну что, сядем?

Я огляделась. На полу лежал пушистый ковер, на нем плоский мягкий матрас, на матрасе раскидана куча подушек и одеял, посередине низкий круглый стол с печеньем, фруктами, термочашками с изображениями животных, соответствующими тапочкам на наших ногах, и все это повернуто к входу и стене, на которой находился огромный экран. Под потолком крепился прожектор, а у Итсаску имелся маленький ноутбук, с которого она управляла экраном.

Мы ринулись к подушкам и кофе. Когда все уселись, Цезарь сказал:

— Давайте проведем небольшую презентацию дела для Насти. Это поможет нам самим подвести итоги и посмотреть, что успели и что еще нужно сделать.

— Главный передал нам следующее дело... — начал Диего.

— Главный? — переспросила я.

— Да. Старик... — Парень смутился. — Ну...

— Это наш начальник, — объяснил Цезарь. — Ему принадлежит несколько таких агентств, разбросанных по всему миру. Он... миллионер, ты увидишь, в основном заказчики — очень

состоятельные люди. Продолжай, Диего.

— У коллекционера живописи украли три картины. Камеры наблюдения, меры безопасности, хитроумная система охраны — ничто не остановило преступника. Или преступников. На камере видно, что картина была и исчезла. Возможно, поработали с записью.

— Запись проверена, — вставила Итсаску. — Я не вижу никаких манипуляций.

— Проверь еще раз... — Цезарь вдруг резко выпрямился. — А еще лучше... Дай нам сейчас посмотреть ее снова.

Мне показалось или все затаили дыхание, пока Итсаску искала в папках ноутбука видео? Медленно включился большой экран. Мышка резво забегала по нему, открывая папки и программы. Наконец Итсаску загрузила нужное видео. На черно-белом экране возникла картинная галерея. В полумраке нельзя было разглядеть, что именно изображено на картинах, но на той, что находилась ближе к камере, по светлым очертаниям угадывалось тело обнаженной женщины. Мы напряженно вглядывались в неизменяющуюся картинку. Только указывающие время цифры в правом нижнем углу камеры менялись: бежали секунды и минуты.

— Вот сейчас, — прошептал Диего.

Картина с женщиной дрогнула, словно кольхнулась от сильного ветра. И исчезла. Тут же включилась сигнализация. Но картины на стене уже не было.

— Я уверен, что-то сделали с записью, — откинувшись на подушки, сказал Цезарь.

— Насть, ты что-нибудь заметила? — спросила Лика.

Все смотрели на меня с интересом.

— Ничего особенного... — пожала я плечами.

— Тебе потом дадут еще раз посмотреть, — быстро распорядился Цезарь. Анжелика сделала пометку в блокноте. — Итсаску, проверь еще раз запись, свяжись со специалистами. Необходимо точно знать, что это не махинация с пленкой.

— Конечно. — Итсаску перекинула волну темных волос с одного плеча на другое. Похоже, она была недовольна тем, что Цезарь не поверил ее заключению. Присмотревшись к девушке, я заметила, что одета она весьма необычно: в корсете с металлическими вставками и деталями, похожими на замысловатые крючки. На руке красовался перстень в виде шестеренки из часов.

— Что еще? Диего?

— Я проверил хозяина галереи. Он действительно расстроен из-за грабежа. Украдены самые ценные его картины. У него не было долгов, его не шантажировали, он чист. Эта версия отпадает.

— Члены семьи? — спросил Цезарь.

— Проверены еще не все. У сына есть долги, но он живет в Бразилии.

— Свяжись с детективным агентством в Буэнос-Айресе, с Филипе. Пусть съездит в Бразилию и узнает, что с сыном. Ты мне нужен здесь. Что еще?

— Система охраны, — напомнил Серж. — Я занимаюсь анализом возможных дыр, но пока кажется, что все очень хорошо продумано, хозяин вложил в охрану целое состояние...

— Что по поводу ценности картин и их возможной стоимости? — Цезарь обратился к Лике.

— Картины были приобретены в разное время на разных аукционах. Связи с предыдущими владельцами я не нашла, — ответила девушка. — Картины ценные, но особого внимания публики не привлекали. Доступ в галерею открыт по предварительной договоренности. Иногда организуют групповые экскурсии, например, студентов художественных факультетов. В целом мы можем собрать список посетителей за последний год, сейчас над этим работает персонал галереи. Никто не предлагал владельцу продать картины. Сам он оценивает пропажу в несколько миллионов. Но эта оценка может быть завышенной, ему надо получить страховые выплаты.

Я слушала их и думала, что работа не такая интригующая, как казалось поначалу. Скрупулезный анализ фактов, поиск взаимосвязей, проверка каждого предположения... все это напоминало нелюбимую мной математику: «дано», «теорема», «доказательство», «решение»... Все больше росло сомнение в собственных силах. Зачем я им нужна? Они такая сплоченная команда, видно, знают друг друга не один год. Об этом можно догадаться по тому, как Диего отрезал себе кусочек от пирожного и отдал Итсаску веточку красной смородины с россыпью красных ягод — вероятно, в

курсе того, что ей нравится. Она машинально взяла, словно это само собой разумеется, а значит, такое происходит часто. Можно догадаться и по тому, как Лика, наполняя кружку Цезаря, добавила ему три кусочка сахара, а Сержу капнула меда — значит, тоже давно знает их вкусы. А еще — по отдельным деталям в разговоре о картинах. По тому, что все происходит словно отдельно от меня. Несмотря на усилия Лики нас объединить тапочками и чашками, я все равно здесь чужая.

Диего двигался рядом со мной, но каждый из нас думал о чем-то своем. Поначалу мы болтали, я рассказывала ему о себе, а он мне о том, как впервые приехал в Барселону. А потом город потихоньку убаюкал нас, и мы погрузились в прогuloчную дрему — машинальное наблюдение за прохожими, яркими огнями витрин, толпами замерзающих туристов. При виде парней в шортах я поехала от холода. Днем на солнце было тепло, но как только оно садилось, резко холодало. Солнце в Барселоне осенью и зимой обманчиво. Я шла и думала: как Диего узнал, что нам по дороге, если не спрашивал, где я живу? Ему сказала мой адрес Лика? Или парню просто все равно, куда идти?

Голова гудела от огромного объема полученной информации и заданий. Мне предстояло вплотную заняться творчеством художников и выяснить истории украденных картин. Искать зацепки в далеком прошлом. На мой взгляд, это было лишним. Просто меня требовалось чем-то занять. У других задания оказались более сложными. Я даже не представляла, что расследование — такая тяжелая работа. Половина заданий казалась мне невыполнимой. Невольно я приуныла, сознавая, что не обладаю способностями Итсаску и Сержу, а потому, скорее всего, долго в этом агентстве не продержусь. На одном любопытстве в расследовании дел далеко не уедешь.

Мы уже сворачивали на мою улицу, когда в сумерках от стены отделилась высокая фигура. Диего резко схватил меня за рукав куртки и рывком толкнул себе за спину.

— Ты с ума сошел? — прошипела я, обрызгавшись на него из-за собственного испуга.

— Так вот почему ты не хочешь пить со мной кофе! — Неизвестный оказался всего лишь итальянцем Валерио. Ухмыльнувшись, он засунул руки в карманы джинсов и смерил Диего надменным взглядом.

От удивления, что Валерио нашел меня, и от общего идиотизма ситуации я молча его созерцала. А когда открыла рот, чтобы ответить, раздался другой голос. Голос Диего:

— Иди своей дорогой, тварь. Нечего тебе тут ловить.

Я сделала движение, чтобы выйти из-за Диего, но он удержал меня. Что за глупости!

— Валерио... — начала было я примирительным тоном. — Да выпью я с тобой кофе, хочешь, завтра в одиннадцать утра?

— Не хочет. — Диего ответил резко, словно желал заткнуть нас обоих. — И уж тем более в одиннадцать утра.

...Мое настоящее резко оборвалось на этих словах.

Настя открыла глаза и увидела белый потолок. Голова болела ужасно, она боялась двинуться. Но нужно было срочно узнать, где она находится. Погладив одеяло, она ощутила под пальцами хлопок. Подняла до уровня глаз и облегченно вздохнула: это было ее постельное белье. Но как же больно! Настя медленно ощупала голову, хотя и понимала, что болит внутри — мозг словно бился о череп при малейшем движении. И во рту пересохло...

— Хочешь пить?

— Кто это? — Даже голос был каким-то хриплым и чужим, горло саднило, словно она много орала накануне.

— Это Юка. — Девушка осторожно приподняла голову Насти и дала ей напиток.

— Что вчера произошло? — судя по тому, что потолок был освещен солнцем, она провела в беспмятстве всю ночь.

— Кажется, ты что-то праздновала со своими одноклассниками. — Юка улыбнулась. — Тебя принес парень, Диего. Он сказал, что ты выпила около восьми различных коктейлей.

— Я ничего не помню... Мы вроде домой шли... — Настя чуть не заплакала от сильной боли.

— Давай, выпей таблетки от головной боли. И лежи. Я приготовлю тебе чай.

— Ты не работаешь сегодня?

— На твое счастье, сегодня воскресенье.

— Боже, я должна быть в кафе!

— Я уже позвонила туда и сказала, что ты заболела. Пей!

Настя выпила таблетку и снова легла. Постепенно головная боль отпускала, но не оставляло в покое странное ощущение, что она что-то забыла. Разве она праздновала что-то вчера с ребятами? Они пили чай, потом вышли на улицу... А потом все растаяло в памяти.

После душа, окончательно взбодрившись, она набрала телефон Анжелики.

— Настя! — Голос Лики в телефоне звучал очень приятно. — Как ты? Жива после вчерашнего?

— Жива вроде... — Настя сняла с головы полотенце и увидела у себя на запястье здоровенный синяк. — Лика... а мы вчера много пили?

Лика засмеялась.

— Ты что, ничего не помнишь?

— Нет... — Настя так разглядывала синяк, словно в нем была разгадка вчерашнего происшествия. — Я ничего такого не делала?

— Под таким ты имеешь в виду танцевать и упасть? — поинтересовалась Лика.

Настя застонала: какой кошмар! Первый вечер, знакомство с коллегами, и она так себя вела!

— Цезарь, наверное, меня ненавидит...

— Да нет же, Насть, все нормально. Сделай свою работу, в следующую субботу отчет. Диего тебе поможет.

При имени «Диего» Настя поежилась. Непонятно почему.

В воскресенье библиотеки не работали, поэтому она отложила работу над историческими справками до понедельника, сделала домашние задания по испанскому, погуляла с Юкой в парке, приготовила обед и весь вечер провела с друзьями — они смотрели комедию. Головная боль прошла бесследно, но иногда, когда взгляд падал на синяк, Настя краснела, вспоминая о том, что коллеги видели ее пьяной. Да она же никогда не пьет... Ну разве чуть-чуть... Всегда контролирует себя. Наверное, коктейль был дрянной смесью разнообразных напитков, и ей снесло голову. Но все же... с трудом верилось, что она могла так разойтись. «Боже, меня наверняка рвало! — подумалось вдруг. — А добрая Лика не стала об этом упоминать». Настя старалась отвлечься на разговоры с друзьями и комедию, но время от времени все-таки возвращалась к мысли о своем странном опьянении.

Ночью проснулась из-за сильно бьющегося сердца, задыхаясь от страха: ей снился кошмар. Посидев немного на кровати, пока сердце снова не стало биться ровно, попыталась прогнать навязчивое, липкое сновидение, которое еще продолжало проплывать перед глазами.

Ей снился Диего. Его невероятное красивое лицо с африканскими чертами и белой кожей, зеленые глаза с желтыми вкраплениями. Он был совсем близко от нее. Забавно, но ей казалось, что она все глубже погружается в золотистую зелень его глаз. Потом они оказались на улице, шли и разговаривали, когда появился Валерио. Диего толкнул Настю себе за спину, словно защищал ее.

— Иди своей дорогой, тварь. Нечего тебе тут ловить.

— Валерио... — Насте это казалось абсурдным. — Да выпью я с тобой кофе, хочешь, завтра в одиннадцать утра?

— Не хочет, — резко ответил Диего. — И уж тем более в одиннадцать утра.

Валерио хищно улыбнулся. Насте показалось, что его рот полон острых зубов. Взгляд скользнул по фигуре, остановился на руках с острыми ногтями.

Все было нереальным, чуть размытым. Диего аккуратно снял кашемировое пальто и отдал его

Насте. Отодвинул ее к стене. Она двигалась послушно, не отрывая взгляда от Валерио. Вот странно, от симпатичного парня за несколько секунд не осталось и следа: ногти стали длинными загнутыми когтями, лицо удлинилось и приобрело хищные черты. Валерио словно увеличился в размерах.

Настя перевела взгляд на Диего, встретила с его яркими зелеными глазами с черными тонкими вертикальными зрачками. Вспышка была яркой, ослепительной. Ее резко «выкинуло» из сна, и она, часто дыша, села на кровати.

Что-то в этом сне было такое, чему она верила больше, чем истории с собственным пьянством. Она не помнила ни вечеринки, ни сборов на нее, а вот прикосновение к кашемировому пальто, голоса Диего и Валерио казались реальными. Возможно, она может вспомнить эту сцену, стоит только напрячь память.

Но, с другой стороны, окончание сна казалось неправдоподобным — настолько, что на следующее утро Настя, окончательно сбросив с себя дурман странного сновидения, пошла на работу в кафе, не думая о недавнем кошмаре.

Цезарь по-прежнему ходил в кафе завтракать, но по его указанию Настя делала вид, что не знакома с ним. Он по-прежнему лаконично делал заказ и уходил, оставляя мешочек со странной платой.

Когда она вышла из кафе, увидела Диего, лениво прислонившегося к стене. Он, как всегда, был безупречно одет и аккуратно причесан. Увидев Настю, парень улыбнулся и подошел к ней.

— Диего, ты похож на фотомодель из журналов мод, — восхищенно сказала Настя. Несомненно, идти по улице рядом с таким парнем было приятно.

— Я подрабатываю фотомodelью, — засмеялся Диего. — Когда у нас мало работы и есть время.

— Здорово! Мы идем в агентство? — уточнила девушка, заметив, что спутник свернул не туда.

— Нет, мы идем в спортзал.

— В спортзал? Но подожди, у меня нет одежды, и потом, с чего это вдруг?

— Одежду тебе подобрала Лика. Пока мы будем заниматься, у нас появится шанс получше обсудить дело. И потом, физическая форма — часть контракта, забыла?

Пока Итсаску и Лика переодевались, Настя любовалась их спортивными фигурами. У Итсаску на правом боку виднелась татуировка, которая, судя по всему, опускалась ниже по бедру — черный орел, распахнувший крылья в полете и приготовившийся схватить жертву. Итсаску поймала любопытный взгляд Насти и нахмурилась. Девушка поспешила отвести глаза. Ей было стыдно: она спортом занималась мало. Настя была худенькой, но когда в зеркале сравнила себя с Ликой и Итсаску, поняла: чтобы достичь их формы, придется работать очень долго. Диего и Серж уже ждали — накачанные, мускулистые, только Серж по сравнению с Диего выглядел более слабым, может, потому что периодически трогательно поправлял очки.

— Ну что же, Настя, — Диего оценивающе посмотрел на девушку, — начнем с легкой разминки.

После легкой разминки Настя поняла, что основную часть тренировки не осилит вообще: отжаться от пола не смогла, упражнение на накачивание пресса больше десяти раз не повторила. Красная от усилий, она без сил упала на мат. Диего покачал головой:

— М-да, тут есть над чем поработать.

Пока она пыталась отдышаться, Диего помогал Сержу.

— Он у нас за тренера, — пояснила Лика, подсев к Насте и приняв позу лотоса с такой естественностью, словно это было для нее обыденным делом. — Не переживай, он из всех нас поначалу дух вышибал. Кроме Итсаску.

Настя посмотрела на Итсаску, которая легко поднимала и опускала мощные гантели.

— Лика, а что мы пили на вечеринке? — вдруг спросила она.

Лика вздрогнула и покраснела.

— Я уже не помню, — засмеялась неловко.

— Странно, но я совсем не уверена, что мы куда-то ходили. Запомнила только, что меня провожал до дома Диего.

Румянец заливал уже не только лицо Лики, красные пятна пошли по шее и груди. Девушка срочно сменила тему разговора.

Диего опять вызвался проводить Настю до дома. И она всю дорогу думала, как спросить о том, что произошло после вечеринки.

Наконец, когда они проходили мимо того дома, у которого в ее сновидении встретились с Валерио, девушка сказала:

— Знаешь, мне кажется, мы здесь уже были. И встретили парня с моих курсов.

Диего вдруг резко остановился и развернул ее к себе. Их зеленые глаза встретились и уставились друг на друга.

— Это так? — прошептала Настя. Теперь, признавшись в своей догадке, она не была в ней уверена. Но в Диего чувствовалось что-то пугающе странное: по-восточному непроницаемые черты лица, дикая африканская аура, странным и в то же время гармоничным образом сочетавшаяся с белой кожей. Он посмотрел пристально, словно пытался прочесть что-то в ее душе, и наконец улыбнулся.

— Настя, ну что ты, я тут с тобой впервые.

Но если до этого Настя сомневалась, то теперь была уверена: Диего врал.

— Настя! — Голос Цезаря вывел ее из задумчивости. — А что удалось узнать тебе?

Настя вздохнула. Она впервые докладывала в агентстве. Достав свои записи, пробежала по ним глазами и начала рассказ:

— Украдено три картины. Две из них принадлежат кисти Жана-Габриэля Домерга, французского художника, который считается основоположником стиля пин-ап. Рисовал в основном пастелью, актрис и танцовщиц, у него заказывали портреты Бриджит Бардо и Джина Лоллобриджида. Третья картина неизвестного автора, в каталоге галереи значится как «Лежащая обнаженная». Согласно оценкам экспертов примерно семнадцатый век, но по стилю живописи больше напоминает широкие мазки импрессионистов.

— Картина не может принадлежать перу Домерга? — спросила Лика.

— Вряд ли. «Обнаженная» написана маслом, к тому же стиль не похож на Домерга. И потом, Домерг родился в конце девятнадцатого века.

— Какие у тебя ощущения по поводу всего, что ты узнала, Настя? — спросил Цезарь.

Ощущения? Настя прислушалась к себе. Она боялась сказать глупость.

— Не бойся! — подбодрил Диего. — Мы выдвигаем самые безумные версии. Чувствуй себя свободно. Детективы должны доверять чутью.

— Мне кажется странным выбор картин. Может быть, преступник выполнял два заказа: один заказчик хотел получить картины Домерга, а другой искал «Обнаженную». Но если это один заказчик... немного странный выбор. В том же зале есть более интересные работы, но выбрали «Обнаженную» неизвестного автора и две картины основателя пин-апа. Напрашивается вывод, что украсть хотели именно работы Домерга, а «Обнаженную» похитили, потому что висела рядом, и ее приняли за одну из его работ, или...

— Или украсть хотели именно «Обнаженную»? — заключил Цезарь.

Настя кивнула.

— Необходимо проработать все три версии. Кто коллекционирует пин-ап и работы Домерга, насколько они сейчас востребованны. Лика, ты возьмешь на себя эту версию. Итсаску и Серж отследят самую объемную версию по двум заказам или заказу на все три картины. Диего и Настя — займитесь «Обнаженной». Выясните, кого предположительно называют возможным автором работы, найдите хорошую репродукцию, запросите у владельца всю информацию по картине. Хорошо потрудились, Настя. — Цезарь положил руку на плечо девушки. — Учись у Диего, я назначаю тебя его напарницей.

Настю мало обрадовал такой вариант: в последнее время ей казалось, что Диего следует за ней повсюду. Чувство, что за ней следят, не покидало на улице. Словно кто-то невидимый ходил следом, не отставая. Спокойна она была только в кафе Пепе, дома и в школе языков. В агентстве Диего постоянно находился рядом, в спортзале гонял ее беспощадно, словно готовил к сдаче экзамена в

полицейскую академию.

Но в то же время Настя понимала причины выбора Цезаря: они с Диего были интуитами. Новый напарник хорошо читал людей, да и Настя полагалась на интуицию больше, чем на логику. Серж и Итсаску являлись технарями, а вот по поводу Лики Настя еще не определилась.

Итсаску, к слову сказать, одевалась очень необычно: то пышные юбки, то обтягивающие брюки и высокие сапоги, но неизменной деталью одежды оставались разнообразные корсеты, иногда кожаные, иногда из ткани, с многочисленными мелкими деталями, металлическими заклепками, шестеренками, ремешками, ключами. И сапоги, и пальто у нее были в таком же странном стиле. Лика назвала его «стимпанк», но, надо признать, смотрелось это на Итсаску просто здорово. Анжелика предпочитала элегантный деловой стиль, классику. Серж одевался просто, а Диего всегда выглядел идеально и элегантно, так, что просто дух захватывало.

— В принципе, любая версия может оказаться верной. Или все версии могут оказаться неверными, — рассуждал Диего по дороге домой. — Нам сейчас важно с чего-то начать, потому что все предыдущие самые простые версии, с которых мы начали, оказались неверными. Так что ты вовремя появилась.

— Я не думаю, что гожусь в сыщики, — покачала головой Настя.

— Если Цезарь тебя взял в агентство, значит, годишься. Просто ты еще не осознаешь своих способностей.

— А ты как попал в агентство?

— Меня нашел Старик. Ну, Главный. Граф Виттури. Я работал фотомоделью, съемки проходили в одном из венецианских дворцов. Это было потрясающе! Декорации невероятно красивые, но работать приходилось очень много. На съемках одна из девушек-моделей не выдержала и распсиховалась, а я стал ее успокаивать. В этот момент, пока мы, нелепо одетые, стояли в коридоре, мимо проходил граф. После съемок он пригласил меня на чашечку кофе и предложил работу в агентстве в Барселоне. Как ты понимаешь, от таких гонораров сложно отказаться. Ну а потом, когда я втянулся, начал ощущать красоту этой работы. Надеюсь, и ты поймешь.

— Твоя способность как-то связана с эмпатией? Чувствами? Я заметила, что ты легко находишь подход к людям.

— Отчасти да. Я могу настроиться на человека.

— И загипнотизировать его тоже?

Диего на миг отвернулся, посмотрел в какую-то точку прямо перед собой, покусал пухлые губы.

Потом, словно решившись, повернулся к ней.

— Да.

— Скажи правду, что произошло в момент нашего знакомства. Я не помню, как ты взял мою руку. Как представился.

— Я тебя проверял. Это было необходимо. Прости, но это приходится делать со всеми. Но ты запомнила то, что я говорил тебе в гипнозе, хотя я не просил тебя запоминать. Интересно!

— А тогда... на улице? Что случилось?

Диего задумался. Некоторое время они шли в тишине. Наконец Настя обиженно пожала плечами:

— Ладно, не хочешь — не говори.

Вдруг Диего положил руки ей на плечи и прислонил к стене дома. Зеленые глаза с интересом рассматривали Настю.

— Ну, хорошо. Настя, я просто подрался с тем парнем. Вот и все. Я не хотел, чтобы ты это помнила. Поэтому ввел тебя в состояние гипноза. Заставил поверить, что ты была на вечеринке.

— Я не поверила, что была на вечеринке, — процедила Настя. — С самого начала это казалось странным. Но почему подрался?

— Он сам спровоцировал драку. — Диего смотрел на Настю в упор. — Сам полез. Мне бы не хотелось, чтобы в твоей памяти остался этот неприятный момент.

— Никогда так не делай! — Настя оттолкнула его, и парень отступил. — Если мы напарники, должны доверять друг другу. Но я больше не видела Валерио на курсах.

— Я сказал ему, что, если приблизится к тебе, получит по-крупному.

— Во-первых, я сама решаю, с кем мне дружить, а с кем нет. А во-вторых, ты именно поэтому за мной везде ходишь?

Они стояли и смотрели друг другу в глаза, сжав кулаки. Со стороны могло показаться, что красивый парень ссорится со своей девушкой, и, если уж на то пошло, девушка для него слишком нежна. Красота парня ощущалась как агрессивная и хищная, а профиль девушки был нежным и милым. Она была скромно красива: длинные волосы пшеничного цвета, заплетенные в косу, мягкий изгиб лба, большие зеленые глаза, маленький нос и пухлые губы. Красота фарфоровых кукол... Но грустинка в глазах придавала глубину взгляду, а наклон головы привлекал. Нежная красота, которая раскрывалась постепенно, чем больше смотришь, по сути противоположная яркой, броской, необыкновенной красоте парня.

— Поэтому, — наконец, отступил он. — Не хочу, чтобы он к тебе лез. Поверь, мысли у него были нехорошие.

Настя кивнула. На этот раз Диего говорил искренне.

— С чего начнем? — примирительным тоном спросила Настя.

Они снова зашагали плечом к плечу.

— С визита к специалисту. Есть у нас один. Фото картины у меня имеется. Попробуем? Завтра вечером?

Настя кивнула.

Готический квартал Барселоны погружался в сумерки. Настя шла по улице быстрым шагом, пытаясь согреться и кутаясь в огромный шарф. Витрины магазинов и маленьких лавочек уже загорались мягким золотистым светом. Узкие улочки, знаки с лошадью и повозкой на углах домов: «Выезд», «Выезд». Но машины тут почти не ездили, а уж повозки с лошадьми тем более. Пешеходы торопились по своим делам. На небольшой площади перед собором жарили каштаны. Насквозь прокопченный от постоянного дыма продавец завернул ей каштанов в газетный кулек. Она долго стояла и грела руки, прежде чем открыть кулек и вдохнуть запах теплой осени.

— К ним бы еще горячего глинтвейна, — раздалось справа от нее.

— Вечно ты подкрадываешься! — засмеялась Настя. — Признайся, что шел за мной от метро. То-то было ощущение, что следят.

В глазах Диего мелькнуло беспокойство, но он тут же улыбнулся.

— Возможно! — и тут же залез к ней в кулек. — Давай делись.

Вместе они шелушили каштаны, доставали горячую светлую мякоть ореха и с удовольствием ели.

А когда с каштанами было покончено, он повел ее по узким улочкам Барселоны мимо картинных галерей, углубляясь в кварталы старого города.

Они незаметно вышли к неоготическому собору, прошли по самому популярному среди туристов пути, который вел через маленькую арку в готическом стиле, соединяющую два старинных дома.

— На самом деле это не арка, а переход. Эти два здания принадлежат церкви, а при помощи арки устранялась необходимость переходить из здания в здание по улице.

— Она очень красивая. — Настя любила этот уголок Барселоны. От него веяло Средними веками, готикой, романтикой.

— Видишь, под аркой череп с воткнутым в него кинжалом? — Диего остановился и заставил ее заглянуть под арку. Настя кивнула. — Легенда гласит, что, если здесь пройдет дьявол, кинжал пронзит его и убьет. А теперь проверим, не дьявол ли ты? — И он подтолкнул спутницу вперед.

Настя засмеялась, взяла напарника под руку, и они вместе вошли в арку.

За аркой улочка становилась еще красивей: с обеих сторон со стен свисали горгульи, каменные наличники на окнах были украшены резьбой, порой причудливой, с изображениями драконов и

рыцарей.

Быстро перейдя площадь Святого Хайме, они снова погрузились в очарование старого города. Вскоре Настя перестала ориентироваться: они сворачивали во все более маленькие улочки и наконец остановились у неприметной лавки, чья единственная витрина была завалена старыми книгами, бюстами и старинными приборами, судя по лежащим под ними старым же картам, навигационными.

Диего потянул на себя деревянную дверь, звякнул колокольчик, они вошли. Запах старых вещей был сильным и резким после холодного воздуха. В тусклом освещении лавки, которой явно не хватало яркости современных магазинов, виднелись стеллажи с книгами, свитками, чашами, кубками, бюстами, статуэтками. Повсюду стояли причудливые столики с не менее странными светильниками, элегантные подсвечники, старинные канделябры. В маленьких стеклянных витринах из дерева, которые тоже казались древними, лежали монеты, медальоны, различные предметы из серебра. А на противоположной стене были развешаны мечи, шпаги, кинжалы, рапиры, дуэльные пистолеты и прочее холодное и огнестрельное оружие.

Настя вертела головой, пытаясь рассмотреть все разнообразие ассортимента антикварной лавки: афиши, картины, рога животных, чучело лисы, изящное кресло, секретер с многочисленными ящичками, шлем рыцаря, коллекция маленьких ложечек, четки, медали... Трудно было сориентироваться в этом хороводе различных эпох, времен и человеческих судеб. Кто держал в руках эти черные блестящие четки? Кто расчесывал волосы этим гребнем? Кто сражался этой шпагой? Кто любовался собой, глядя в это зеркальце?.. Тысячи вопросов роились в голове.

Навстречу им вышел пожилой мужчина в потертых штанах и куртке, седые волосы на почти лысой голове с коричневыми пятнами смотрелись как приклеенные. Он неожиданно громко для хрупкого старика поприветствовал Диего как своего знакомого.

— А это кто такая?

Настя робко улыбнулась.

— Это моя напарница, новенькая, из России. — Диего тоже говорил громко. Должно быть, старик был глуховат.

— Из России? — Старик вдруг оживился. — А по-испански понимаешь? Спутник? Матрешка?

— Понимаю, — озадаченно ответила Настя.

— Хорошо! Товарищ!

Настя посмотрела на Диего с неммым вопросом. Но тот, казалось, не знал, чего она так на него смотрит.

— Калинка-малинка! Чего пришли-то? — выдохся, исчерпав русский словарный запас, старик и перешел к делу.

Диего вытащил из папки фотографию картины «Обнаженная» и протянул антиквару.

— Знаете что-нибудь об этой картине?

Старик посмотрел на фотографию, но в руки брать не стал, даже отодвинулся и покосился на парня и девушку.

— Зачем вам эта чертовщина?

— Недавно эта картина была украдена из частной коллекции. Мы расследуем дело в частном же порядке, по заказу владельца галереи. Почему чертовщина?

Старик пожевал губами, задумчиво посмотрел на Диего.

— Хороший ты парень, и девушка твоя хорошая. Не лезьте в это дело.

— Дон Фернандо! — Диего положил снимок картины на стол. — Вы же нас знаете.

— Поэтому и говорю: темное это дело, одни беды от него будут. Цезарь — хороший человек, много мне помогал, только поэтому и предупреждаю.

— И все-таки... мы хотим знать все, что вам известно об этой картине.

Старик, хмурясь, молча смотрел на ребят. Его морщины словно бы стали глубже и собрались в складки, а длинная седая прядь, отбившаяся от остальных волос, повисла прозрачной белой дымкой

у щеки. Только сейчас Настя заметила тремор — голова дрожала мелко и постоянно.

— Ну хорошо.

Антиквар быстро проковылял к входной двери, перевернул табличку и вместо «Открыто» выставил «Закрото», потом повернул ключ.

— Пойдемте, — пригласил он их за собой, выключая свет в лавке. Они прошли по коридору и попали в гостиную, в которой спал в кресле серый, потрепанный жизнью кот, стояла маленькая электрическая батарея, и если бы не грязные чашки, книги с закладками, маленький телевизор и телефон, Настя подумала бы, что это продолжение магазина, настолько все было загромождено старинными вещами.

Диего подсел к маленькому столику напротив старика, тот убрал чашки и книжки на широкий старинный комод, зажег маленькую настольную лампу в стиле Тиффани, от которой по комнате тут же разлетелись разноцветные блики, и устало опустил в кресло. Потрепанный кот проснулся, шумно зевнул, перебрался к старику на колени и тут же заснул, даже не мурлыча, а громко тарыхтя от рассеянных поглаживаний стариковской узловатой руки. Настя не торопилась садиться, оглядывала сокровищницу старьевщика, посматривая на Диего и дону Фернандо, уютно освещенных лампой.

— Я немного знаю об этой картине. Больше легенд и преданий, чем фактов. Голландия в шестнадцатом веке оказалась разделенной на протестантскую и католическую. В католической части жила девушка, принадлежавшая к высшему обществу. Ее родители заказали портрет дочери одному художнику. Тот увидел в ней совершенство, и она стала его излюбленной моделью — художник рисовал мадонн с ее лицом и написал несколько картин, на которых девушка была полностью обнажена. Родители хотели выдать дочь замуж, но она сбежала и попала к протестантам. Те узнали в ней знаменитую модель и высекли на площади. Ее спас глава города и увез к себе в замок. Дальше следы девушки теряются. Возможно, она больше никогда не выходила из замка, возможно, сбежала к художнику, только известно, что после этих событий художник рисовал картины, на которых излюбленная модель предстала в образе демона, а после окончания работы над полотнами он их сжигал. Художник был одержим этим образом, но больше не рисовал любимую ни ангелом, ни мадонной, ни человеком. Вскоре он помешался, ему стало казаться, что девушка ему является. Он повесился в мастерской, а когда его нашли, прямо перед ним стоял почти законченный портрет верховной демонессы с лицом той самой девушки. Говорят, это была женщина, которая могла понести от дьявола, что привело бы к концу света. Еще говорят, что эта женщина могла лишиться человека разума, прошептав ему на ухо пару слов. Говорят также, что она подчинила своей воле хозяина замка и мстила за публичное унижение, насылая беды на протестантов того города, и что именно ее сожгли три года спустя на костре. Как звали того художника, неизвестно. Есть только два портрета, которые считаются принадлежащими его кисти: «Обнаженная» и неоконченный портрет демонессы. Картина «Обнаженная» — очень спорная. По стилю она больше напоминает произведение девятнадцатого века, поэтому многие специалисты не считают ее более ранним произведением. Но и «Демонесса» не похожа на картину шестнадцатого века, насколько я понял по весьма смутным описаниям. Поэтому лучше обращаться к специалистам, хотя качественного исследования картин сделано не было, если только кто-то работал в частном порядке, но тут уж я вам не помогу. Возможно, легенда здесь совсем ни при чем. Но вот что странно... По тем описаниям, что сохранились, на картине «Демонесса» достаточно демонической символики: женщина в плаще с капюшоном, наброшенным на голову, стоит в пентаграмме, начерченной на черном полу. Изображена она так, будто зритель глядит на нее немного сверху, и ее глаза смотрят прямо в глаза зрителя, словно она его только что увидела, и теперь неосторожного ждет кара. Глаза полны ненависти, злости и жажды мести. В отличие от «Демонессы» «Обнаженная» — девушка, лежащая на животе с согнутыми в коленях ногами, которыми она болтает в воздухе. Яркий солнечный свет ласкает ее кожу. Мазки легкие, нечеткие, создающие лирическое настроение. Девушка смотрит на зрителя через плечо, словно только что лежала на диване, читала, он вошел, она обернулась и засмеялась. Так?

Диего сверил описание с фотографией.

— Так.

— А теперь присмотритесь к книге, которую она читает. Я понимаю, что мазки нечеткие, но можно угадать рисунок, который она прикрывает рукой.

Диего поднес фотографию поближе к лампе. Настя тоже подошла и заглянула через плечо.

— Это пентаграмма?

— Возможно. — Дон Фернандо вдруг задумался. — Но на месте пострадавшего владельца я бы за пропажей не гонялся: эта картина не несет ничего хорошего. «Обнаженная» переходила из рук в руки много раз, порой при очень необычных или неприятных обстоятельствах.

— На видео не видно, кто крадет картину, — сказал Диего.

— Я и говорю: чертовщина все это. Второй раз за год рассказываю об этой картине, и все равно мурашки по коже.

— А первый раз когда рассказывали? — оживился Диего.

— Первый? — Старик пожевал губами. — Давно уже. В феврале или марте. Холодно было.

Настя вдруг почувствовала, как мороз прошел по спине. Кот, до сих пор мирно спавший, насторожился.

Девушка не могла точно сказать, что чувствовала, только тени в углах комнаты вдруг стали чернее и гуще, а холод острее, словно тысячи маленьких ледяных иголок вонзились ей в спину и шею.

— Кто спрашивал о ней? — Диего наклонился ближе к старику.

— Не помню, давно это было, какой-то посетитель. Но я не стал пересказывать ему историю, как тебе, да его и интересовал другой вопрос.

— Какой?

Настя поежилась и подвинулась поближе к Диего. Холод стал таким сильным, что она почувствовала острое желание выбежать из лавки и бежать долго, пока кровь, сгущающаяся и болезненно стынущая в жилах, снова не потечет нормально.

— Диего... — от холода свело губы, зубы предательски стучали. Она хотела сказать, что замерзла. Но не успела.

Диего повернулся к ней, в этот момент кот с диким шипением сорвался с места. Диего вскочил, задел лампу, та упала на пол и погасла, комната погрузилась во мрак. В темноте Диего столкнулся с Настей и грубо отшвырнул ее в сторону. Девушка отлетела к стене, но не успела и слова сказать, как раздался страшный скрежет, в темноте послышались звуки борьбы, шипение, падение предметов, вой какого-то страшного огромного существа.

Насте казалось, что темнота наступает на нее, что тьма обрела объем и плотность и движется, готовясь погубить. Девушка начала шарить вокруг себя, чтобы найти хоть что-то для самозащиты. Что-то летало, огромными прыжками проносилось по комнате, шум и борьба слышались то справа, то слева. Дыхание, мяуканье, завывание, визг, грохот, скрип сдвигаемой мебели... Настя поднялась на ноги, прижалась к стене. Какое-то красное круглое пятно маячило в глубине комнаты, то появляясь, то исчезая. Что навело на мысль, что где-то должен быть выключатель, она шарила по стене, тихонько продвигаясь вправо. Рано или поздно найдет его.

Насте хотелось позвать Диего, но она боялась привлечь внимание существа, которое на них напало. Наткнувшись рукой на что-то холодное, она резко отдернула руку и чуть не завопила, но вовремя вспомнила, что и в этой комнате на стене висело оружие. Вновь протянула руку, нащупала холодные ножны, скользнула пальцами вверх к рукоятке. Оружие пригодится. Она тихонько потянула за рукоятку и, почувствовав, что шпага или сабля поддается, вытащила ее. Потом пошла вдоль стены, одной рукой держа оружие, другой нащупывая выключатель. В общей какофонии звуков и скрежетов девушка вдруг отчетливо различила позади себя чье-то дыхание, хриплое и частое.

Она хотела развернуться, но кто-то схватил ее, зажал рот и потащил назад. Диего? Но дыхание коснулось щеки: ледяное, колючее. Ей казалось, что ее обхватило несколько пар рук, волосатые колючие пальцы хватили за лодыжки, бедра, руки. Она брыкалась, но противник был сильнее. Тогда она обмякла, постаралась скользнуть вниз, одновременно ударив локтем туда, где предполагался живот нападавшего. И тут же закричала от боли, потому что ударилась о нечто твердое и скользкое. Ее крик был заглушен — нападавший зажал рот, локоть отозвался болью и сильным электрическим разрядом. Она уронила оружие. Загремев, то упало на пол.

Противник издал то ли мерзкое хихиканье, то ли скрип, но тут на них налетел кто-то третий. Настя ударилась головой о стену, ее противник ослабил хватку, она вывернулась и откатилась в сторону. Скрежет, визг, рычание раздавались теперь совсем рядом. Девушка пыталась нащупать в темноте оружие. Послышался хруст, мерзкий, словно ломались кости. Ее пальцы попали в горячую жижу на полу, она отодвинулась подальше, голова звенела от удара. Внезапно все стихло, и в темноте и звенящей тишине она увидела два уставившихся на нее горящих кошачьих глаза. Два огромных глаза. Эти глаза никак не могли принадлежать коту. Настя отодвигалась, не сводя глаз с двух зеленых плоских, плывущих в темноте навстречу ей. Было жутко тихо, так тихо, что она скорее услышала, чем почувствовала, как волосы встают дыбом.

— Настя! — Кто-то дотронулся до нее, но она закричала, отпихивая от себя чужие руки. От крика в

голове взорвалась яркая боль. Борясь с тошнотой, она из последних сил встала на колени, проползла вдоль стены, нащупала выключатель и щелкнула им. Наверху зажглась неяркая тусклая люстра.

— Настя! — Кто-то настойчиво пытался развернуть ее к себе. Она же увидела на выключателе свою испачканную кровью руку и красный след от пальцев на зеленых обоях. Накатила тошнота, но Настя смогла повернуться. Диего тряс ее за плечо.

— Ты в порядке? — Зеленые глаза смотрели с беспокойством.

Она бросила взгляд на то место, где сражалась с невидимым противником, и ей померещилось, что тьма отступает, словно маленькие черные щупальца залезают под мебель. На полу растеклась лужа крови, а рядом Настя увидела красный отпечаток своей ладони и шпагу. Снова встретилась глазами с Диего, внезапно вспомнила зеленые глаза в темноте и поняла, что с нее хватит.

— Не трогай меня! — Она сбросила с себя его руку, отползла чуть подальше. Нужно было унять этот безумный взрыв в голове, отдающийся болью при каждом движении. И потом встать.

— Настя, послушай меня... — Диего протянул ей руку. Но она встала самостоятельно.

— Что это было? Что это за хрень? И что случилось с... — Девушка посмотрела на старика, сидевшего за столом. Он смотрел на нее, не мигая, застывшим навсегда взглядом. В его теле зияла глубокая дыра, пугающе пустая, словно его выпотрошили, как куклу. Настю вырвало бы, но непрерывно звеневшая в голове боль была сильнее всего другого.

— Настя, ты должна меня выслушать.

— Ты его убил, да?

— Нет, клянусь тебе, нет. Думаю, тебе пора кое-что узнать, но сначала я принесу лед. У тебя кровь в волосах.

Диего вышел из комнаты. Настя схватила шпагу и, шатаясь, пошла к выходу. Плевать на все, она должна выйти на воздух, иначе сойдет с ума. В темноте лавки что-то бросилось ей под ноги и зашипело. Девушка нервно вскрикнула, но это был всего лишь кот. Пальцы плохо слушались, когда она пыталась открыть задвижку. Диего уже вернулся в комнату и увидел, что ее нет.

— Настя!

Быстрее, быстрее! Она распахнула дверь, звякнул колокольчик, и девушка, чуть не разрыдавшись от этого мирного звука, выскочила на холодный воздух, глубоко вдохнула, пытаясь унять тошноту и боль. Диего выбежал вслед за ней.

— Не подходи ко мне! — Она выставила вперед оружие.

— Настя, послушай, нам нужно спокойно поговорить. — Он показал, что безоружен, но она боялась его до ужаса.

— Оставь меня в покое! — Шпага прыгала, рука нервно тряслась, Настя понимала, что бессильна.

Она отступала из переулка, моля Бога, чтобы помог найти дорогу к какому-нибудь людному месту. Услышав голоса, бросилась навстречу.

— Помогите! — и остановилась, увидев, кто вышел из-за угла.

В высокой девушке в корсете, причудливом платье, странной шляпе с брошкой из часовых шестеренок, с красивыми старинными пистолетами на поясе она узнала Итсаску. Рядом с ней шел Серж, он был одет просто, но на руках и ногах были кожаные чехлы с многочисленными ножами. Сзади шагала Цезарь в коричневом пальто. Настя оглянулась: в переулке ее ждал Диего.

Серж вдруг подбежал к ней и крепко обнял, воспользовавшись ее замешательством.

— Послушай меня, — тихо сказал он. — Ты в безопасности, клянусь. Всем, чем хочешь, клянусь, доверься нам.

— Меня сейчас стошнит.

Серж держал и ее, и косу, пока девушку выворачивало на тротуар. Диего подал лед, стараясь не приближаться к Насте.

— Как тебе досталось! — Серж бережно приложил лед к ране. Силы покинули Настю, руки и ноги задрожали, и она расплакалась.

— У нее шок. — Цезарь похлопал ее по руке, посмотрел зрачки. — Серж, Итсаску, везите ее к Лике. Мы с Диего уладим здесь дела и придем. Если станет хуже, вызывайте врача. Все, убирайтесь.

Машина стояла неподалеку. Настю положили на заднее сиденье. Серж был за рулем. Они доехали как-то необыкновенно быстро. Серж поднял ее по лестнице в агентство, положил на диван. Лика промыла рану, дала успокоительное, накрыла одеялами.

— Что это было, Лика? — дрожала Настя. — Что это было?

Анжелика легла рядом, лицом к ней. Заплаканной Насте казалось, что лицо девушки светится, хотя это просто от слез расплывались овал лица и волосы. Лика положила руку ей на голову, и головная боль стала стихать. Настя провалилась в мягкий уютный сон без сновидений.

— Спи, Настя, спи. Я буду рядом. Ничего не бойся. Мы с тобой.

Странно, Анжелике она поверила. Боль ушла.

Проснулась внезапно, словно кто-то вытащил за шкуру из теплого уютного забвения.

Ребята сидели напротив нее, словно ждали, когда она проснется.

Из дневника Насти

Я села и стала растерянно рассматривать каждого из них. Лика находилась ближе всех и, как только я поднялась, перепорхнула ко мне на диван, устроилась совсем близко, так что наши плечи соприкасались.

— Как ты? — Ее синие, точнее васильковые, глаза обеспокоенно всматривались в мое лицо. — Голова болит?

Голова не болела, только саднила кожа на голове. Я провела рукой по пострадавшему месту и почувствовала корочку на ране.

— Она заживет, — успокоила Лика. — Хочешь чего-нибудь? Воды? Чаю?

Судя по лицам остальных, разговор предстоял серьезный. Дневной свет за окном ясно говорил о том, что спала я долго.

— Воды, пожалуйста.

Лика вернулась так быстро, что показалось — стакан с водой был припасен заранее. Я жадно выпила. Стало лучше. Мысли обретали ясность, а вместе с этим всплывали и воспоминания о вчерашнем вечере.

Серж сидел рядом с Итсаску. Та была одета в длинную юбку, викторианскую блузку с брошью на шее и черный строгий корсет. Сам парень был в джинсах и майке, серые глаза за очками сочувственно смотрели на меня.

— Вид у тебя неважный, — честно сказал он.

Не знаю почему, но я улыбнулась.

Итсаску тихо обронила:

— Надеюсь, обойдется без вчерашнего шоу.

Диего стоял у окна в глубине комнаты. Он был, как всегда, безупречно одет: отглаженные серые брюки, белая рубашка и бордовый свитер. Все безумно дорогое и стильное. Цезарь сидел рядом с Итсаску. В наступившей тишине он заговорил первым.

— Анастасия, когда я тебя взял на работу, я не захотел вываливать сразу детали специфики этого агентства, потому что надеялся подготовить ко всему постепенно. К сожалению, обстоятельства складываются так, что ты не можешь больше пребывать в статусе новичка. Тебе придется за короткий срок усвоить много новой информации. В том числе — информации о коллегах. Прежде всего — Диего не нападал на тебя и не убивал владельца лавки. Иначе его с нами не было бы. Мы не убиваем, не грабим, не совершаем преступлений. Вчера ты была напугана случившимся, но сегодня понимаешь, что с нами ты в безопасности?

Я прислушалась к себе. Несмотря на вчерашнее происшествие, Цезарю я доверяла: он много времени обучал меня истории культуры, был очень хорошим преподавателем и казался надежным

человеком. Я кивнула.

— Спасибо. Самое важное, что ты должна понять сегодня, — антропоморфные существа в этом мире делятся в основном на созданий и людей. Создания либо принимают человеческую форму, чтобы взаимодействовать с людьми, либо их базовая форма антропоморфна.

— Я не поняла. — У меня возникло ощущение, что он зачитывает главу из учебника по биологии, которую я пропустила в школе. — Есть только люди и человекоподобные обезьяны.

— Для обывателя — да. Но не для нас, Анастасия. У нас в команде есть создания и есть люди. Анжелика, например, ангел.

Я тупо уставилась на Лику. Она лучезарно улыбнулась и тряхнула кудряшками.

— Ты только не волнуйся, Настя. Я сейчас тебе кое-что покажу. — Девушка встала, отошла от дивана на пару шагов. Одета она была офисно и вполне буднично: белая блузка и серая юбка, так что уже это как какое-то разумное начало меня успокаивало. Но свет от окна вдруг потянулся к ней. Или Лика стала излучать свет? Не знаю. Только четкие очертания ее тела размылись, засветились, а за спиной выросли огромные крылья. Сначала они были прозрачными, а потом приобрели объем и фактуру.

— Это голограмма, да?

Мне казалось, на мне испытывают какие-то компьютерные эффекты.

Цезарь тихо, но четко сказал:

— Анжелика, пожалуйста, дай ей до тебя дотронуться.

Лика кивнула. Светясь, она подошла поближе, и я провела рукой по ее крыльям. Сложно было сказать, из чего они сделаны, на ощупь они напоминали не перья, а что-то среднее между тонкой бумагой и шелковой тканью. Лика положила руку мне на голову.

— Я могу исцелять. Так что, поскольку тебе не нужна царапина на голове, помогу от нее избавиться.

Ее прикосновение вызвало легкий зуд и мурашки на коже, но я сидела смирно. Я решила до конца прослушать речь Цезаря. И только потом принимать решение. Рука Лики словно успокаивала, приводила в порядок мысли и чувства. Буря сопротивления и неприятия того, что сказал Цезарь, поднимавшаяся со дна души, вдруг утихла. Лика убрала руку, и я машинально почесала голову. Там не было ни следа от раны.

— Ты как? — Цезарь наклонился ко мне, заглянул в глаза.

— Нормально. А ты кто?

Мужчина улыбнулся, морщинки лучами собрались в уголках глаз.

— Я человек.

— А я вампир. — Итсаску вдруг довольно хищно усмехнулась. Эта девушка всегда казалась мне странной, но почему-то именно ее признание я приняла без особого удивления. Перевела вопросительный взгляд на Сержа.

— Я человек. — Серж улыбнулся во весь рот, словно этот факт его радовал. — Кстати, хорошо держисься, я вот дал деру, после того как Итсаску призналась, кто она.

Оставался Диего. Он все время стоял у окна, то посматривая на нас, то рассеянно оглядывая город.

— Я оборотень, — устало произнес он, подхода ближе. — Прости, Настя, мне хотелось сказать тебе, но Цезарь решил, что сначала мы должны поработать вместе. Как видишь, не очень-то вышло. Я оттолкнул тебя в сторону, потому что увидел опасность и должен был перекинуться. Прости, что получилось так грубо.

— Перекинуться? Ты что, действительно превращаешься в волка?

— Не в волка. Только не пугайся, ладно? Пожалуйста! — Он отошел подальше. Бросил на меня грустный взгляд. И вдруг его лицо и тело словно расплавились и стали видоизменяться, превращаясь в другую форму. На меня смотрела огромная черная пантера с зелеными глазами. Она приблизилась... Мощное лоснящееся тело, словно бархатное... Я протянула руку. Пантера поддела ее головой, как ласкающаяся собака. Я погладила ее, ощутила мягкость шерсти, жесткость усов, мощные мышцы на шее.

— Значит... все это правда...

Пантера отошла назад, ее очертания изменились, и мгновение спустя передо мной вновь стоял Диего.

— Теперь начистоту: что произошло тогда с Валерио? Я видела во сне твои кошачьи глаза. Ты тогда перекинулся?

Диего и Цезарь уставились на меня с одинаковым удивлением.

— Ты видела сон, в котором я перекинулся?

— Да, а Валерио почему-то был с длинными зубами и когтями... — Мурашки опять побежали по спине. Я вдруг осознала: если в этой тесной компании есть ангелы, оборотни и вампиры, то что же творится на улицах города? А вдруг Валерио — это тоже...

— Удивительно! — Цезарь подсел ко мне и взял за запястье, словно проверял пульс. — Несмотря на то что Диего тебя загипнотизировал, твое подсознание пыталось сказать правду.

— Валерио был послан, чтобы втереться к тебе в доверие, но, увидев меня, понял, что ты под защитой. И тогда он... стал самим собой. Тварью. Они принимают вид человека, но довольно быстро его теряют, если их вывести из себя. Мне пришлось действовать: парализовать твое сознание и вступить с ним в драку. А потом еще подчищать память тебе и одному случайному прохожему.

Информация обрушилась на меня, словно лавина, а параллельно мое сознание вдруг получило доступ к воспоминаниям. Уж не знаю, разблокировал меня Диего или я сама обрела возможность просмотреть «ментальную запись» происшедшего тогда на улице.

— Настя, за тобой следят. Я не всегда их вижу, но чувствую. Это я обнаружил однажды тварь возле кафе, где ты работаешь. Я решил, что тварь следит за Цезарем. Но когда Цезарь вышел, тварь осталась на месте. Я остался следить за ней. Потом из кафе вышла обычная девчонка, иностранка, и тварь так радостно бросилась вслед за ней, что я не мог не проследить за тобой. Я сообщил об этом Цезарю. Мы параллельно с тварями вели за тобой наблюдение. А потом ты вдруг пошла за Цезарем. И он решил, что ты должна остаться с нами, хотя бы на время, пока мы не выясним, что привлекло к тебе этих созданий.

— Анастасия, мне кажется, мы не видим в тебе того, что видят они, хотя ты обладаешь неплохой интуицией. Под воздействием Диего ты сможешь расширить свои способности в этой области. Ты хорошо схватываешь знания, но это не причина, по которой они желают тебя заполучить. И хотя мы давно ломаем над этим голову, рано или поздно узнаем, почему ты им так интересна. Граф Виттури полностью поддержал нашу инициативу, поэтому сейчас мы одновременно работаем над загадкой кражи и над твоей загадкой.

— Я что же... тоже... создание? — Я испуганно посмотрела на Цезаря.

— Нет. — Он успокаивающе похлопал меня по руке. — Ты человек, это точно. Теперь, думаю, наступил момент поговорить о том, что произошло вчера.

— Настя, — спросил Диего. — Расскажи, ты как-то почувствовала опасность? Если бы не ты и не кот, я мог бы прозевать тот момент, когда напал Мрак. Я был поглощен тайной картины.

— Мрак? Та хрень с черными щупальцами?

— Примерно так, как ты описала. — Серж поправил очки. — На самом деле я считаю, что Мрак обладает некоторыми свойствами черной дыры, но при этом имеет контролируемое сознание.

— Там еще маячила в темноте красная точка.

— Это глаз Мрака.

Класс. У черной дыры есть красный глаз и щупальца. По улице за мной ходят твари. Я работаю в одной команде с ангелом. Доктор, у меня шизофрения?

— Ладно. — Я постаралась вспомнить, что происходило в лавке. — У меня от рассказа о картине по спине постоянно бегали мурашки. Было как-то страшновато, что ли. Но в какой-то момент я поняла, что стало очень холодно. Потом показалось, что темнота в углах сгущается. Сделалось жутко. Тогда я заговорила с тобой, Диего, заорал кот, и стало темно.

Я рассказала обо всех своих ощущениях, обо всей невидимой борьбе в темноте. От воспоминаний сделалось так страшно, что я обхватила себя руками. Лица обняла меня, стало спокойнее.

— Не бойся, ты с нами. Больше тебе ничего не угрожает.

— Пока, — добавила Итсаску.

Мы говорили о том, что случилось, и сходились на том, что Мрак должен был предотвратить получение информации от антиквара. Голова была переполнена впечатлениями. Больше всего хотелось попасть домой, увидеть Юку и Мартина и понять, что я еще не совсем спятила, потому что события последних часов оказались весьма далеки от повседневных. И еще завтра мне нужно было на работу и учебу. А чувствовала я себя так, будто по мне промчался поезд из двадцати вагонов. Что ни говори, а знакомство за пятнадцать минут с ангелом, вампиром и оборотнем оставляет неизгладимый след в психике любого человека.

Конечно, вопросы, как к ребятам, так и к Цезарю, множились в голове со скоростью света, но я сознавала, что все сразу не поймешь. Пока в расследовании мы нащупали ниточку, пусть и оборванную. Но раз ее оборвали, значит, мы на верном пути.

— Думаю, стоит еще раз поговорить с коллекционером. В присутствии Насти, — предложил Диего.

— Только одни вы не поедете. Итсаску и Серж вас прикроют. Я сообщу графу Виттури о произошедшем, думаю, он согласится с планом.

— Когда это Старик не поддерживал наши планы? — усмехнулся Диего.

Но Цезарь ничего не ответил, похоже, он был чем-то серьезно обеспокоен.

Отныне, куда бы я ни шла, знала, что за мной следят. Лица, Итсаску и Диего теперь работали по очереди, провожали меня там, где могли показаться, и действовали незаметно, когда я ходила по городу одна или в компании Юки, Мартина и их друзей. С одной стороны, знание того, что я защищена, успокаивало, но с другой стороны, как было бы здорово ничего не знать! Ощущение чужого взгляда, сверлящего спину, иногда казалось невыносимым.

Цезарь настоял на том, чтобы увеличить спортивную нагрузку. Диего просто лютовал: отжимания, приседания, три раза в неделю в любую погоду пробежки вместе с ним вдоль пляжа. Казалось, я занята — дальше некуда. А я-то собиралась скучать и плакать! Да мне порой некогда было даже поговорить с мамой по скайпу! Все дни поглощались приготовлением кофе у Пепе, учебой, спортом, расследованием, лекциями Цезаря. Но и этого оказалось мало: Цезарь «обрадовал» меня, заявив, что я должна выбрать какое-нибудь оружие. Огнестрельное или холодное — не важно. Я выбрала фехтование. Мне понравилось ощущение меча в руке в магазине у антиквара. Цезарь обещал, что мне скоро пришлют мой персональный меч, он будет покорооче шпаги, которую я нечаянно забрала из лавки.

Октябрь между тем подошел к концу.

Незадолго до визита в галерею, из которой пропала картина, Юка, Настя и подруги японки собрались прогуляться по магазинчикам старого города.

Пока остальные девчонки весело переговаривались о всякой ерунде и покупках, которые нужно сделать к Новому году, Настя рассеянно слушала их и, глядя на открывшуюся впереди Виа Лайетана, думала о том, что скоро они опять нырнут в каменные объятия готического квартала, с улыбкой представляла узкие улочки и неожиданные сюрпризы, которые готовила ей Барселона.

— Смотрите! Маски! — отвлек ее от размышлений возглас Юки.

Она повернулась к девочкам и тут же увидела в витрине прямо перед собой смеющуюся венецианскую маску. Магазин «Маскарад Арлекина» оказался довольно просторным. Маски смотрели на вошедших девушек отовсюду: одни улыбались, другие смеялись, третьи не выражали вообще ничего, а четвертые были самой тайной...

— Маски можно мерить, — сказала продавщица, с улыбкой поглядев на притихших вдруг девушек.

Юка покачала головой:

— Они смотрят...

А Настя уже держала в руках маску, непохожую на остальные. Кружево с тонкой сетью загадочных изгибов и орнаментов словно призывало хранить тайну. Маска, несмотря на тонкую работу, хорошо держала форму лица. То ли внутри имелся каркас, то ли она была чем-то пропитана, но совсем не хотелось думать о технике исполнения, хотелось надеть ее и отправиться на маскарад, превратиться в таинственную незнакомку... Настя надела маску и посмотрела в зеркало. Кружево мягко закрывало верхнюю половину лица, делая взгляд притягательным. Захотелось забрать маску с собой. Машинально повернула ценник и расстроилась: сорок евро — огромные деньги. А маску она не наденет никогда, потому что ей не представится подходящего случая...

— Вам нравится! — заметила продавщица.

Настя кивнула и улыбнулась с сожалением.

— Но она мне ни к чему... Жаль, что не нужно идти на маскарад.

Девочки по очереди завязывали друг дружке ленты масок и восхищались. Настя спокойно ждала. Казалось, магазин показал ей то единственное, ради чего она зашла сюда. Остальные маски равнодушно смотрели в другие стороны. Она ради интереса поглядела на цены. Намного богаче украшенные расписные венецианские маски с перьями стоили дешевле той, что ей понравилась. Но их Настя не купила бы ни за что на свете...

Владельцем частной коллекции оказался прославленный нейрохирург. Страсть к искусству у него была профессиональной: он сам когда-то учился в художественной школе, и ему прочили блестящее будущее. Но он увлекся медициной, а потом оставил рисование, превратившееся в хобби. Это, по его словам, не мешало коллекционировать прекрасные произведения разных времен, тем более что он неплохо в них разбирался. Команда детективов попала к нему в особняк, расположенный в одном из престижных районов Барселоны, в канун Дня всех святых.

Серж и Итсаску попросили позволить осмотреть место кражи, а Настя с Диего поднялись в кабинет к хозяину галереи. Ничего нового, кроме того, что они уже обсуждали в агентстве, Настя не узнала. Владелец галереи, типичный большой босс, вальяжно разговаривал с Диего, откинувшись в кожаном кресле. Но Диего неожиданно задал вопрос:

— Кто-нибудь говорил с вами о второй картине, которую тоже приписывают автору «Обнаженной»?

— Нет, не думаю, — ответил владелец галереи, но тень сомнения промелькнула на его лице.

Диего подался вперед:

— Вы уверены?

— Да, наверное... Да... — еще больше засомневавшись, произнес он. Потом улыбнулся: — Интересно, это что-то вроде дежавю. Наверное, вы уже задавали мне такой вопрос раньше.

— Вовсе нет! — возразил Диего. Инстинктивно ребята поняли друг друга: о второй картине они узнали совсем недавно. Диего просто не мог задать вопрос раньше. — Скажите, вы не будете против, если я воспользуюсь гипнозом? Возможно, кто-то говорил с вами об этой картине, а потом попросил забыть, применив запрещенное воздействие.

— Разумеется, нет! — возмущенно ответил коллекционер. — И речи быть не может! К тому же это невозможно, я не поддаюсь гипнозу...

Но Диего уже не слушал. Его глаза вдруг вспыхнули зеленым светом, и владелец галереи заоруженно уставился на них. Настя тоже замерла, словно была привлечена светом, но Диего положил руку ей на глаза, и она пришла в себя. Теперь девушка сидела, опустив взгляд на руки Диего, спокойно лежавшие на подлокотниках кресла.

— Я попрошу вас вернуться к заданному вопросу. Кто разговаривал с вами о второй картине?

Голос отвечавшего вдруг стал монотонным, словно он скучал или засыпал.

— Один человек.

— Когда он пришел к вам?

— Февраль-март... не помню. Было холодно.

Диего сделал знак пальцами: внимание!

Настя насторожилась, вдруг опять почувствует холод или приближение Мрака? Но ничего не происходило.

— Что он спросил у вас?

— Он показал мне фото моей картины и другой картины, потом спросил, принадлежат ли они мне. Вроде бы искал их и желал купить. Но я отказался продавать. А второй картины у меня никогда не было. Я бы запомнил.

— Почему запомнили бы?

— Она внушала ужас, я бы не повесил такую в галерее.

— Тот человек представился?

— Да. Он сказал, что его зовут граф Виттури.

— Что? — Пальцы Диего дрогнули, словно от боли, а потом крепко сжали подлокотник кресла. — Вы уверены? Как он выглядел?

— Я... не уверен. Высокий. В черном.

Настя лихорадочно соображала. Граф Виттури — это владелец агентства, где она работает. Но как же так?..

— Как вы вышли на наше агентство? Почему заказали расследование именно нам?

— У меня оказалась визитка агентства. Не помню, как она появилась.

— Вы знали, что агентство принадлежит графу Виттури?

— Нет.

— Вы сейчас выйдете из гипноза. Вы не будете помнить этот разговор. На счет три. Раз, два, три...

Настя подняла взгляд.

— Что ж. — Диего вежливо пожал руку хозяину галереи. — Вы вправе отказаться от гипноза. Но если вспомните что-нибудь ценное, свяжитесь с нами.

— Ну конечно, — вальяжный, уверенный в себе хозяин даже не подозревал, что только что был марионеткой в руках Диего.

Настя передернула плечами.

Они молча вышли из кабинета и спустились в галерею. Итсаску и Серж уже ждали в холле.

— Что же получается? — не выдержала Настя, с трудом дождавшись минуты, когда они покинули особняк. — Граф Виттури украл картину?

— Нет, Настя. — Диего мрачно смотрел перед собой и шел быстрым шагом. — Это означает, что кто-то очень хотел, чтобы мы передали графу сообщение. Кто-то постарался оставить в сознании хозяина галереи слабое место, чтобы я уцепился за его неуверенность и провел сеанс гипноза. Кто-то представился графом, чтобы это имя осталось в сознании, но стер из памяти внешность. Этот кто-то в то же время ходил к антиквару. Этот кто-то постарался, чтобы визитка нашего агентства попала к хозяину галереи. Получается, что этот кто-то очень хотел, чтобы именно мы расследовали данное дело. Надо срочно связаться со Стариком, он должен знать.

Настя с Сержем едва поспевали за Диего, а Итсаску шла красивым широким шагом, в своем неизменном прикиде — смеси исторического костюма со стимпанком. Сейчас, в разгар Хэллоуина, на улице то и дело встречались ряженые, так что ее вид не привлекал излишнего внимания. Диего шел в расстегнутом кашемировом пальто, как всегда, чертовски красивый и аристократично элегантный, казалось, он сбежал с обложки мужского журнала мод. Серж был в каких-то мешковатых джинсах и толстовке, а Настя надела простое платье и куртку.

Чем ближе они спускались к центру, тем больше встречали ряженых. Мимо неслись ведьмы, зомби, Робин Гуды и невысказанно разряженные девицы в кислотных париках. Дети, одетые мумиями фараонов, бежали с воплями и визгом, а за ними гнались монашки и медсестры в окровавленных передниках. Тем временем дневной свет стал меркнуть, наступали сумерки.

Итсаску связалась с Ликой по телефону и кратко пересказала результаты поездки в галерею. Ребята возбужденно обсуждали варианты дальнейших действий. Они опять в тупике. Если бы только можно было найти фотографию второй картины неизвестного художника, если бы граф Виттури понял, кто способен его так подставить! А может, стоит узнать на черном рынке, не появлялась ли там украденная картина?

— Но почему вы так уверены, что граф Виттури ни при чем? — продолжала сомневаться Настя.

— Потому что граф не занимается кражами, Настя, — терпеливо объяснял Диего.

— Не сомневайся в Главном, — сухо подытожила Итсаску. — Ему нет резона запутывать нас. Диего прав, кто-то сыграл злую шутку, зная, что в местном агентстве есть гипнотизер.

Глядя на нее, холодную и невозмутимую, целеустремленно шагающую, Настя заметила, как в глазах вампирши вдруг мелькнуло нечто, похожее на тревогу. Девушка посмотрела в ту же сторону, что и Итсаску: навстречу шли два участника карнавала в черных обтягивающих брюках, высоких сапогах, красивых пиджаках наподобие гусарских — у одного синего, у другого — красного цвета. Все это дополнялось бледными лицами, подведенными глазами, укладкой волос, как у парней в аниме: один — блондин, у другого волосы синего цвета. Итсаску положила руку Насте на плечо и легко отодвинула девушку назад, Серж встал рядом, закатал рукава своей толстовки. Оказалось, на руках у него, как всегда, широкие и высокие кожаные браслеты с воткнутыми в них метательными ножами, похожими на звездочки или шестеренки.

— Твои друзья? — спросил Диего у Итсаску, становясь с другой стороны от девушки.

Настя выглядывала из-за спин ребят, неловко переступая с ноги на ногу.

— Так... знакомые...

— Какие люди! — растягивая каждый слог, заговорил блондин, приближаясь. Он словно не замечал настороженных парней, его взгляд был прикован к Итсаску. — Моя бывшая девушка! Как поживаешь, красотка?

— Без тебя гораздо лучше. — Итсаску чуть отвела полы расстегнутой кожаной куртки в сторону, чтобы показать старинные пистолеты на поясе.

— Смертоубийственная красотка! — одобрительно кивнул блондин. — Не надоело еще прислуживать?

— Как видишь, нет.

— И как ты выдерживаешь? — Блондин наконец перевел взгляд подведенных глаз на ее спутников. — Кровь оборотня, кровь мужчины, кровь девственницы... Очень вкусное меню...

Настя почувствовала, как покрывается румянцем. Вот козел! Как он узнал?

— По ночам атакую банки крови. — Итсаску наконец опустила руки. — Что тебе нужно?

— Да ничего! — Блондин рассеянно пожал плечами. — Просто почувял тебя и захотел поздороваться.

Его спутник с синими волосами нетерпеливо тряхнул головой. Блондин торопливо наклонился к Итсаску:

— Знаешь, красотка, иногда надо уметь выбрать, на чьей ты стороне.

Итсаску вдруг подалась вперед:

— Не ты ли говорил, что мы должны ни во что не вмешиваться и ни к кому не присоединяться?

— И продолжаю говорить. Но думаю, тебе лучше знать, что другая сторона сильнее. И опаснее. Ты не тех выбрала в спутники. Два человека и оборотень. Кто там еще? Вас не так много. А ночи сейчас длиннее, тьма гуще! — Это блондин прошептал Итсаску на ухо, но Настя слышала. — Подумай, я еще могу принять тебя в компанию.

— Я приняла решение.

— Жаль. — Блондин отстранился. Потом разочарованно и картинно вздохнул. — Ну что ж, мы, пожалуй, пойдем на охоту. Сегодня люди от нас без ума.

Он подмигнул Насте и вместе с синеволосым двинулся дальше по улице.

Серж приобнял Итсаску, но она резко высвободилась и пошла вперед. Диего сделал знак Сержу, чтобы тот оставил ее в покое, а сам взял под руку Настю.

— Это были вампиры? Настоящие? — неизвестно почему Настя испытывала странный восторг от причастности к этому пока еще непонятному миру.

— Вполне.

— Что он такое молол про сторону?

— Сама знаешь... есть на свете силы тьмы и силы света... А есть те, кому на все наплевать. Он из таких.

— А мы — силы света, что ли? — Настя засмеялась.

— Вроде того, — задумчиво ответил Диего. — Сейчас поймаем такси. Неудачное время для прогулок по городу.

Проезжая в такси по улицам, глядя на разряженные толпы, огни баров, ресторанов и магазинов, Настя думала, каким странным теперь кажется ей этот город. Кто из этих ряженных существ, толпами снующих по улицам, подделка, а кто — настоящий? Эта вампириша на переходе, что громко и хрипло смеется над шуткой окровавленным ртом, — фальшивка. А девушка, сидящая рядом на заднем сиденье такси, словно застывшая в странной бесконечности, — настоящая.

— Итсаску! — Настя наконец решила спросить. — Что из рассказов о вампирах правда?

— Практически ничего. — Девушка повернулась к Насте. — Мы живем долго. Но не бессмертны. Можем выходить днем, но ночное время больше подходит для охоты.

— Ты правда пьешь кровь?

— Иногда. Это необходимо для поддержания особого обмена веществ. Мы можем принимать кровь как витамины — периодами.

— К тебе, наверное, все время пристают со странными вопросами? Прости.

Итсаску мотнула головой. И Настя вдруг почувствовала волну одиночества.

— Я отвечаю на твои вопросы, потому что Серж тоже задавал похожие, — улыбнулась она. — Странно, что ты меня не боишься.

— Я вроде бы доверяю тебе, — улыбнулась Настя. — Хоть порой и чувствую себя неудобно.

Итсаску кивнула.

— Нормальная реакция, но ты привыкнешь. Я не пытаюсь тебя очаровать, поэтому ты с твоей интуицией ощущаешь опасность.

— Почему ты ушла от других вампиров?

— Я нашла смысл. Смысл всего. Смысл жизни, борьбы, существования. Когда находишь его, ты находишь семью — тех, кто думает так же. И тебе все равно, кто они — люди, оборотни, демоны, ангелы... Ты просто знаешь, что они с тобой. До конца. Ты поймешь, Настя. Ты еще на пороге. Но ты доверяешь нам, несмотря на свои сомнения и страхи. Это интересно.

Итсаску снова отвернулась и застыла как статуя. Ни тени эмоций. Но Настю глубоко тронули ее слова.

Ночной город мелькал за окнами такси. Это был город, полный загадок, которые ей предстояло разгадать.

Попрощавшись с Итсаску на пороге квартиры, она повернула ключ в двери и вошла в прихожую. В гостиной оказалось подозрительно тепло, ярко горел свет. Стол был заставлен вкусной едой, у Насти слюнки потекли при виде аргентинских пирожков. За столом сидели Юка, Мартин и неизвестный парень. Он поднял на нее взгляд голубых глаз, улыбнулся в бороду:

— А это, должно быть, Настя из России?

Парень встал — высокий, широкоплечий, под обтягивающей торс футболкой с длинными рукавами угадывались мускулы. Светлые волосы были гладко зачесаны назад и забраны в хвост. Перед обалдевшей Настей стоял настоящий викинг! Образ дополняли разные фенечки с металлическими бусинами в виде стрел и черепов птиц на правой руке.

— Настя! — Юке удалось заставить ее оторвать взгляд от парня, только дернув за рукав. — Мы сдали самую маленькую комнату-склад, это наш новый сосед — Джонни.

— Привет! — Настя еле смогла заставить себя произнести слово. Понимая, что пора перестать глазеть на нового соседа, она тряхнула головой, словно прогоняла наваждение. — Прости, я не ожидала еще кого-то здесь увидеть.

— Джонни — англичанин, — продолжила Юка. — Представляешь, у него есть электрическая

батарея! Мы нагрели гостиную.

Настя еле заставила себя снять куртку. Движения давались с трудом, ей казалось, что она жутко неуклюжая.

— Но в той комнате окно смотрит на лифт, как ты сможешь там спать?

— Я сплю спокойно, меня подобные мелочи не смущают. — Парень смотрел на нее своими синими глазами, их цвет становился все глубже и насыщенней. Он отодвинул для нее стул рядом с собой. Настя села. Юка налила всем вина. Ребята ужинали, знакомились и смеялись, разомлев от тепла и вина. Близость Джонни поначалу сковывала Настю, словно рядом с ним ей было неудобно за саму себя. Но он задавал вопросы, шутил, смеялся так чисто и счастливо, так интересно рассказывал разные истории, что ребята слушали, затаив дыхание. Скользя глазами по лицу Джонни, изучая его фенечки, Настя понимала, что он ей очень нравится. Кажется, еще никто никогда не нравился ей так сильно.

На следующий день Настя явилась в кафе Пепе рано, но, так как был выходной, народа пришло мало. Пока Пепе раскладывал горячую выпечку в витрине, Настя готовила кофе и думала о Джонни. Горячий воздушный круассан и аромат кофе вернули ее в настоящее, только когда она, сев за столик с Пепе, надкусила сдобу.

— Мм... — Пепе сделал глоток кофе и задумался. — Ваниль... Кто этот чудесный блондин, что занимает твои мысли?

Настя даже подскочила от неожиданности.

А Пепе расхохотался:

— Угадал, надо же...

— Но как? Как?!

— Ты нынче задумчивая и улыбаешься втихаря, вот я и решил, что на горизонте появился парень.

— А блондин? Как угадали, Пепе?

— Пальцем в небо! — Пепе смеялся, глядя на растерянное лицо девушки. — Но ваниль действительно чувствуется.

Настя попробовала кофе из своей чашки и была вынуждена согласиться: мягкий кремовый вкус ванили напомнил ей о Джонни и его светлых волосах.

Ожесточенная дискуссия на заседании агентства разгоралась: Диего выступал за то, чтобы попросить у графа Виттури агентов для расследования, Цезарь упирался. Лика пыталась успокоить спорщиков, Итаску сидела, уставившись в монитор компьютера, и считывала какие-то загадочные линии кодов, быстро мелькавшие по экрану. Настя подозревала, что она ищет в сети хоть какое-нибудь упоминание о картинах. Серж то и дело вступал в спор, но тут же отступал: он не обладал ни горячей экспрессией Диего, ни спокойствием Цезаря. Настя старалась сидеть тихо. На самом деле ей очень хотелось побыстрее со всем закончить и успеть переодеться: сегодня вечером они с Джонни договорились погулять по Барселоне. Юка и Мартин работали, поэтому с Джонни могла пойти только она. Ей это казалось чем-то похожим на свидание.

Опустив взгляд, она потрогала рукоять меча. Цезарь отдал ей оружие перед самым началом совещания. Меч оказался очень легким, коротким, но рукоятка и ножны были изысканно украшены. Теперь ей придется носить его с собой на задания и хранить дома. Под пальто клинка не будет видно, она уже примерила перед зеркалом. А в короткой куртке девушка напоминала себе персонаж из видеоигр.

Заметив, как Настя улыбается, глядя на себя в зеркало, Цезарь прочитал ей целую лекцию о том, что оружие — это не игрушки. И что необходимо больше тренироваться, для того чтобы привыкнуть к мечу. Настя рассеянно кивнула: и так выматывалась на фехтовании, но в то же время тренировки Диего давали результаты, она чувствовала, что стала сильнее, и это было приятным ощущением.

Наконец Цезарь одержал в споре верх. Решили проверить еще одну возможную линию в расследовании, поскольку всплыла информация о продаже двух картин, украденных вместе с «Обнаженной». Итаску пыталась отследить информацию о продавце и покупателе. Эта зацепка могла вывести их на вора.

Настю провожала домой Лика. Стуча по мостовой сапожками на шпильках, девушка рассказывала,

как празднуют Рождество в Барселоне. По дороге они увидели, как рабочие развешивают уличные новогодние украшения. Настя слушала вполуха, сосредоточившись на мече, висевшем на боку. Какое странное ощущение, она никогда не испытывала тяги к оружию, но после первых же уроков фехтования поняла, что не только увлеклась, но и имеет способности к этому занятию. Ее преподаватель из ассоциации по историческому фехтованию постоянно хвалил ученицу: быстро схватывает, хорошая реакция. А физическая подготовка в спортзале давала выносливость в бою, хотя, впрочем, ей еще учиться и учиться.

Дома никого не было. А значит, до прихода Джонни она успеет принять душ. Нагрев ванную, девушка закрылась, с наслаждением вымылась, высушила волосы, накрутила, переоделась в обтягивающие джинсы и теплый свитер для прогулки по городу. Услышав, как хлопнула входная дверь, собрала свои вещи и радостно крикнула:

— Джонни, я почти готова!

Шмыгнула из ванной в спальню, взяла сумочку и куртку, вышла в гостиную. За столом сидела Юка.

— Ой, Юка, я не знала, что ты так рано вернешься. Думала, это Джонни. Чай будешь?

Настя бросила куртку и сумку на диван, щелкнула кнопкой чайника. Пока Джонни не вернулся, у них с Юкой есть время почаевничать.

Пока чайник уютно кипел, Настя села напротив Юки, хотела сказать что-то про Джонни, но заметила, что подруга сидит, низко склонив голову.

— Что такое, Юка? Что случилось?

Юка медленно подняла глаза, и Настя от ужаса примерзла к стулу: глаза японки были абсолютно черными. Холодок пробежал по спине, Настя не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть, даже сердце пропустило несколько ударов.

Раздался скрипучий, сухой, жуткий голос — девушка даже не сразу поняла, что говорит Юка, казалось, говорили черные впадины ее глаз.

— Слушай внимательно: твоя подруга находится в Кан Феу. Приходи туда одна. Если хочешь найти ее живой. Приходи...

В этот момент дверь открылась, вошел Джонни. Он увидел оторопевшую от ужаса Настю и страшное создание с черными, как бездна, глазами, сидящее напротив.

— Настя!

Парень бросился к девушке, но тварь взметнулась с места, раскрыла пасть, усеянную острыми и тонкими, как иголки, зубами. Вопль, полный злости, вывел Настю из ступора. Девушка вскочила с места и растерянно оглянулась в поисках оружия. Но Джонни оказался быстрее: он выхватил из своего рюкзака кинжал и бросился на тварь. Потерявшее всякое человеческое подобие существо увернулось от удара и бросилось на Настю. Девушка побежала по коридору в спальню, где лежал меч. Тварь с визгом, от которого лопались перепонки, последовала за ней. Настя успела распахнуть дверь в спальню, но колючие тонкие нити вдруг обвили ее ноги, и она грохнулась на пол на пороге комнаты. Перевернувшись на спину, увидела распахнутый рот твари, круглый, с множеством острых зубов, готовых вонзиться в нее. Но вдруг визг оборвался, а чудовище стало прозрачным и рассеялось, словно дым. Точнее, его засосало в кинжал стоящего над Настей Джонни. Парень помог Насте подняться.

— Ты в порядке?

Девушку трясло, она схватила с кровати меч и крепко прижала к себе. Потом расплакалась. Джонни мягко ее обнял. Настя сразу почувствовала себя лучше.

— Джонни, эта тварь сказала, что Юка находится в каком-то доме. Я должна идти за ней.

Девушка встала, надела пояс с ножнами. Потом оторопело посмотрела на парня.

— Погоди-ка. Джонни. Ты ведь... Ты...

Он улыбнулся и кивнул, легко подбросив кинжал в руке.

— Меня прислал граф Виттури. Старик беспокоится из-за того, что ты живешь в доме без защиты. Я из лондонского агентства. Пошли?

— Я должна прийти туда одна, — возразила Настя.

— Эта тварь чуть не убила тебя! — Голубые глаза викинга смотрели на девушку с изумлением.

— Она не собиралась меня убивать, пока не пришел ты. Ты ее испугал, и она... перестала себя... контролировать.

Джонни засмеялся.

— Тонкая душевная организация тварей меня мало волнует, Настя. Граф сказал, что я отвечаю за тебя собственной шкурой. Так что хочешь ты или нет, но я еду с тобой. Тебе нужно сообщить в свое агентство, куда ты направляешься. Нельзя идти в одиночку.

— Они убьют ее! Разве непонятно?

Настя схватила куртку и сумку. Джонни взял рюкзак и последовал за ней.

Кан Феу, как определил всемогущий Интернет, находился в городке Сабадель, на самой его окраине. Так что Настя и Джонни спустились в метро и поехали к ближайшей железнодорожной платформе, а там сели на электричку. По дороге Настя позвонила Диего и сообщила, куда направляется. Диего просил ее подождать, пока они все приедут к старому дому, но Настя, хоть и пообещала, знала — ждать не станет.

— И долго ты работаешь на графа Виттури?

— С детства. Граф меня нашел и предложил работать. У меня тогда кружилась голова от фантастической информации и приключений, так что я остался. И это моя жизнь.

— Граф вот так может связаться с кем угодно и послать его в другую страну?

— Он сказал, что это важно. — Джонни пожал плечами. — Я рад, что поехал. Еще никогда не отправлялся на задание в одиночку.

Настя хотела спросить, человек Джонни или нет, но не решилась — она не была уверена, что об этом принято спрашивать. В окне электрички показался дом, похожий на крепость. В угасающем дневном свете он выглядел довольно зловеще. Поезд остановился на станции, и ребята вышли.

— Ты не можешь идти туда одна. — Джонни удержал, за руку решительно направившуюся к дому Настю. — Подождем остальных.

— Нет. — Она высвободила руку, несмотря на то что теплое рукопожатие оказалось очень приятным. — Я пойду одна. Дождись ребят.

Вблизи дом еще больше напоминал суровую крепость с зубчатой башней. Настя крепко схватилась за рукоять меча и решительно взбежала по ступенькам. Дверь была наполовину открыта, она вошла внутрь и вдохнула запах сырости и старости. В полумраке виднелась груда строительного мусора, широкий каменный холл заканчивался лестницей на второй этаж. По бокам располагались входы в боковые коридоры.

— Юка! — позвала Настя. — Ты здесь?

Ее голос эхом раскатился по дому, словно кто-то передразнивал. И вдруг послышалось красивое пение. Женщина пела и аккомпанировала себе на струнном инструменте.

В одном королевстве жил рыцарь, которого король послал сражаться на войну...

— пела она.

Голос был невероятно красивый и чистый. Доносился он откуда-то сверху. Настя решительно начала подниматься по лестнице.

Джонни проскользнул в дом за Настей. Увидев, что девушка поднимается на второй этаж, пошел следом. Вокруг стояла гробовая тишина, слышны были только Настины шаги по ступенькам.

Девушка поднялась и прислушалась: музыка и пение звучали справа, там, где коридор терялся во мраке. Она шагнула и с удивлением поняла, что под ее ногами мягкий ковер. Неожиданно вспыхнули красивые витые светильники-бра на стенах. Настя шла и удивлялась тому, что все здесь оказалось обитаемым: комнаты, мимо которых она проходила, были чистыми и красиво обставленными. Голос звучал громче, давняя романтическая история подходила к концу: прекрасный рыцарь простился со своей любимой и умчался сражаться за короля, а король, воспользовавшись его отсутствием, женился на девушке рыцаря. Она же, не желая нарушать клятву верности, выбросилась из окна дворца.

Джонни поднялся вслед за Настей, но не увидел, куда она свернула, и в нерешительности

остановился. Направо или налево? Он прислушался, стараясь уловить хоть какой-нибудь звук. Неожиданно слева послышался легкий шорох, и парень решительно шагнул в левый коридор. Дом оказался сильно запущенным и разрушенным, где-то были разбиты окна, где-то наполовину обвалился потолок, упали балки, все покрывал слой пыли. Но чем ближе парень подходил к концу коридора, тем сильнее пахло горелым. Вскоре он заметил, что все вокруг покрыто сажей. Видимо, когда-то давно в левом крыле дома был сильный пожар.

Настя приближалась к последней двери в конце коридора. Музыка вдруг прекратилась. Она вошла в красивую, полную цветов комнату с темной мебелью и красными обоями. Повсюду горели свечи. На широком подоконнике сидела девушка в красном платье и читала книгу. Длинные темные волосы распущены, губы чуть шевелились, блики от пламени свечей играли на ее белой коже. Она равнодушно скользнула взглядом по Насте и опять вернулась к книге.

Настя замялась у порога. Но мысль о Юке придала смелости.

— Простите, что отвлекаю. — Она удивилась тому, как неестественно звонко звучит ее голос. Словно помещение было пустым. Девушка продолжала читать.

— Это вы сейчас пели?

Девушка вдруг вздрогнула, словно что-то в вопросе ее потрясло, медленно подняла взгляд на Настю и испуганно вскочила, увидев, что гостя на нее смотрит.

— Ты ко мне обращаешься? — спросила она.

— Да, — немного удивившись, ответила Настя. — Здесь больше никого и нет.

— И ты... — Девушка соскочила с подоконника и подошла поближе, разглядывая Настю, как какое-то диковинное существо. — Ты меня слышишь?

— Ну да... — Настя нетерпеливо прервала незнакомку: — Послушайте, в этом доме должна быть моя подруга, японка, мне велено было прийти одной. Вы ее видели? Вы знаете об этом хоть что-нибудь?

Разговаривая, она крутилась на месте, поворачиваясь вслед за кружившей вокруг нее удивленной незнакомкой. Та разглядывала Настю, как редкую статую, и пыталась обойти вокруг, словно экспонат в музее.

— И я... какая я? — вдруг спросила незнакомка.

Настя нетерпеливо мотнула головой.

— Какая... Ну, симпатичная. В красном платье. С длинными волосами. Послушайте, мне очень нужна ваша помощь.

— Когда ты умерла? — спросила девушка.

Настя замерла, холодок пробежал по спине.

— Что? Я не...

— Ты не умирала?

— Нет! — Настя вдруг поняла, что девушка не в себе. — Ладно, не важно, я пойду искать дальше. Спасибо!

И она попятилась.

— Нет, постой! — Девушка молитвенно сложила руки. — Не уходи. Прости. Я просто... немного удивлена, вот и все.

— Я должна найти подругу, — возразила Настя.

— Я помогу тебе. — Девушка протянула руки к Насте, словно хотела ее задержать, но не решалась дотронуться.

— Тебя тоже похитили? — вдруг догадалась Настя.

— Нет. — Девушка огляделась. — Нет, это мой дом. Я здесь живу.

— Просто снаружи он не похож на жилой. И внизу наполовину разрушен. У вас ремонт?

— Нет. — Девушка вдруг опустила голову и заплакала.

Насте стало ее жалко. Несмотря на то что она торопилась найти Юку, к девушке почувствовала симпатию: голос был красивый, да и сама прехорошенькая. Но, судя по сказанному, девушка была не в себе.

— Не плачь! — Настя достала из сумки бумажный платок и протянула его незнакомке.

Та нерешительно взяла платок и, всхлипывая, вытерла слезы.

— Спасибо.

Джонни увидел на пыльном полу следы, ведущие в одну из комнат. Он достал кинжал и осторожно открыл дверь. На черном полу лежала связанная Юка. Парень огляделся, но, не заметив ничего подозрительного, подошел к японке и развязал ее. Перепачканное лицо девушки опухло от слез.

— Ты как? — шепотом спросил Джонни. — Только тихо, мы с Настей здесь, чтобы тебе помочь.

Юка кивнула. Парень помог ей встать. Девушку трясло от страха.

— Здесь кто-то есть, Джонни. Те, кто меня привезли, давно ушли, но этот кто-то постоянно здесь, повсюду, и он...

Дверь в комнату вдруг захлопнулась, Джонни бросился к ней, уверенно дернул за ручку, но она не открылась. Страшный свистящий шепот произнес:

— Тик-так... В моей клеточке дурак... Тик-так... сиди тихо! Тик-так... Я иду ее искать!

И как Джонни ни пытался выломать дверь, она не поддавалась. Юка села на пол и заплакала. Джонни метнулся к ней:

— Юка, успокойся, мы обязательно выберемся отсюда!

Только истерики не хватало! Парень распахнул окно: на улице совсем стемнело, но он увидел четыре фигуры, приближающиеся к дому: впереди шел юноша в пальто с поднятым воротником, за ним девушка в пышной юбке, подобранной и заколотой на бедрах, в шляпке-цилиндре и с двумя пистолетами в руках. Рядом с ней шагал очкарик, а замыкала группу высокая блондинка в черном луком в руке.

— Эй! — Джонни замахал руками, и группа остановилась. — Мы заперты! Настя не со мной! Будьте осторожны!

Блондинка кивнула, вытащила из-за спины стрелу и вставила ее в лук, первый парень перекинулся в пантеру. Хорошо! Подошедшее подкрепление внушало надежду. Теперь надо найти выход из комнаты. Какая тварь может быть сильнее его и заблокировать дверь так, чтобы невозможно было открыть ее? Предполагаемый ответ Джонни совсем не понравился. Он покрутил в руке кинжал и вернулся к замку. Надо постараться его открыть.

Громко хлопнувшая дверь испугала Настю, и она крепко схватила свою новую знакомую за руку. Сердце быстро забило, ее бросило в жар. Она хотела было выйти из комнаты, но девушка вдруг вцепилась в рукав ее куртки, затащила внутрь и закрыла дверь. Потом, пораженная, вдруг посмотрела на свои руки.

— Я смогла дотронуться до тебя! Это невероятно... И ты... ты тоже меня трогала!

— Послушай... — Настя начала уставать от этой сумасшедшей. — Моя подруга нуждается в помощи, мне нужно идти.

Она хотела подойти к двери, но вдруг все свечи в комнате погасли, а за дверью послышались шаги и свистящее дыхание.

— Ты здесь, Настя? Я пришел за тобой! — Голос был таким жутким, что у Насти все волоски на коже встали дыбом. Странная девушка бросилась к ней, потащила прочь, Настя подчинилась, потому что инстинкт выживания гнал ее прочь от двери.

— Скорее! Ничего не говори! Меня он не слышит! Вот сюда, пригнись! — В темноте Настя смогла понять, что они пересекли комнату и залезли в какую-то нишу. — Ползи за мной, скорее!

Сзади по-прежнему раздавались удары в дверь, четкие и ритмичные.

Девушка звякнула ключом, отперла какую-то дверцу, Настя пролезла первой, за ней скользнула незнакомка и закрыла дверь.

— Можешь встать. Теперь следуй за мной, скорее!

Они пробежали через какое-то помещение.

— Кто он? — спросила Настя на бегу.

— Это не человек.

— Подожди, не так быстро, я ничего не вижу!

— А так? — В темноте вдруг фосфоресцирующим желто-зеленым сиянием стали появляться очертания фигуры девушки, а затем и вся она ярко засветилась, словно кукла из фосфора. Настя испуганно выдернула свою руку из светящейся руки.

— Кто ты? — в ужасе спросила она.

Девушка улыбнулась, но в фосфорном свете ее улыбка была недружелюбной и холодной.

— Я призрак.

Настя сделала шаг назад.

— Но этого не может быть, ведь призраки...

— Бестелесные? Да. Но я не знаю, почему ты можешь дотрагиваться до меня, а я до тебя. Это просто невероятно! Впервые за долгое время я не просто воздух, а снова словно живая.

— И как тебя зовут?

— Меня звали Исабель. — Призрак девушки опять взял Настю за руку, отчего снова закружилась голова. — Пойдем искать твою подругу.

Вдвоем они крадучись вышли на лестничную площадку. Коридор, уходящий вправо, еще недавно уютно освещенный светильниками, был темен и мрачен. Исабель потянула Настю в левый коридор. Тут же вспыхнули ярким светом изящные светильники вокруг, а под ногами появился мягкий ковер.

Стройная, гибкая, с чувственными изгибами бедер, фигура Лики в черном комбинезоне смотрелась потрясающе в свете луны, падающем в окна дома, и в свете фонарика Сержа, который, как и она, оглядывался по сторонам. Натянутая тетива, синие глаза, неумолимо ищущие врага, пальцы, готовые отпустить стрелу. Никто не сказал бы, что эта красивая опасная Немезида и улыбчивая секретарша агентства — одно лицо.

Итсаску двигалась неслышно: она хищник, и ночь для нее богаче красками и запахами, чем день. Ее пистолеты с взведенными курками поблескивали в лучах фонарика. Ее ноздри ловили запах Насти, неуловимый, едва слышный. Она ощущала опасность в темноте, но не знала, откуда ждать нападения. Ее пистолеты были разведены в стороны, а глаза всматривались во тьму. Но вампирша знала, что тьма тоже смотрит на нее.

Перед ней кралась черная пантера с зелеными глазами. Шерсть стояла дыбом, лапы тихо ступали по деревянному настилу. Серж шел рядом, крутя в руке кинжал и готовясь к броску. Специальный фонарик, закрепленный на голове, высвечивал мусор, груды досок, закрытый тряпкой бюст, лестницу, ведущую вверх.

Ребятам не надо было говорить, они понимали друг друга без слов, достаточно жеста, знака, взгляда. Но пока они осматривали зал за залом на первом этаже, в холле поднялся ветер, строительная пыль и песок закрутились в тонкую воронку, центр ее вспыхнул красным цветом, а красное око с хищным зрачком обросло плотной тьмой. Щупальца тьмы поползли за ребятами, перекрывая дорогу назад, в холл, и лишая возможности пробраться наверх.

Настя шла за Исабель по освещенному коридору и не могла отделаться от ощущения, что находится в параллельном пространстве. Словно дом искажал реальность, деля ее на разные временные отрезки, а присутствие Исабель окрашивало все вокруг особым настроением воспоминаний. Было что-то магическое в этой призрачной красоте интерьера, сквозь которую (теперь Настя видела это особенно отчетливо) проступала настоящая реальность. Словно древняя старуха макияжем и гримом пыталась вернуть себе молодость, а теперь наблюдала, как за яркими красками проступают

морщины и увядшая кожа. Дом казался Насте грустным и каким-то отчаявшимся. Но она помнила, что где-то в его коридорах или комнатах находится Юка, а еще притаилось существо, что пыталось войти в комнату Исабель.

Исабель остановилась перед одной из дверей. Настя попыталась повернуть ручку, но дверь была заблокирована.

— Юка? — тихо позвала девушка.

За дверью послышался шорох, голос Джонни ответил:

— Настя, мы здесь закрыты, Юка и я. Ты можешь нас выпустить?

Настя не стала возмущаться из-за того, что Джонни не послушался ее и вошел дом. Вместо этого она попыталась разблокировать ручку.

Внизу, на первом этаже, раздались страшный шум и грохот, крики и голоса показались знакомыми, вскоре прогремели выстрелы. Девушка начала что есть сил дергать за ручку, понимая, что времени мало. В какой-то момент дверь со щелчком поддалась и открылась. Из нее вышли Джонни и перепуганная Юка. Настя крепко обняла подругу.

— Сматываемся отсюда! — Джонни пошел вперед по коридору, девушки двинулись за ним. Исабель шла рядом с Настей. Внезапно в коридоре правого крыла полыхнула желтая вспышка. Джонни едва успел крикнуть:

— Пригнитесь!

Настя повалила Юку на землю. Что-то горячее и яркое пронеслось над ними и с грохотом взорвалось сзади. Казалось, весь дом сотрясается от удара. Завоняло серой. Настя поднялась вслед за Джонни, вытащила меч из ножен. Огромный силуэт в черных лохмотьях, похожий на замотанного черными бинтами великана с желтыми глазами, шел им навстречу.

— Юка, тебе лучше спрятаться.

Японка послушно скользнула в одну из комнат, потеряв от удивления дар речи при виде Насти с мечом.

Странное создание приближалось, неуклюже и тяжело ступая по полу. Остановившись у выхода из правого крыла, оно опустило руки, и из них мгновенно выскользнули длинные тонкие мечи. Это произошло так внезапно, что Настя вздрогнула, а в следующий миг создание подняло руку, и длинный меч быстро вытянулся, со свистом рассекая воздух. Поначалу Настя не поняла, что произошло, но вдруг Джонни резко дернулся, выронил кинжал, а из его спины над правой лопаткой вылезло железное лезвие. И тут же со свистом вернулось к хозяину.

— Джонни! — Вопль Насти эхом разнесся по дому.

Джонни со стоном схватился за плечо и покачнулся. Неуклюжесть и замедленность противника исчезли, он огромными скачками понесся на них. Настя почувствовала, что каменеет от страха и не может двинуться. Джонни схватил ее здоровой рукой, затолкнул в комнату к Юке, скользнул за дверь и, захлопнув ее, повернул щеколду. Потом отошел в сторону, все так же прижимая Настю к себе. И вовремя: тонкое железное лезвие проскочило под дверь и достигло середины комнаты, после чего исчезло так же внезапно, как появилось. Послышались удары в дверь, посыпалась штукатурка.

— Дьявол! — сквозь зубы зашипел Джонни, морщась от боли. — Не могу восстановить...

Сердце Насти стучало так оглушительно, что она не сразу обрела возможность действовать. С отчаянием оглядевшись вокруг, увидела Исабель.

Девушка поманила Настю в угол комнаты, освещая своим фосфоресцирующим свечением поломанную мебель. Там оказалась еще одна дверь. Настя и Юка, поддерживая Джонни, прошли вслед за призраком. Девушка вела их узким коридором, который плавно спускался вниз. Настя то и дело порывалась заговорить с ней, но призрак качал головой, показывая на друзей. Ну да, не хватало еще, чтобы те подумали, что Настя рехнулась и говорит сама с собой! Джонни вскоре отказался от поддержки и пошел самостоятельно, опираясь здоровой рукой о стену коридора.

— Как ты видишь в темноте? — спросил он Настю.

— Неплохо, — ответила та.

Исабель в ореоле зловещего сияния усмехнулась.

Они вышли в просторную комнату, которая, в отличие от других, казалась жилой: тут стояла мебель, закрытая тканью. Настя щелкнула выключателем, слабо загорелась одна лампочка в разбитой люстре. И вот тут, при этом жалком свете, грозящем в любую секунду погаснуть, Настя увидела стоявшую на комодке картину. Обнаженная девушка игриво оглядывалась через плечо. Та самая картина... Все еще думая, что ей мерещится, Настя подошла поближе и коснулась деревянной рамы. Картина была настоящей.

— Ее принесли сюда недавно. — Исабель подошла и с любопытством посмотрела на полотно.

— Они здесь встречались, да? Те, кто принес картину сюда?

— Я не знаю, — ответил Джонни и как-то странно посмотрел на свою спутницу.

— Да. Но... — Исабель повернулась к Насте. — Тебе лучше не связываться с ними, ты же видишь, они...

Она вдруг замолчала, словно прислушивалась. А потом исчезла. Настя тоже наострила слух. Где-то шла борьба, слышались перестрелка и топот ног.

— Нам надо выбираться отсюда, — сказала Настя, убедившись, что дверь, через которую они вошли, крепко заперта. Девушка направилась к противоположному выходу из зала, но остановилась.

Джонни, крепко стиснув зубы, чтобы не кричать, держался за раненое плечо. В тусклом свете мигающей и доживающей последние минуты лампочки Настя видела, как сквозь белые на фоне темной рубахи пальцы просачивается кровь. Ей хотелось поддержать парня, но она не знала как и изо всех сил сдерживала себя, чтобы не впасть в панику. Спиной она прижалась к загаженной кошками стене, позабыв о своей брезгливости.

Послышались шаги. Оба замерли, затаив дыхание и молясь об одном — чтобы шаги стихли. Но звук нарастал. Джонни выдвинулся вперед, прикрыл собой Настю. Девушке казалось, что ее сердце бьется в гортань. Тонкая полоска под дверью вспыхнула от желтого света фонаря. Шаги стихли.

— Я чую запах крови! — прошептал голос за дверью.

От этого звука кровь стыла в жилах. Несмотря на то что голос был мягким и вкрадчивым, он казался Насте жутким, как скрежет мела по доске. Позолоченная ручка двери начала медленно опускаться. Так медленно, что подумалось: тот, кто за дверью, наслаждается ужасом ребят.

Юка плакала и дрожала.

Настя отошла от стены, поняв, что из них троих она единственная может оказать сопротивление. С мечом в правой руке и кинжалом в левой приблизилась к двери. Она вспоминала все приемы и хитрости фехтования, которые знала, и молилась об одном — чтобы нашлись силы не растеряться и не испугаться.

— Настя... — Джонни попытался остановить ее. Он слабел на глазах.

— Я без боя не сдамся! — не очень уверенно произнесла девушка. У нее дрожали губы. Еще немного, и затрясутся руки, тогда она вообще ничего не сможет сделать. А ручка двери, повернувшись, замерла.

— На-а-а-а-а-а-а-а... — позвал кто-то за дверью, и от звучания этого голоса у Насти волосы встали дыбом. Она увидела, как в щель под дверью пролезают чьи-то страшные пальцы — уродливые, деформированные, с острыми когтями. Рук было — штук шесть, и все пальцы шевелились, как жирные черви. Ручка двери снова повернулась.

Девушка хотела рубануть по этим жутким пальцам мечом, но прямо перед ней появилась Исабель и оттолкнула ее от двери. Исабель и сама была перепугана до смерти. Плохой каламбур все-таки вернул Насте способность соображать.

— Настя, он страшный. Очень страшный. — Исабель дрожала.

Внезапно раздался резкий удар в дверь, она распахнулась, и великан в черных лохмотьях появился на пороге. Настя не дала ему времени осмотреться и со всей силы воткнула меч в живот. Меч вдруг стал теплым, а по лезвию потекла густая желтая жижа. В это же мгновение Юка завизжала, Настя оглянулась и увидела, что вместо Джонни с пола поднялся огромный медведь. Зверь набросился на оседающего великана, а Настя выдернула меч, и как раз вовремя: костлявая когтистая рука просунулась в проем и потянулась к ней. Девушка левой рукой воткнула в нечисть кинжал. Рука дернулась и исчезла. Настя с трудом удержала кинжал в руке. Затем протиснулась в проем двери, не касаясь упавшего великана и выставив перед собой меч.

Перед нею стоял человек в черном плаще с капюшоном, белые, с противной желтизной волосы были неопрятно разбросаны по плечам, голова низко опущена, но ясно, что лицо уродливое, похожее на самые страшные варианты жертв ботокса, — раздутое и бесформенное.

— Здравствуй, Настя!

Девушка стояла в позиции обороны, выдвинув вперед меч и кинжал. Неизвестный потер раненную кинжалом ладонь, словно нанесена была незначительная царапина.

— Тебя не учили здороваться? — Он на миг оторвался от созерцания своей раны.

Настя крепко стиснула зубы: ему не удастся ее отвлечь.

Мужчина наконец поднял голову, и Настя почувствовала, как предательски слабеют колени: глаза незнакомца были налиты кровью, и только маленькие черные зрачки, словно точки, поставленные посередине, придавали им сходство с человеческими.

— Я Азазелло, слышала о таком? Если слышала, поймешь, что твои мечи и кинжалы для меня не помеха.

— Защищайся или уходи! — Настя постаралась, чтобы ее голос звучал твердо.

— Ни то, ни другое, — последовал ответ.

Настя вдруг почувствовала, как что-то сжало ее щиколотки. Бросив взгляд вниз, еле сдержала вопль ужаса: из пола торчали белые руки и крепко держали ее за ноги. Она попыталась освободиться, но не сумела — за запястья ее тоже схватили руки, вылезшие из стен, и теперь она не могла пошевелиться. Человек в плаще встал прямо перед ней.

— Итак, что же мне для начала с тобою сделать? Выколоть глаза? Вырвать сердце? Или поговорим?

За спиной красноглазого в проеме показался огромный медведь на задних лапах, но Азазелло, не глядя, махнул скрюченными пальцами, и, прежде чем медведь пересек порог, проход перекрыла железная решетка.

— С этим зоопарком я разберусь попозже. Итак, говорящая с призраками, ты не выбрала свою смерть.

— Ее час еще не пришел, демон, — прозвучал холодный и чистый, как родниковая вода, голос.

Настя с надеждой посмотрела в коридор: там стояла Лика. В броне из черной кожи, с луком и стрелами, она была прекрасна и воинственна. Прежде чем собеседник Насти успел отреагировать, Анжелика пустила стрелу, а потом еще одну.

— Возвращайся, откуда пришел!

Серебряные стрелы рассекли пространство коридора, вонзились в Азазелло, и тот исчез. Насте показалось, что ухмылка шевельнула обрюзгшую щеку перед тем, как красноглазый растаял в воздухе. Тут же исчезли руки, державшие Настю, решетка и черное месиво, в которое превратился великан. Исчезло все, а потом в напряженной тишине дома послышались торопливые шаги. За Ликой в проеме двери появились пантера, Итсаску и Серж. Настя с облегчением прислонилась к стене — стоять у нее не было сил. Пока Лика суежилась вокруг Джонни, который, обливаясь кровью, осел у двери, Диего перекинулся и пошел помогать Юке. Итсаску подошла к Насте. Положив руку девушки на свое плечо, она повела ее из коридора. Серж собирал оружие.

— Там картина, — сказала Настя.

Серж зашел в комнату, удивленно присвистнул и вышел с полотном в руках. Ребята медленно двигались к выходу из дома. Юка, укрытая теплым пальто Диего, шла под гипнозом. Вдруг Настя заметила Исабель, грустно стоявшую на лестнице.

Она отстранилась от поддерживавшей ее вампирши и подошла к призраку. Исабель прикоснулась ладонью к щеке Насти — такая живая, красивая, холодная, осязаемая, настоящая, но невидимая для остальных. Как она может быть призраком? Настя смотрела в карие глаза девушки и задавала один и тот же вопрос: как?

Как так получилось, что ты стала призраком, Исабель? Что за история связана с тобой и с этим домом?

Исабель прильнула к Настиной груди, и Настя крепко обняла ее.

— Не уходи! — попросила она. — Останься со мной.

— Не могу, я должна уйти. Пойдем с нами!

— Нет, это мой дом. Я здесь выросла. Я знаю каждую трещину на стене. Я знаю, откуда взялось пятно на деревянном полу в коридоре. И как скрипят ступени. И почему холодно зимой. Я знаю о доме все. А он знает все обо мне. Если я уйду, я забуду, кто я, потому что дом забудет меня.

— Настя, с тобой все в порядке?

Настя обернулась. Ребята смотрели на нее испуганно: наверное, то, что она обнимает пустоту и разговаривает с ней, их напрягало.

— Иди... — Исабель отпустила ее. — Но не забывай обо мне.

— Не забуду. Спасибо!

Настя пошла вниз по лестнице, ежась от холода. Силы покинули ее окончательно. На последней ступеньке она оступилась, но Итсаску крепко схватила ее за шиворот и удержала. В машине Настя не могла говорить с ребятами — мгновенно провалилась в глубокий тяжелый сон.

Исабель мелькала в этом сне, мелькал и дом-замок, то красивый и благополучный, то охваченный огнем. До Насти доносились то пение девушки, то ее вопли, то звон лопающегося от жара стекла. Мелькали рожи каких-то чудовищ, появился Азazelло, да так близко, что почти коснулся ее своим капюшоном. Настя испугалась и очнулась.

Она лежала у себя на постели. В окне брезжил поздний осенний рассвет. Настя еле смогла приподняться на кровати: тело болело, голова кружилась, но все неприятные ощущения позабылись, как только она окончательно открыла глаза и разглядела свернувшегося калачиком на постели пса. Как сюда попала собака? Пес, словно почувствовав ее недоумение, поднял голову, звонко зевнул, соскочил на пол и вышел из комнаты, постукивая когтями по паркету и сонно поваливая хвостом.

Настя зажмурилась и помотала головой: нет, определенно, в ее жизни не хватает обыденности и спокойствия.

Потом встала и, ежась от прохлады, завернулась в халат. Выйдя в гостиную, встретила с хмурым Мартином и Юкой.

— Ну вы, девчонки, вчера зажгли! — не вытерпел Мартин.

— Мартин, ты уж прости, что напугали! — Настя глубоко вдохнула запах кофе. — Но Джонни с другом довели нас до дома, потому что мы очень устали.

— Могли бы предупредить, что на дискотеку идете.

— Ничего не помню! — Юка потерла лоб. — Но ощущение такое, что я с кем-то дралась: все тело болит.

— Ты ни с кем не дралась, — успокоила ее Настя. — Просто было много народа, и кто-то толкнул тебя на косяк двери. Как еще лоб не разбила! Кстати, а чья собака спала сегодня в моей комнате?

Ребята с недоумением уставились на Настю.

— Собака?!

Настя неопределенно махнула рукой в воздухе:

— Приснилось, наверное. А Джонни где?

— Спит еще, должно быть... — пожал плечами Мартин.

В этот момент дверь в комнату Джонни открылась, и он вышел — сонный, в потертых джинсах и майке, с неизменными фенечками на запястьях. У Насти дыхание перехватило. Она покраснела и отвернулась к чашке с кофе. Сердце билось часто и гулко. Вчерашние события были такими жуткими и молниеносными, что почти не оставалось времени анализировать и чувствовать, но сейчас она вспомнила, как Джонни пытался спрятать ее за своей спиной. Удивительно, но от раны на его плече следа не осталось. Лица, наверное, работала всю ночь, пытаюсь залатать парня. Заметив, что он еле идет, сонно потирая глаза, Настя подумала, что ее защитник потерял много крови.

— Я голодный, как медведь, — подтвердил догадку Джонни. Он полез в холодильник, достал

упаковку хамона и сыра, сделал гигантский бутерброд из целого батона хлеба и, подмигнув Насте, сел за стол. Настя снова почувствовала, как румянец заливает щеки. Она, не спрашивая, поставила на плиту кофе для Джонни.

Когда Юка и Мартин ушли, Настя засобиралась на курсы испанского. Джонни остановил ее у порога, развязным дружеским движением положил руку ей на плечо.

— Погоди, Настя. Придется пропустить испанский, нас ждут в агентстве.

Она кивнула, боясь глянуть на парня. Джонни допил кофе, схватил куртку, и они вышли из дома.

— Пойдем пешком, не возражаешь?

Настя не могла возражать. Она ощущала себя очень глупой, скованной, но при этом была счастлива от того, что наконец идет рядом с ним.

— Вчера ты себя очень странно вела, — прервал молчание Джонни.

— Что ты имеешь в виду? — усмехнулась Настя. — То, что я чаевничала и мило беседовала с тварью, что одна пошла в заброшенный и темный дом или что пыталась сражаться, не имея ни навыков, ни сил, ни смелости?

— Смелости, как оказалось, у тебя хоть отбавляй, — заметил Джонни. — Не думал, что ты такая боевая.

— А у меня был выбор?

— Я, конечно, паршиво выглядел с раненым плечом в роли защитника, — согласился парень. — Но ты могла отступить.

— Некуда было отступать, был бы выбор, я бы сбежала оттуда, вопя и сверкая пятками.

— На самом деле основная странность вчерашнего вечера заключалась не в том, что мы столкнулись с исчадиями ада и ты успела познакомиться с одним из самых страшных демонов. Главная странность в том, что ты время от времени с кем-то разговаривала. Я боялся, что ты сходишь с ума. — Парень вдруг поймал Настину руку и пожал ее. Его рука была горячей.

— Я не схожу с ума. — Настя с облегчением увидела, что с другой стороны улицы к агентству направляется Лика, нагруженная кофе на вынос и выпечкой. — Я потом вам все объясню. Пойдем, поможем Лике.

Рассказ ребят о столкновении с Мраком на первом этаже и рассказ Насти и Джонни о том, что происходило на втором, теперь, при солнечном свете, на диване в уютном кабинете Цезаря выглядели такими неправдоподобными, что Настя засомневалась, было ли все это на самом деле.

Но «Обнаженная» стояла у стола Цезаря. И в ее реальности сомневаться не приходилось.

— Картины скоро передадут владельцу. Благодаря Итсаску удалось предотвратить продажу двух других полотен, вот только продавцами оказалась шайка мошенников, которые совершенно не разбираются в искусстве и никогда прежде не были замешаны в сделках на черном рынке. Они утверждают, что картины им подкинули. Диего их проверил — это правда. За домом установили слежку — на случай, если воры вернуться, но думаю, те уже знают, что картина у нас. Видимо, она им не нужна. Раз они сами пригласили в заброшенный дом Настю и похитили Юку.

— Все ради того, чтобы Настя нашла картину? — спросила Лика.

— Думаю, они знали о призраке, живущем в доме.

Настя испуганно вздрогнула. Наверное, после рассказа про Исабель ее отведут к психиатру и выгонят из агентства.

— Ты не только видишь призраков и общаешься с ними, но можешь дотрагиваться до них и взаимодействовать так, словно они созданы из плоти и крови, — сказал задумчиво Цезарь.

— Я бы не стала обобщать, — воспротивилась Настя. — Я только и общалась-то с Исабель. Других призраков не знаю и знать не хочу.

— Однако мне кажется, именно поэтому твари следят за тобой. Возможно, именно эта способность привлекла к тебе Азазелло.

— Между прочим, он хотел вырвать мне глаза, язык, сердце, так что вряд ли собирался уговаривать работать на него.

— Если бы он хотел тебя убить, Настя, ему бы хватило одного взгляда. Азazelло обладает даром василиска, ты ведь знаешь, что это такое?

— Да, — буркнула Настя. — Я, как и все, читала Гарри Поттера.

Серж засмеялся. Цезарь метнул на него строгий взгляд.

— Я не встречал никого с таким даром, как у тебя. Думаю, граф Виттури тоже. Теперь Джонни. Главный сомневается, что мы способны уберечь Настю?

— Он так не говорил. Просто хотел, чтобы я поселился на квартире, жил там и приглядывал за ней.

Джонни подмигнул Насте.

— Мы можем сами защитить ее! — встрял Диего.

— Однако не смогли, потому что с тварью у нас дома пришлось драться мне, — отрезал Джонни.

Диего сверкнул на него кошачьими глазами, но промолчал.

— И какие у тебя планы? — спросил Цезарь.

Джонни пожал плечами.

— Пока граф Виттури не передумает, буду охранять Настю. Если позволите, с удовольствием составлю компанию и поработаю в вашем агентстве. Но с условием, что всегда буду с Настей.

— Ну хорошо. Продолжаем ломать головы над картиной. Пока она в наших руках, все анализы и исследования должны быть сделаны. Этим займутся Диего, Серж и Итсаску. Джонни и Настя свободны. Кстати...

Цезарь порылся в столе и протянул ребятам яркие красивые картонки, которые показались Насте билетами на елку.

— Класс!!! — выдохнула Лика.

— Что это? — Настя покрутила в руке разноцветную картонку со своим именем, написанным золотыми буквами на новогодней картинке.

— Приглашения на рождественский бал в Венецию.

Настя, онемев от удивления, подняла глаза на Цезаря.

— Граф Виттури приглашает нас на свой ежегодный рождественский бал. — Цезарь улыбнулся. — Так что можно начинать думать о платьях и прическах.

Настя с Ликой обошла магазины, ища единственное и непревзойденное платье для бала. Наконец остановилась на изумрудном, которое шло к Настиним глазам.

— Ты до этого была на балах, Лика?

Блондинка весело тряхнула кудряшками:

— Да! Они прекрасны! Там можно пообщаться с другими агентами. Это интересно, а Венеция — очень красивая.

— А танцевать там тоже придется?

— Конечно! Какой бал без танцев! Но ты не бойся, Настя, это просто. Я научу тебя, я хорошо танцую.

Девушки с покупками в разноцветных бумажных пакетах поднимались по лестнице в агентство.

— Эта Медуза Горгона меня жутко напугала, когда я пришла сюда впервые, — призналась Настя, проходя мимо фрески. — А теперь иногда мне кажется, что она улыбается.

Лика засмеялась.

— Она охраняет агентство, поэтому не пускает сюда незнакомцев.

Настя не поняла, шутка это или правда.

В агентстве царило странное возбуждение: Итсаску и Серж одновременно разговаривали с кем-то по телефонам на разных языках. Цезарь рылся в своей библиотеке. А Диего метался из угла в угол, как голодный лев. Увидев девушек, он бросился к ним.

— Настя, Лика, посидите пока в кабинете Цезаря! Мы тут решаем кое-какие вопросы.

— Я сделаю нам чай. — Лика подмигнула Насте и пошла на кухню, а Настя отправилась в кабинет, забралась на диван и в ожидании Лики устала на «Обнаженную». И что такого есть в этой картине, если переполошились все потусторонние силы и создания, внезапно столкнувшись с необходимостью выкрасть ее? Обычная красивая девушка игриво оглядывается через плечо, словно проверяет реакцию зрителя на свою наготу, тепло светящуюся бархатистую кожу, нежные розовые ступни. Лицо вполборота, каштановые волосы, небрежно заколотые на затылке. Глаза... Настя пригляделась: вроде карие, легкий румянец на щеках. Полуулыбка. Словно приглашение. Словно ожидание. Словно игра.

На мгновение ей показалось, что глаза нарисованной девушки блеснули, а улыбка дрогнула. Настя моргнула: картина снова стала неподвижной. С девушки Настя перевела взгляд на книгу, которую та читала, лежа на постели. Помня о том, что рассказывал антиквар, попыталась разглядеть пентаграмму на странице открытой книги. Да, определенно, пентаграмма угадывалась, но это могла быть и просто звезда, не было видно внутренних перекрестий, лишь два острых угла: а что, если там просто изображение звезды, даже не пятиконечной? Текста не разглядеть, художник писал широкими мазками, ему было не до деталей. Книга толстая: пальцы девушки, прикрывающие рисунок со звездой, не скрывали толщины фолианта. Узнать бы, что за книга...

Уловив краем глаза движение, Настя подняла взгляд от картины и испугалась, увидев у окна мужчину в странной одежде, словно тот пришел со съемок исторического кино: шапочка с облезлым пером, курточка, подпоясанная кожаным поясом. Мужчина делал знаки, чтобы она молчала, манил к себе. Настя поднялась с дивана и подошла ближе, открыла было рот, но он заговорил сам. Только девушка ничегошеньки не понимала из того, что он говорил, — это был какой-то незнакомый язык. Мужчина сильно нервничал. Настя развела руками и помотала головой, показывая, что не понимает. Незнакомец в отчаянии схватился за голову, слезы выступили на глазах. Продолжая прикладывать палец к губам, показывая, что Насте надо молчать, он торопливо огляделся вокруг. Взгляд упал на стол Цезаря и на бумаги, лежащие на нем.

Мужчина торопливо показал Насте, чтобы та села за стол. Настя опустила на стул, положила перед собой лист бумаги, догадываясь: он хочет, чтобы она что-то написала. Взяла ручку, провела черту по бумаге, показывая, что та пишет. Незнакомец быстро закивал. Потом подошел ближе к Насте и нерешительно, словно боялся обжечься, дотронулся до руки девушки. Настя почувствовала, как ускорился ее пульс и слегка закружилась голова. Держа ручку, она послушно выводила буквы незнакомых ей слов. Буквы нечеткие, дрожащие, но все же читаемые. Вошла Лика, поставила чай, хотела подойти к Насте, но ее окликнули из коридора, и она бросила:

— Сейчас вернусь!

Настя поняла: ее рукой водит призрак. А тот продолжал писать, высунув язык и дрожа то ли от напряжения, то ли от нетерпения, то ли от страха, то ли от контакта с живым человеком. Девушке тоже было плохо — тошнота вдруг подкатила к горлу, головокружение усилилось. Но она старалась не терять сознания, даже когда перед глазами потемнело, продолжала крепко сжимать ручку, чтобы призрак мог закончить свое послание. Потом в ушах зазвенело, пол ушел из-под ног, а стол перестал быть надежной опорой.

Очнулась Настя на диване, за окном было темно, Лика пихала ей под нос что-то жутко пахнущее.

— Ну наконец-то, спящая красавица! — послышался голос Итсаску.

Настя хотела сесть, но ее остановили чьи-то сильные руки.

— Лежи, — прозвучал голос Джонни, сильная рука погладила ее по плечу. — Ни на минуту оставить нельзя.

Настя кивнула. Она медленно восстанавливала свои чувства, мысли и ощущение времени и пространства.

— Бумага! — вспомнила вдруг и снова попыталась приподняться.

— Вот ведь беспокойная душа. — Борода Джонни защекотала ей щеку. — Лежи тихо, пока тебя Лика приводит в чувство, не брыкайся.

— Бумагу мы нашли, — успокоил ее Цезарь. — Не знал, что ты говоришь на голландском.

— Я не говорю. И не пишу. — Настя огляделась вокруг. Картины уже не было в кабинете. — Это сделал другой человек. То есть... Я думаю, это был призрак. Потому что Лика его не увидела.

— По-голландски кто-нибудь читает?

Итсаску недовольно поморщилась:

— Могу попробовать.

Настя села на диване, ребята устроились рядом. Цезарь протянул вампирше бумагу.

Итсаску пробежала глазами текст, присвистнула. Потом усмехнулась и стала читать:

«Я нарисовал картины с Лилит. Спрятал книгу в умирающем городе. Убили. Она есть зло, жизнь и моя любовь». Дальше неразборчиво, видимо, художник торопился. Что-то про книгу, не пойму. Тут несколько книг упоминается, потом слово «евангелист».

— Думаю, это нельзя хранить. — Цезарь забрал из рук Итсаску бумагу.

Щелкнула зажигалка, лист вспыхнул, Цезарь бросил догоравшую бумагу на блюдце и проследил, чтобы от нее остался лишь пепел.

— Теперь понятно, зачем ты была нужна им, Настя. Они знали, что там, где картина, может появиться призрак художника. Видимо, они знали и про девушку-призрака, может, с ее помощью поначалу надеялись выведать тайну художника. А потом привели тебя туда, надеясь узнать местонахождение книги или второй картины. Формально расследование окончено, картина сегодня вернется к владельцу. Вы все получите гонорар. Мы двадцать первого декабря летим в Венецию. Подготовьтесь к поездке. Пусть граф Виттури решит, что делать с этой информацией. Настю пока продолжаем охранять. Нас много, так что дежурство не будет обременительным. Настя, возобновляем лекции об искусстве. Жду тебя завтра вечером. Домой доберешься?

— Доберемся, — ответил за Настю Джонни. Он заботливо помог ей встать и одеться.

Настя вздохнула — быть для него работой казалось невыносимым.

— Думаешь, все так просто? — спросила она у Джонни, пока они шли домой.

— Что просто? — не понял парень.

— Что художник окрестил свою любимую именем демонессы — Лилит. Что за мной следили на тот случай, если понадобится переговорщик с призраком. Почему картину держали в доме Исабель? При чем тут Азazelло? Как они с помощью картины выманили призрак ее создателя?

— Ну, мы же не знаем, что за ритуалы они проводили.

— Ведь это же просто чертовщина какая-то, а не расследование. Самое время закупать святую воду и кресты.

— Ты думаешь, святую воду покупают?

— Не знаю, — Настя пожала плечами. — Я просто совсем недавно думала, что призраки, вампиры и прочее — это лишь игра человеческого воображения. Получается, что они вокруг нас.

— Не всем дано работать в агентстве графа. Не все знают истину. Не у всех жизнь такая интересная, как у нас. — Джонни улыбнулся.

— Какой он, этот граф?

Парень чуть наклонил голову набок, задумался.

— Сложно сказать. Для каждого из нас он нечто особенное. Для меня — что-то вроде гуру, ведущего по жизни. Ты сама поймешь, когда с ним познакомишься. Одно могу сказать: встреча с ним изменяет любого.

Часть вторая

ВЕНЕЦИЯ

Из аэропорта Венеции ребят вез в город комфортабельный микроавтобус, присланный графом Виттури. Вместе с самолетом из Барселоны прибыл и лайнер из Каира. С гостями ехали два агента: темнокожая красавица Нила и пожилой араб Мохаммед. Они составляли яркую парочку. Настя не могла оторваться от лица Нилы с правильными чертами и томным глубоким взглядом.

Лица, улыбаясь, толкнула Настю в бок.

— Мохаммед говорит, что ты ее неприлично долго разглядываешь, — шепнула она.

— Мохаммед и слова не проронил! — возмутилась Настя.

— Нам с ним и не надо говорить. — Лица подмигнула.

— Мохаммед — ангел?! — Настя в шоке оглядела пожилого араба: он усмехался в бороду, приглаживая ее морщинистой рукой.

— Ангел, конечно. Чему ты удивляешься? Или думаешь, что ангелы сплошь белокурые блондинки? — Лица смеялась от души.

— А Нила?

— А Нила... — Лица хитро прищурилась. — Пока не скажу.

— Я — демоническое создание, — улыбнулась Нила. Ее голос был необыкновенно красивым: бархатистый, с глубокими перекатами. — Суккуб. Знаешь таких?

— Нет. То есть слышала, что вы вроде снитесь людям.

— Мы приходим в основном ночью, во сне сознание человека более слабое, поэтому на него можно воздействовать. Мы являемся эротическими фантазиями спящего. И за счет его энергии питаемся. Контакт может быть не только воображаемым, но и физическим. Суккубы в основном приходят к мужчинам. В делах страсти нам нет равных. Демоны вообще обладают даром нравиться с первого взгляда.

Настя почувствовала, что покраснела, но, пока Нила говорила, от ее лица нельзя было оторваться. Все чувствовали ее магнетизм: даже Диего, который с видом полного равнодушия смотрел в окно, но на самом деле слушал ее голос. Она могла заворожить моментально.

— Но как ангел и демон могут работать вместе? — удивилась Настя.

— Глупый вопрос, — сухо оборвала ее Итсаску. — Так же, как вампиры работают с людьми. Сядь ко мне и хватит пялиться, а то она явится к тебе ночью.

Настя с трудом переключилась с Нилы на путеводитель, который ей сунула Итсаску. Вампирша была единственной, кого чары Нилы не затронули: она сама могла очаровывать своих жертв, а потому не поддавалась обаянию хищника. Итсаску приложила немало усилий, чтобы пересилить чары суккуба в сознании Насти, и в итоге ей удалось отвлечь девушку. Серьезно она держала за руку: парням практически невозможно сопротивляться Ниле, но своего возлюбленного Итсаску смогла оградить. Вампирша усмехнулась, бросив взгляд на чернокожую красавицу: до чего же все слабы перед самым низменным из инстинктов, как легко манипулировать страстью людей! Темные глаза Нилы, казалось, пожирали странный наряд Итсаску: девушка была в кожаном корсете с глубоким вырезом (на шее — медальон с часами), в кожаной куртке с металлическими заклепками, холщовых коричневых штанах, заправленных в высокие сапоги. Итсаску уже привыкла, что ее разглядывают на улицах и в транспорте, поэтому не придавала острому интересу Нилы значения.

Венеция поразила Настю в самое сердце. Увядая красота города на воде, где нет машин, но есть каналы, мосты и лодки, завораживала. Настя и не думала, что облупившаяся краска, сырость уходящих под воду ступеней, затянутые паутиной фонари в переулках и старые лодки могут обладать такой притягательностью. Венеция берет за душу, очаровывает и не отпускает. Прогулки по городу на несколько дней стали для Насти верхом счастья. Она ходила по всем туристическим маршрутам, бродила по пустынным маленьким улочкам, ежась от холода, ела с ребятами пиццу у самого края канала, посещала музеи, побывала в соборе Святого Марка. Прошла она и по улице с магазинами, разглядывая причудливые маски и изделия из цветного стекла и, конечно, магазины с одеждой известных дизайнеров. Одно платье особенно поразило ее: синее, с золотистыми и серебристыми всполохами, словно искры вшиты в ткань. Это было вечернее платье цвета неба на

восходе солнца, когда глубина небосвода из черного переходит в цвет индиго. Она даже не приценивалась: ведь по имени дизайнера и так стало понятно, что наряд ей не по средствам. Да и платье для бала у нее уже было.

Вечером перед балом Настя пошла с девушками в одну из парикмахерских, где ее подруг, судя по возгласам шумных парикмахеров, уже знали. Им сделали вечерние прически. Вернувшись в номер, Настя испуганно замерла на пороге: кто-то убрал с постели зеленое платье, которое она положила туда, чтобы надеть, и разложил вместо него другое. Синее, то самое, что она видела в витрине бутика. Настя, затаив дыхание, подошла к платью. Оно казалось волшебным, даже лучше, чем на витрине. Ткань легкая и нежная, с мелкими искрами, вспыхивающими то тут, то там. Рядом с платьем лежала коробочка. Настя открыла ее и ахнула от удивления: в ней обнаружилась та самая маска, которой она любовалась в Барселоне. О том, что их ждет бал-маскарад, она даже не подозревала!

С часто бьющимся сердцем она одевалась на бал. И когда вместе с девушками плыла на речном трамвайчике к ярко освещенному палаццо на Большом канале, не чувяла под ногами палубы. Голова кружилась от восторга и ощущения сказочности происходящего. Лакеи в ливреях встречали на причале у дворца прибывающих, помогали сойти с лодок, показывали дорогу. По красному ковру Настя вслед за Ликой прошла в палаццо.

Оказавшись во дворце, на мгновение растерялась. Все тонуло в ярком свете, в золоте убранства, в мягких коврах. Здесь было тепло, уютно и потрясающе красиво. Настя, ослепленная роскошью и элегантностью интерьера и гостей, двигалась вслед за Ликой дальше.

Бальная зала сверкала и искрилась, светильники переливались сотнями граней хрустальных подвесок, которые слегка раскачивались, словно следовали тактам музыки. Оркестр стоял на возвышении, музыка лилась по зале нежной волной, движение прекрасных и загадочных людей в масках, казалось, было подчинено мелодии. Вся роскошь расписных потолков, стен и лепнины, блеск паркета, свет люстр, магия музыки и красота людей отражались и умножались в огромных зеркалах, раздвигающих пространство зала, хотя Насте на мгновение показалось, что в зеркалах движутся не отражения гостей, а другие гости, словно зала продолжалась, приглашая к участию в празднике потусторонние силы.

А в огромных темных окнах, где тоже тускло отражались люстры, жила стихия воды, плескавшейся за стенами дворца. Лунную дорожку прочерчивали черные гондолы и светлые катера. Тьма, окружавшая дворец, была даже прекраснее золотой залы. В ней угадывался город, чья неувыдающая красота манила своим загадочным магнетизмом.

Настя пыталась рассмотреть каждую деталь, каждого человека, маску, брошь, украшение, улыбку, движение веера из огромных колыхающихся перьев. Но это было невозможно. Невозможно было сохранить в памяти каждую ноту веселого смеха, разнообразие языков, радость в глазах масок, невозможно записать ускоренный ритм взволнованного сердца.

Лица тронула ее за руку и улыбнулась. Девушка была одета в платье небесно-голубого цвета, которое оттеняло ее васильковые глаза под белой маской и заставляло их светиться еще сильнее.

— Кажется, я узнаю Итсаску и Сержа! — Она указала Насте на вошедшую пару.

Итсаску была в черном платье с высоким кружевным воротником, который при движении переливался мрачным блеском. Она напоминала злую колдунью из детских сказок. Серж гордо вел ее под руку и был одет в костюм, напоминающий платье испанского дворянина, но черного цвета с красными узорами, а вместо кружевного пышного воротника его лицо обрамлял воротник из черных и алых вороньих перьев. Масок на них не было, но на лице был грим.

— Они второй год наряжаются парой.

— Вот как? — Но Настю интересовал другой вопрос: — Лица, почему Цезарь заменил мне платье?

— О чем это ты? Я думала, ты сама передумала.

— Девушки, вы обе сегодня просто ослепительны! — Диего, одетый в безупречный смокинг, в аккуратной маске из переливающихся белых кристаллов, которые оттеняли цвет его глаз, встав между ними, взял их под руки.

— Весьма неожиданный выбор платья, — сказал он Насте.

Но Настя уже поняла: что-то определенно не так. Маска, которая привлекла ее внимание в Барселоне, платье, на которое она мимолетно бросила взгляд, пожелав его на мгновение. Кто читал ее мысли? Это мог быть только Диего. Она не сумела прочитать выражение его лица под маской, но, кажется, он сам был удивлен.

— А какое, ты думал, я надену?

— Зеленое. Я искал девушку в зеленом платье.

Тогда это мог быть только Цезарь. Но зачем он прислал ей платье и маску?

— Выглядишь сногшибательно! — уверил Диего.

— Девушки, Диего! — Ребята повернулись. Венецианская маска оценивающе смотрела на них.

— Цезарь! — Диего улыбнулся и пожал начальнику руку.

Цезарь задержал взгляд на Насте и слегка кивнул.

— Анжелика, Анастасия, вы сегодня сияете ослепительнее всех. Где две наши вороны?

— Вон там. — Диего указал на Итаску и Сержа.

— А Джонни?

Девушки растерянно оглянулись.

— Мы думали, он придет с вами.

Но тут Настя заметила маску со светлой бородой в красивом сером костюме рядом с человеком в черных кожаных брюках, заправленных в высокие сапоги, в черной кожаной не то куртке, не то камзоле, из-под которой выглядывала белая рубашка с кружевными манжетами.

— Вот там, похоже, Джонни, — толкнула она локтем Лику. Лика посмотрела и вздохнула:

— О да, это он! Как всегда, чертовски красив.

Настя хотела было удивиться, но почувствовала, что вздох подруги относится не к Джонни, а к его спутнику.

Джонни шагал легко и пружинисто, словно насмеялся над своим видом, над балом и гостями. Еще немного, и он бы небрежно пожал плечами. Может, сделал бы колесо, с него станется. Он шел легко, чуть подпрыгивая. А может, такой казалась его походка рядом с ровной, уверенной, властной походкой его спутника. Тот двигался, как царь царей, каждый шаг — весомый аргумент в его пользу. Каждый кивок — снисхождение. Скромный костюм должен был сделать его неприметным среди ярких гостей. Но на деле, напротив, выделял среди всех. Маски расступились перед вошедшими, столпились по периметру зала, оркестр от попури из классики и современных мелодий перешел к очень красивому началу вальса или еще какого-то танца. Бал должен был вот-вот начаться.

Настя видела, как улыбается ей Джонни: она же так хотела, чтобы он пригласил ее на танец! Но взгляд странным образом переходил на его спутника, который казался лишним черным пятном на этом празднике ярких красок. Его маска плотно облегла красивое, по всей видимости, лицо с волевым подбородком, блестящие темные волосы были зачесаны назад. Настя снова перевела взгляд на Джонни. Она видела: тот пригласит ее, он смотрит на нее восхищенно. Его спутник оказался быстрее. Вступление к вальсу заканчивалось, но он успел протянуть ей руку, и, даже не задумавшись, как отказать, Настя вложила свою руку в его ладонь.

«Джонни! — мелькнула и погасла, как молния, мысль, но тут же сменилась другой, более тревожной: я же не умею танцевать!» — но рука партнера уже легла на талию.

— Я не... — выдохнула она, но незнакомец уже увлек ее в центр зала.

Мелодия нарастала плавно, затягивая их в ритм, словно в воронку, музыка становилась быстрее, и Настя вдруг поняла, что свободно и грациозно кружит по зале, привычно делая развороты, словно всегда танцевала вальсы. Это партнер умело направлял ее, легко приподнимал, подхватывал, кружил. Танец пьянил. Поначалу музыка казалась незнакомой, но потом она узнала ее: звучал «Вальс цветов» из балета «Щелкунчик». Для Насти этот балет с детства был связан с Новым годом и Рождеством: отец водил ее маленькую накануне праздников в Кремль и в Большой театр. Разве не волшебство, что сейчас, под Новый год, в Венеции она танцует вальс под музыку русского композитора? Она бы не могла пожелать ничего лучшего. Это было исполнением мечты, которую она даже не успела придумать, словно кто-то по мановению волшебной палочки превратил ее в сказочную принцессу под самую прекрасную и самую новогоднюю музыку. И подарил партнера, который помог станцевать вальс. Она смотрела ему в глаза, ловила его улыбку. Если бы ей нужен был герой девичьих грез, он стал бы им. Пусть лицо мужчины скрывала маска, но Настя чувствовала его нутром, словно он был создан для этого танца с ней. Волшебного, безумного, легкого, магического танца.

Они кружили по зале легко и непринужденно, улыбаясь друг другу, словно герои мультфильма о принцессе и принце. Оркестр то ли следовал за их движениями, то ли заманивал в сказку. Мелодия казалась необыкновенно прекрасной, хотелось плакать от счастья. Они танцевали одни. Остальные смотрели, замороженные волшебным синим и мистическим черным, трогательной восторженностью девушки и абсолютной уверенностью мужчины.

Настя ощущала себя легкой, такой легкой, что не чувствовала пола под ногами. Не было времени удивиться, словно она всегда танцевала с незнакомцем, знала, когда он заставит ее сделать поворот, когда снова поймает за руку и привлечет к себе. Счастье легкими пузырьками играло в крови, как шампанское, она будто видела со стороны, как красиво ее платье в кружении, как нежно, словно звезды на темном небе, сверкают и переливаются серебряные нити ткани, как красиво изгибается стан, когда она отклоняется от партнера.

Музыка подхватывала, кружила, улыбалась ей в лице таинственного незнакомца. Восторг нарастал вместе с мелодией, казалось, что это вечность мягко качает ее в своих ладонях. В тот момент хотелось одного: чтобы этот танец не кончался как можно дольше!

Зрителям чудилось, что еще немного, и танцоры оторвутся от пола, взлетят, закружатся вокруг огромных светильников под расписным потолком, поглощенные друг другом...

Цезарь испытывал желание вырвать палочку из рук дирижера, оборвать танец, пока не поздно. Но уже давно было поздно, с того самого момента, когда человек в черном протянул руку Насте. Или даже раньше, гораздо раньше. С болью в сердце он наблюдал за прекрасной парой. Бедная девочка!

Когда музыка завершилась, зал разразился аплодисментами. Незнакомец отвел Настю обратно к застывшей изумленной Лике, элегантно поклонился, поцеловал ей руку и, подхватив Анжелику, отправился танцевать следующий танец, но на этот раз к ним присоединились остальные маски. Бал начался.

Насте казалось, что первый танец раскрепостил ее, освободил от скованности. Она танцевала с Диего, Джонни, Цезарем, ее приглашали незнакомцы... Когда пробило двенадцать часов, гости сняли маски. Теперь все начали знакомиться друг с другом, обнимать не узнанных раньше из-за масок друзей. Через полчаса их пригласили в соседний зал, где были накрыты длинные столы. Все расселись согласно указанным на карточках именам. Настя оказалась между Диего и Джонни. Огромная ель, заваленная внизу подарками, украшенная игрушками и огнями, стояла в противоположном углу залы.

Она поискала глазами незнакомца в черном, но не увидела его поблизости. Пока все шумно рассаживались, Настя вышла на балкон глотнуть свежего воздуха. Лакей, стоявший рядом с балконной дверью, подал ей теплую накидку. Воздух был холодным и сырым, но Настя дышала им с восторгом. Город, лежавший перед ней в полусвете и полутьме, казался прекрасным. Волшебным в эти часы ощущалось все. Настя подумала: сколько таких ночей прожила Венеция, сколько удивительных событий!

Она облокотилась на каменную балюстраду и смотрела вниз, на канал, когда за ее спиной раздался вкрадчивый, чуть хрипловатый голос, от которого по коже пошли мурашки, словно кто-то мягко ласкал ее.

— Прекрасный вечер, не правда ли?

Настя еще не развернулась, но уже знала, кому принадлежит этот голос. Незнакомец в черном стоял позади нее, заложив руки за спину. Свет из залы падал ему на спину. Лицо оставалось в темноте. Настя знала, что ее-то лицо как раз хорошо освещено. Поэтому она поспешила вновь отвернуться от света и ответила:

— Да, чудесный!

— Этот город стоит на воде. Этот дворец стоит на вбитых в дно деревянных брусках. Чудо человеческого упрямства. Если человек задумал построить город, даже республику на воде, его ничто не остановит.

Она прикрыла глаза и позволила его голосу свободно окутать ее своей магией. Он, словно ласковый шелк, струился по ее плечам.

— Анастасия... красивое имя. Оно вам нравится? — Незнакомец подошел к ней и положил руки на каменное ограждение балкона.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Это не секрет, если вас всем представляют. Новое лицо в нашей небольшой семье не может остаться незамеченным.

— Ничего себе небольшая... А вы из какого агентства?

— Из венецианского. Увы, но сырость этого города навеки со мной. — Он усмехнулся. — Как вам понравилась Барселона?

— Я ее полюбила, — улыбнулась Настя. — Это город неожиданных знакомств.

— Вижу, что с Венецией у Барселоны много общего, — улыбнулся незнакомец в ответ.

Настя вдруг смутилась. Мужчина стоял так близко, а совсем недавно танцевал с ней, крепко держа за руку. В сквозящем свете, освещавшем одну половину повернутого к ней мужественного лица, она видела большие красивые темные глаза с загнутыми ресницами, приоткрытые в полуулыбке губы. Неожиданно девушка осознала, что думает о том, как он целуется. Настя так испугалась, что отпрянула, словно и в самом деле хотела его поцеловать.

— Простите, я замерзла, — неловко повернувшись, она вошла в зал, понимая, что идет через силу, словно одеревенела от холода. Но при этом щеки жгло так, что казалось, они стали багровыми. Увидев себя в зеркале, она поняла, что это легкий румянец.

Мужчина вышел с балкона вслед за ней, задумчиво глядя перед собой и слегка улыбаясь. Она уже жалела, что сбежала. Но вернуться в прошлое невозможно. Поискав свою команду, Настя присоединилась к ней. Странное дело, но Джонни вдруг показался таким далеким, что она испугалась. Определенно в этот вечер Настя была немного не в себе, если сердце не билось чаще, когда Джонни брал ее под руку. Мыслями она постоянно возвращалась к незнакомцу в черном.

Разве человек может быть так красив? Так притягателен? Все в нем казалось невероятным собранием достоинств — от вкрадчивого голоса до неторопливых, полных благородства движений. Но даже не это было главным. Настя долго не могла объяснить, что чувствует, пока вдруг не поняла, а поняв, не ощутила еще сильнее: создавалось впечатление, что его душа связана с ее душой невидимой и прочной нитью, и сила натяжения была такова, что она ощущала его, даже если не смотрела в сторону незнакомца. Даже если забывалась в разговоре с друзьями, часть ее существа знала, где находится мужчина, словно она чувствовала натяжение и направление связующей их нити. Настя отчаянно боролась с этим ощущением, старалась оторваться, освободиться, но казалось, чем больше времени она проводит в зале, тем сильнее становится связь.

Цезарь не давал им скучать, постоянно знакомя с сотрудниками других детективных агентств графа Виттури. Среди них встречались и молодые, и взрослые, и пожилые люди. Все радостно знакомились с новенькой, появившейся в команде Цезаря и обладающей редким даром, поздравляли его с успешно раскрытым крупным делом. Настя порой ловила любопытные взгляды, а порой любопытствовала сама: кто из них человек, а кто создание? Вычислить ангелов оказалось проще: их можно было заметить по тому, как легко они поднимали настроение, как внимательно слушали, по склонности к светлым одеждам и натуральной красоте — девушки и женщины сияли и без косметики, а юноши и мужчины казались мужественными даже в простых скромных костюмах. Лица в компании соплеменников сияла такой красотой и таким светом, что дыхание захватывало. Настя даже пожалела ее: каково постоянно жить среди неангелов, не имея возможности общения с себе подобными?

— А кто тот человек, с которым я танцевала первый танец? — спросила она у Цезаря.

Цезарь нахмурился, глубокая морщина легла у него между бровями.

— Держись от него подальше, Настя. И поближе к Джонни.

От того, что он словно прочитал ее мысли, Настя покраснела. И больше ни к кому с вопросами о незнакомце не лезла, только украдкой наблюдала за ним. Порой их взгляды встречались, и она торопливо опускала глаза, ругая себя за это, обещая в следующий раз выдержать испытание с достоинством. Но снова проигрывала самой себе. Или ему.

Когда после ужина вновь возобновились танцы, она заметила, что мужчина идет к ней. И торопливо вложила свою ладонь в руку Джонни, почти заставив парня пригласить ее на танец. На лице незнакомца промелькнула усмешка. Настя постаралась сосредоточиться на танце с Джонни. Сбылась ее мечта танцевать с ним. Но почему же в сердце не было радости, только горечь? Она не испытывала былого восхищения, глядя на парня, ее не тянуло к нему. Хотелось вновь подчиниться мягкому, но непреклонному человеку в черном.

— А графа Виттури я так и не увидела, — сказала она Итсаску, когда на рассвете, сонные и уставшие, они покидали палатку. Итсаску бросила на нее один из своих ледяных взглядов, которые Настя особенно не любила.

— Может, оно и к лучшему, — пророчески заявила вампирша. — Иногда к сильным мира сего лучше не приближаться.

Возможно, именно из-за этих слов Итсаску Насте приснился в ту ночь кошмар. Ей снилась серая и холодная Барселона. Снег падал мокрыми хлопьями и тут же таял на тротуаре. Она шла по городу в ночной рубашке и не чувствовала ни холода, ни стыда. Но ей было очень страшно, потому что лица то и дело толкающих ее прохожих были размыты, словно недовольный результатом художник провел рукой по еще сырому маслу и смазал картину. Темные глаза, расплывающиеся на щеках, вытянутые овалы лиц, открытые черные отверстия ртов. Время от времени, словно порыв ветра или пощечина, до нее долетали резкие обрывочные возгласы:

— Беги! Поздно! Уходи! Спасайся! Погибла! Беги! Настя!

Она просыпалась, долго ворочалась в постели, снова пыталась заснуть, но сон возвращался. Ощущение неизбежного поглощало другие чувства. Несмотря на то что от ужаса у нее мурашки бежали по коже, несмотря на промокшие ноги, страшные лица, предупреждения, она шла по старому готическому кварталу вперед, все время вперед. Улицы сужались. Прохожих становилось больше. Приходилось расталкивать их, чтобы продвигаться. Страшные стертые лица были совсем рядом, искаженные и безобразные, лишённые человеческих черт. Существа кричали ей, цеплялись за ее сорочку, но она упрямо шла вперед, потому что, несмотря на страх и ужас, несмотря на то, что впереди ее ждала смерть, невидимый магнит тянул к себе.

Она увидела человека в черном. Призраки обходили его стороной. Он стоял на площади Святого Хайме, высокий, худощавый, лица не разглядеть из-за надвинутой на лоб шляпы. Настя шла к нему, изнемогая от усталости. Призраки тянули ее назад, предупреждали об опасности, но она делала шаг за шагом. Ночная рубашка затрещала по швам и внезапно разорвалась, и она, обнаженная, упала к его ногам. Прижалась к нему так, словно он был самым дорогим существом на свете, а она искала у него защиты и покоя.

— Я ждал тебя, Настя, — сказал незнакомец, слегка склонившись над ней.

Она подняла лицо, но не смогла его разглядеть, словно сама чернота собралась в фигуру человека, словно огромное Ничто уменьшилось до размера мужчины, завладело голосом живого, чтобы сказать ей эти слова:

— Я твоя смерть.

Прежде чем она успела осознать эти слова, он накрыл ее черным плащом, тяжелым, как надгробная плита. Она умирала под этим плащом без воздуха, задыхалась и не могла освободиться.

Настя проснулась в испарине, рывком села на постели, жадно хватая холодный сырой воздух. Еще никогда ей не снились такие страшные сны. Сердце отчаянно колотилось. Еще немного, и грудная клетка не сможет его удержать. Влажные простыни были словно бы продолжением сна и напоминали прикосновения страшных прохожих. За деревянными ставнями, прикрытыми на ночь, уже брезжил рассвет. Настя быстро вскочила с постели, открыла ставни. Серый свет залил номер гостиницы, буднично осветил ненрибранную постель. И собаку. Собаку, которая торопилась выйти из номера, пока ее не заметили, но, поняв, что ее все-таки засекали, поджав хвост, с виноватым видом побежала по коридору.

— Да что же это такое... — Настя, завернувшись в куртку, выбежала в коридор вслед за собакой. Но коридор был пуст.

— Бред какой-то... — Она провела рукой по растрепанным волосам, еще сохранявшим форму прически. Запутавшись в покрытых лаком локонах, махнула рукой на собаку и отправилась в душ мыть голову.

В Венеции было холодно, падал снег, так же, как во сне Насти, и таял в каналах и на мостах. Прогулка на морозном воздухе проясняла мысли, запутанные после бала и сна. Тяжелые из-за влажности снежинки превращались в дождь. Настя остановилась на мосту и засмотрелась на город. На него можно было смотреть бесконечно. Отсюда, с этого моста, она видела узкий канал и пересекающие его тут и там мостики, словно перекрестки на улице.

Венеция была полна львов, символов святого Марка, покровителя города. Настя замечала ручки в виде львов на дверях, статуи, лепнину, даже полустертые фрески и росписи. Следующий мост, терявшийся в начавшем клубиться тумане, украшали столбы в виде львов, поднявшихся на задние лапы. Красивый белый каменный мост, который скоро может исчезнуть в тумане. Настя вытащила мобильник и навела на мост камеру. Сняла, опустила телефон и замерла: на мосту стояла женщина в пышном алом платье и смотрела на Настю. Девушка снова навела камеру на мост: тот был пуст.

Призрак смотрел на нее, девушка была уверена в этом. Но туман уже почти поглотил мост, хотя алое платье еще можно было различить в белом облаке. Настя вдруг поняла, что туман окутал весь город, и повернула к отелю. Но улицы, по которым она шла, уже не казались знакомыми, появились какие-то не встречавшиеся раньше лестницы, совсем некстати прямо перед ней появлялись мосты с каналами-невидимками. Пару раз казалось, что в тумане недалеко от нее мелькает алое платье, иногда доносился какой-то приглушенный шепот. Настя чуть не плакала от отчаяния: надо же так глупо заблудиться, отойдя на пару улиц от отеля! Она уже не узнавала город. Туман забирался за шиворот, холод пробирал до костей. Некстати вспомнился холод в лавке антиквара, и девушка еще больше испугалась. Когда, завернув за очередной угол, Настя налетела на человека, она вскрикнула, потому что стало казаться, что в этом городе девушка осталась одна. Сначала она с облегчением вздохнула, убедившись, что перед ней не незнакомка в алом платье, а потом удивленно уставилась на мужчину, с которым танцевала на балу.

— Какая приятная неожиданность! — проговорил незнакомец своим бархатистым голосом. — Анастасия!

Настя еле сдержалась, чтобы не вцепиться в него, но постаралась сохранить невозмутимость и не показывать, что напугана. Она улынулась.

— Доброе утро! Искала кафе, чтобы позавтракать, но в этом тумане, кажется, заблудилась.

— Тогда позвольте мне проводить вас в одно очень приятное место, я как раз направлялся туда, чтобы позавтракать. Составлю компанию, если вы не против.

И мужчина элегантно движением предложил взять его под руку. Она послушалась, но, прикоснувшись к его черной кожаной куртке, некстати вспомнила их вчерашний танец и почувствовала, как заливается румянцем. Что ни говори, а идти по Венеции с этим господином — то же, что идти по залам дворца под руку с королем. Она старательно отгоняла это сравнение, но вздохнула с облегчением, когда они вошли в теплое кафе, пахнущее кофе и выпечкой. Глядя, как за окнами постепенно рассеивается туман и появляются прохожие, Настя спрашивала себя, не была ли она всего несколько минут назад в каком-то ином городе? И не вывел ли ее оттуда странный незнакомец?

Мужчина сел за столик, тряхнул мягкими черными кудрями, обрамлявшими его красивое худое лицо. Мгновение его темные карие глаза внимательно и серьезно смотрели на Настю, но он тут же отвлекся на подошедшего официанта и заговорил с ним на итальянском. Настя слушала мелодичные втиеватые интонации. Судя по продолжительности разговора, мужчина не только заказывал завтрак. Незнакомец засмеялся реплике официанта, и Настя поняла, что этот смех стал последней каплей, которая сломила сопротивление его очарованию. Она словно увидела мужчину в цвете, а до сих пор видела черно-белые кадры. Эти искры золота в карих глазах, это лицо, словно с картин эпохи Возрождения, эти удивительно красивые руки, тени в уголках рта, как у Джоконды, эта демоническая сила южной крови, дышащие экспрессией движения и голос. Смех мужчины развеял прежние симпатии к Джонни, уничтожил ее защиту. Вчерашний танец, их прикосновения, улыбки — все заиграло совсем другим, глубоким интимным светом. Настя сидела, стараясь уgomонить вихрь чувств, снова стать спокойной, не выдать участившегося сердцебиения и новых эмоций. Она не заметила, когда ушел официант, потому что смотрела на свои покрасневшие от холода руки, пытаясь успокоиться.

— Вы, наверное, хотели позавтракать в одиночестве? — спросил мужчина, и она встрепенулась.

— Совсе нет, — улынулась, избегая смотреть своему спутнику в глаза. — Просто вспоминала странную прогулку по городу. Понимаете, я шла по абсолютно пустой Венеции, никого не встретила, если не считать... если не считать...

— Кого?

Она хотела рассказать про призрака, но потом передумала.

— Вас.

Потом решила посмотреть на него. Мужчина боком откинулся на стул, одну руку положил на деревянную спинку, другую — на стол. Он явно усомнился в искренности ее ответа, но усмехнулся, принимая его.

— Что ж, хорошо. Но мы встретились. Признаюсь, никак не ожидал, что из-за угла выпорхнет вчерашняя незнакомка.

Его ответ тоже был дразняще неискренним. Словно он бросал ей вызов: ах вот как?

Им принесли кофе и пирожные, и на время перекрестная дуэль взглядов прекратилась. Настя осознавала, что, обманув, не может надеяться на откровенность. Мужчина ясно дал это понять.

Более того, наклонившись к ней, он, улыбаясь, убрал прядь своих черных волос за ухо и проворковал:

— Анастасия, меня очень сложно обмануть.

— Меня тоже. — Она откинулась на спинку стула и скрестила руки. — Ты ведь не случайно со мной столкнулся?

— Мы уже перешли на ты? — удивился он.

— Простите, я... — Она покраснела.

— Ничего, так даже приятней. — Настя чувствовала, что все больше заливается краской под его теплым взглядом. — Надо сказать, краснеешь ты очень мило. Итальянки не столь чувствительны.

Было мучительно ощущать, что румянец не просто полыхает, а горит, казалось, даже лоб и шея покрылись пятнами.

— Я вообще легко краснею из-за всякой ерунды, — наконец смогла она дать отпор. — И все же перейдем на вы.

Он снова засмеялся.

— Давайте.

Некоторое время она избегала смотреть на незнакомца, помешивала кофе и пробовала пирожное. Но ощущала на себе его взгляд. Затем снова набралась смелости. Помня о том, что лучше смотреть в точку между бровями собеседника, Настя подняла взгляд и повторила вопрос:

— Так вы не случайно со мной столкнулись, ведь так?

— Именно с тобой случайно. Но я знал, что кто-то из нашего агентства попал...

— В Иной город?

Он удивленно приподнял бровь, что-то в его взгляде изменилось. Насмешливый блеск сменился глубоким, внимательным, изучающим взглядом.

— Да, так мы зовем эти пространства, хотя Серж предпочитает называть их параллельной реальностью. Ты невероятно интуитивна. А как ты попала в Иной город, для меня до сих пор остается загадкой. Туда трудно попасть. Поэтому на тех улицах так пустынно.

Он все-таки перешел с ней на ты.

— Можно спросить, вы — человек?

— Это один из вопросов, который лучше не задавать агентам.

— Хотелось бы быть готовой, если вы вдруг превратитесь в животное или начнете требовать моей крови, — пошутила Настя.

Он ничего не ответил. Его карие глаза с золотистыми искрами смотрели спокойно и даже немного задумчиво.

— Я уверен, что там был еще кто-то, помимо нас с тобой.

Дрожь пробежала по Настиной спине.

— Возможно, — уклонилась она от ответа. За окном кафе выглянуло солнце, то и дело мелькали прохожие.

— Я отведу тебя к отелю, если ты не против. — Он посмотрел на нее, чуть склонив голову.

— Спасибо, не откажусь, если вам не трудно.

— Совсе нет. Ты ведь согласишься поужинать со мной сегодня? Я знаю одну хорошую пиццерию возле площади Сан-Марко.

— Да, было бы здорово.

Из дневника Насти

Было бы здорово? Было бы здорово!!! Да я готова была петь и плясать от счастья. Свидание в Венеции. Свидание с ним в Венеции. С НИМ. С этим необыкновенно красивым и обаятельным мужчиной. Мужчина, пока вел меня к отелю, рассказал кучу историй про Венецию, таких интересных, живых, что казалось, он знал героев своих рассказов. Он умел так говорить, что я невольно ждала продолжения, смотрела ему в рот, ожидая развязки. Какие паузы! В нужном месте он вдруг умолкал так многозначительно, что хотелось немедленно вытрясти продолжение. Рассказывал так, что я покатывалась от смеха или чуть не плакала от огорчения. Город после его рассказов становился еще более реальным, объемным и значительным. Я забыла обо всем, так поглотил мое внимание его рассказ. Смотрела на него, изучала его мимику, жесты, переливы голоса. Мне было хорошо с ним. А от мысли, что вечером мы снова встретимся... Горячая волна накатывала на меня всякий раз, когда я думала об этом. Наше утреннее столкновение растаяло в дымке удовольствия от прогулки, в конце концов, если бы не он, я бы еще долго бродила по Иному городу в тумане.

Лишь один раз смутная тревога всколыхнулась в моем сердце: мне показалось, что в толпе туристов, среди зимних темных пальто и курток, мелькнуло красное платье.

Мужчина попрощался со мной внезапно, на углу улицы рядом с моим отелем. И таким странным способом, что я растерялась. Он поцеловал мне руку. Жест настолько старомодный, что всегда казался неискренним, но у него стал чем-то особенным, красивым, элегантным и... абсолютно естественным.

— До вечера, Анастасия! — сказал он и, повернувшись, ушел прочь.

Только тогда до меня дошло, что я так и не узнала, как его зовут. Неудобно... Но вечером исправлюсь.

Счастливая, я ворвалась в отель и тут же попала в лапы Диего.

— Ты можешь мне объяснить, где тебя черти носят?! — грубо зарычал он, до боли сжав мои руки.

— Пусты! Я по городу гуляла! — Я попыталась освободиться, но Диего пристально посмотрел на меня своими зелеными глазами. Я зажмурилась, но, кажется, парень успел прочесть радость от предвкушения свидания. Потому что вдруг отпустил меня.

— С ним? На ужин? Ты ходила по Иному городу? Какого черта, Настя? Почему ты вообще вышла из отеля одна?

— Но здесь не Барселона! Я думала, здесь я могу гулять одна! Что ты пристал ко мне?!

В холле появились все остальные из их агентства. Лицо Цезаря было непроницаемым, но я поняла, что он в гневе. Цезарь оттолкнул Диего, жестом остановил Джонни, который, кажется, пытался смягчить ситуацию, и провел меня в небольшой зал, судя по всему, бар отеля.

— Итсаску, запри двери.

Вампирша закрыла дверь (в проеме мелькнуло ошарашенное лицо администратора за стойкой) и встала, подпирая ее спиной и крутя в руке пистолет. В высоком разрезе юбки была видна стройная нога, обтянутая высоким сапогом со шнуровкой. Лицо вампирши не выражало ничего, кроме удовольствия от происходящего. Почему-то казалось, что она давно ждала момента, когда мне устроят выговор.

Лица была одета в черное — бледная и какая-то испуганная. Серж и Джонни явно мне сочувствовали, но не решались вмешиваться. Диего и Цезарь стояли ближе всех. Цезарь крепко держал меня за плечо. Его хватка была стальной. Цедя слова сквозь сжатые зубы, он с расстановкой сказал:

— Расскажи, почему ты ушла одна.

— Я не знала, что и тут должна ходить с кем-то. И потом, все ведь обошлось. Из Иного города меня вывел парень из агентства Венеции, так что ничего со мной не случилось.

— Какой еще парень?

— Со вчерашнего бала.

Цезарь вздрогнул, словно своим ответом я причинила ему боль.

— Уточняю. Мужчина, с которым ты танцевала в начале бала?

— Да.

Они все словно онемели. Соляные столбы, не иначе. Чтобы как-то нарушить это ужасное молчание, от которого веяло могильным холодом, я сбивчиво рассказала, как гуляла по пустой Венеции, увидела женщину на мосту, а потом в тумане меня нашел незнакомец и вывел в обычный город.

— Мы просто позавтракали, он проводил меня до отеля. А вы смотрите на меня, будто я Родину предала!

Я все больше на них обижалась. Если все так сложно, то почему бы не объяснить, что такого я сделала, зачем так на меня смотреть?

Джонни наконец подошел и тихо сказал:

— Цезарь, она и в самом деле не виновата. Виноват я. Это я за ней не уследил. В конце концов, она имеет право доверять другим агентам.

— Ты сказала ему про даму в красном? — игнорируя Джонни, спросил Цезарь.

— Нет! — крикнула ему в лицо. Меня душили слезы. Было обидно.

— Хорошо... — Он наконец отпустил меня. — Собирайте вещи. Мы едем в аэропорт.

— Но... Я договорилась встретиться с ним вечером...

— Встречи не будет, Настя. Мы улетаем.

— Но почему? Что в нем такого? Кто он?

— Выезжаем через час. Собирайтесь, — проигнорировал мой вопрос Цезарь.

Под присмотром Джонни я собрала вещи, в какой-то момент обиду и гнев сдерживать стало невозможно, и я заплакала. Джонни подошел ко мне, хотел обнять, но я выскользнула из объятий, в которые совсем недавно хотела попасть, — ведь я для него всего лишь нервная работа, он сам дал это понять. А теперь делает вид, что сочувствует.

Гнев и обида переполняли меня. И еще мне было очень жаль, что больше я не увижу незнакомца. Прости, что так вышло.

Мы уже прошли регистрацию и стояли в зале ожидания в очереди на самолет. Когда утихли обида и злость, я вдруг почувствовала, что Цезарь не злится на меня. Он чего-то боялся и беспокоился. Иногда переглядывался с Ликой, словно только ей было известно о его состоянии, и она, бледная, но непреклонная, слегка кивала, словно подкрепляя его решимость. Остальные просто молчали. Диего пару раз пытался заговорить со мной, но я не отвечала, и он оставил попытки. Джонни просто обнимал меня одной рукой, прижимая к своей груди. О, еще пару дней назад я была бы на вершине блаженства, обними он меня вот так! А теперь мне стало все равно. Навалилось какое-то равнодушное отупение.

Мысленно я вместе с незнакомцем проходила по улицам Венеции, залитым солнцем, смеялась его шуткам, и блики от воды слепили меня, как волшебные искры удивительного скрытого мира. Если вспомнить о глобальном потеплении и о том, что Венеция постепенно уходит под воду, кто знает, увижу ли я еще этот удивительный умирающий город.

Вдруг меня словно кипятком окатило.

— Цезарь, послушай. Помнишь письмо художника? Помнишь фразу про умирающий город? «Книга спрятана в умирающем городе». Так?

— Книга, изображенная на картине? Да.

— Венеция — умирающий город. Я уверена! Просто не понимаю, как это раньше не пришло мне в голову! — От возбуждения я даже дрожала. — Это Венеция! Я уверена!

— Я проинформирую наших коллег в Венеции. Они начнут поиски, — бесцветным голосом ответил Цезарь.

Я хотела крикнуть ему, что чувствую: мы должны искать ее! Но мое положение и так было незавидным.

И тут я увидела Нилу. Она шла к нам в туфлях на тонких шпильках, в короткой летящей юбке, и все оборачивались ей вслед. Казалось, чернокожая красotka мягким кошачьим шагом вышла на охоту в сером зале аэропорта. Редкий яркий экзотический цветок! Ее фиолетовый с желтым наряд бросался

в глаза, как и необычная внешность.

— Цезарь, куда же ты улетаешь, я не простилась с мальчиками! — пропела она, беря под руки Диего и Джонни. — Уж не собрался ли ты их у меня украсть?

На каменном лице Цезаря вдруг обозначились желваки, между бровей пролегла глубокая морщина, серые глаза стали стальными. Но на Нилу, похоже, это не произвело должного действия. Она обернулась, и мы увидели Мохаммеда и незнакомого карлика, стоявших в стороне и смотревших на нас.

— Ваш вылет отменяется, — сладко-приторным голосом сказала Нила, прижимая к себе парней. Она лизнула Джонни в щеку, и меня чуть не передернуло от этого шоу. — Граф Виттури желает поговорить со всеми вами. А особенно, — тут ее взгляд стал холодным, — с тобой, Цезарь.

И мы в молчании поехали из аэропорта обратно в Венецию. Карлик сидел в минивэне напротив меня и то и дело ободряюще мне улыбался. Рядом со мной примостился Мохаммед, напротив него Итсаску. Нила позади ворковала с ребятами. Лика устроилась отдельно от всех, бледная, грустная, и смотрела в окно. Это было так странно — видеть ее подавленной. А у меня все не получалось спросить, что стряслось.

С другой стороны, несмотря на то, что нас везли практически под надзором, с каждым километром, приближавшим нас к Венеции, на душе становилось легче. Казалось, что связующая нить, возникшая между мной и незнакомцем, ослабляет натяжение по мере того, как я подъезжаю ближе к нему. К тому же в этом городе спрятана книга. Возможно, у нас появится шанс отыскать ее после разговора с графом Виттури. А у меня... появится шанс на свидание в Венеции.

Пересев на причале на катер, мы направились к уже знакомому палаццо. Вот только при дневном свете можно было лучше рассмотреть деревянные причалы, черные узкие гондолы, волны, омывавшие уходящие под воду каменные ступени. Стрельчатые резные окна палаццо отражали свет низкого зимнего солнца. Дул сильный ледяной ветер, поэтому я с радостью подала руку лакею и вошла во дворец. И снова, как вчера, меня поразили тепло и убранство дома. Бальную залу, судя по доносившемуся шуму, убрали после вчерашнего праздника. Нас сразу пригласили подняться на второй этаж.

С момента встречи с Цезарем и его командой я ощущала себя героиней странной, опасной, но увлекательнейшей романтической истории. Еще бы... Столько событий, выходящих за грань обыденности, столько необычных новых знакомых, одним своим существованием разбивающих все традиционные представления о реальности. А потом был этот бал — самое волшебное событие в моей жизни. И сейчас, поднимаясь по ступенькам широкой лестницы, я не могла избавиться от ощущения, что стала героиней какой-то киноистории. Я персонаж, которому неведом финал, но есть некто, кто написал все главы и следит за тем, чтобы актеры не выбивались из придуманных для них сюжетных линий.

В большой гостиной нам подали чай и кофе в тонких фарфоровых чашках. Я боялась взять чашку в руки — казалось, ее тонкие стенки треснут от моего прикосновения. Итсаску не отказалась от темной жидкости в хрустальном бокале, который ей подал лакей. И что-то подсказывало мне, что это вовсе не красное вино.

Цезаря вызвали к графу. Нила что-то ворковала Джонни на ухо возле высокого окна, но парень старался не упускать нас из виду. Мы сидели на диване. Мохаммед отвел в сторону Лику, они говорили о чем-то молча, глядя друг другу в глаза и взявшись за руки. Порой мне казалось, что они теряют человеческий облик и становятся просто светящимися телами. Серж и Диего сидели по обе стороны от меня. Словно охранники, чтобы не сбежала. Я же смотрела, как садится солнце за окнами палаццо, и думала о том, что незнакомец скоро придет к отелю и будет ждать меня.

Чтобы хоть как-то отвлечься, уставилась на старинную карту Венеции — огромную картину, которая висела на стене между окнами. Было бы неплохо, если бы призрак художника появился тут и просто ткнул пальцем туда, где находится книга. Я встала и подошла поближе к картине. Где же он ее спрятал? В каком-нибудь палаццо? Старинном доме? Закопал или утопил в канале?

— Где можно спрятать книгу, как думаешь? — обратилась к Диего, который вслед за мной подошел к картине.

— Думаю, в надежном месте... Во дворце дождей, в каком-нибудь храме.

— Если ее до сих пор не нашли, значит, спрятано на совесть, — вздохнула я. — Как думаешь, о чем говорят Цезарь и граф?

— О тебе, конечно, — спокойно ответил Диего. — И о том, каким образом ты оказалась в Ином городе, не совершив обряда перехода.

— Значит, вот что всех так переполошило. А меня могли заманить туда специально, как думаешь?

— Возможно.

Диего положил руку мне на плечо.

— Настя, я должен тебе кое-что объяснить, думаю, ты еще не знаешь, но...

— Анастасия!

Знакомый голос заставил меня обернуться. Мой человек в черном стоял рядом с Цезарем, заложив руки за спину, смотрел на меня и улыбался. Моим первым желанием было подойти к нему и улыбнуться, но по тому, как все поднялись со своих мест и встали в круг, противоположными точками которого оказались я и он... по тому, как он держался, по почтению, с которым на него смотрели... по тому, как молниеносно Диего убрал руку с моего плеча, словно было поздно договаривать, я поняла, что не стану этого делать. Я не верила. Я смотрела на незнакомца и вспоминала наш танец. Больше никто не танцевал тогда. Да и бал начался после его прихода... А еще — я вспомнила реакцию на него моих друзей и Цезаря. А ведь именно он вывел меня из Иного города... Но это невозможно... Невозможно...

— Настя, это граф Виттури, — разрешив мои сомнения и догадки, сказал Цезарь.

— Это невозможно... — Горло перехватило от волнения. — Граф Виттури — старый.

Граф Виттури, чуть закинув голову, засмеялся своим волшебным смехом.

— Кто сказал вам это?

— Все! — Я обвела глазами друзей.

«Главный», «Старик»... Да сколько раз я воображала себе седого властного старика в инвалидной коляске — именно так, не иначе.

— Ну я неплохо сохранился для своих преклонных лет! — Он подмигнул, словно у нас с ним был один секрет на двоих.

Я чувствовала себя глупо. Возмущение постепенно закипало в груди.

— Почему вы сразу не сказали?

— Я не знал, что вы не знаете, — пожал он плечами.

Вот гад! Я видела, как смех искрился в его карих глазах.

— Вы лжете.

— Возможно. Но вы не спросили, как меня зовут.

Ну и сволочь! Устроил розыгрыш. И еще я же виновата.

Нила подошла к нему и по-хозяйски положила руку на плечо.

— Господин граф, они собирались улетать, когда мы их нашли.

— Спасибо, Нила, ты чудо, — ответил граф равнодушно, не спуская с меня глаз. Нила тут же отошла в сторону, бросив на меня колкий взгляд. — И ваши друзья вас не просветили? Даже перед отъездом?

Я не ответила. Вдруг посмотрела на все, что произошло в Венеции, совсем под другим углом. Образы и картинки менялись перед глазами с быстротой молнии: вот синее платье на витрине, вот оно у меня на постели. Вот русский вальс и мужчина, приглашающий меня как первую попавшуюся на глаза девушку, вот наш разговор на балконе. Наше столкновение в Ином городе...

— Вы все это подстроили специально? Ведь так? Маска? Платье? Вальс? Вы исполняли мои желания. Зачем?

Он слегка пожал плечами.

— Хотел сделать вам приятное. Не каждый день в нашем агентстве появляется говорящая с призраками.

— Вы залезли без спроса в мою голову!

— Вы не очень-то сопротивлялись.

Мне хотелось разорваться от ярости, стукнуть его, сказать что-нибудь гадкое, но я посмотрела на Цезаря — он покачал головой. За это время я научилась понимать, о чем пытается сказать его почти неподвижное лицо. Сейчас тонкие губы были скорбно поджаты, словно он хотел, чтобы я молчала. Глаза просили меня. О чем?

Я опустила взгляд и собралась с силами. Ради Цезаря. Ради долгих лекций по истории и искусству, во время которых его лицо слабо озаряла улыбка. Ради моих друзей, что стояли сейчас вокруг.

Я промолчала. Граф ждал, я молчала. И только связующая нить между нами вибрировала, как тугая струна. Что же это такое? Что это за сила? Влюбилась я, что ли? Как идиотка втрескалась в незнакомого человека из-за того, что он станцевал со мной танец?! «Но как станцевал, Анастасия, как станцевал», — прошептал кто-то у меня в голове. Я снова сосредоточилась на носках своих коричневых туфель. «Вон из моей головы!» — возмутилась наконец. Нет, я сильнее, чем кажусь, пусть себе смеется. Пусть. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. И мое молчание заставило его отступить.

— Какие у вас соображения по поводу возможного местонахождения книги? — перешел он к делу, повернувшись к остальным.

— Настя думает, что она в Венеции, — ответил за всех Цезарь.

— Хорошо. Возьмите, если надо, всех агентов, которые сейчас в городе. Общайте все. Приступайте.

И граф скрылся в кабинете.

Проходя мимо меня, Цезарь кивнул и улыбнулся краем рта. Через час в бальной зале собралось около тридцати агентов. Мы разделили город на сектора и, наспех перекусив поданными бутербродами, отправились на поиски книги.

Стемнело. Меня уже не удивляло, что перед нами открывались все двери и даже самые охраняемые здания — зеленые глаза Диего заворачивали людей еще за стенами, иначе сложно было объяснить, почему нам открывали двери до того, как мы стучали. У Итсаску обнаружилась целая коллекция отмычек, которые отворяли двери там, где не было ни охраны, ни жителей. Мы обыскивали церкви, старые дома, палаццо. Сначала это казалось интересным и захватывающим: мы, словно разбойники или расхитители гробниц, бродили с фонарями по каменным залам, коридорам, нефам. Простукивали, сканировали какими-то мудренными аппаратами, которые захватил с собой Серж. Он сам, обмотанный проводами и камерами, насвистывал что-то себе под нос, погрузившись в исследование простенков и возможных тайников. Очень скоро стало сыро и холодно, захотелось спать. Я падала с ног от усталости и без устали зевала.

Так, преодолевая сон, шла за остальными по комнатам очередного палаццо. Зброшенное, обшарпанное здание, пропахшее сыростью. Но фонарики вырывали из темноты то уцелевший элемент росписи на потолке, то лепнину на стенах.

— Не лучше ли дожждаться утра? — рассуждала я вслух. Мой голос гулко раздавался в пустой зале. — Наверняка можно высчитать наиболее вероятные места, если подумать на свежую голову.

— Мы не знаем, сколько у нас времени, — ответил Цезарь. — Мы не знаем, что известно тем, кто затеял эту игру. Возможно, они тоже ищут книгу в Венеции.

На всякий случай я нащупала у бедра меч.

— Ты думаешь? — оглянулась нервно.

Темнота жадно поглощала комнаты и жалкие богатства палаццо, как только фонарики скользили дальше. По сути, мы были окружены тьмой. Никто не знал, кто крадетсЯ сзади.

Я нервно посветила в темноту за спиной, словно хотела высветить толпу монстров, следующих за мной. Но там никого не было.

— Настя, не отставай! — слышалось из коридора.

Я поспешила за остальными. Коридор был темен, фонарик друзей сверкнул в следующей зале, я поспешила туда, но там тоже оказалось темно. И пусто.

— Эй! Вы где?!

Мне никто не ответил. Мой вопль разнесло эхо по пустому пространству палаццо. Фонарик, дрожа, скользил по комнате, тщетно пытаясь найти хоть кого-нибудь из друзей.

— Выходите! Я потерялась! Диего! Цезарь! Ребята! Ну пожалуйста!

Стало страшно. Умом я понимала, что так быстро они никуда не могли исчезнуть. А если бы слышали меня, обязательно пришли бы. И тут раздался то ли шепот, то ли свист. Как утром. Я почувствовала, как каждый волосок на коже встает дыбом. Я не заблудилась, я опять в Ином городе. Мои друзья наверняка ищут меня, но там меня нет. Я здесь. Паника мешала дышать и думать. Я прижалась к стене, сжала в руке меч и попыталась дышать глубже. Как дурочка, надеясь на чудо, вернулась в предыдущую залу и снова повернула в коридор. Но чудесного портала тут не было.

Оставаться в палатце было невыносимо. Слишком темно и пусто. Надо выбраться на улицу. Я попыталась вспомнить дорогу к выходу из дворца. И медленно двинулась назад. Больше всего, конечно, хотелось сжаться в комочек, обнять себя за плечи и плакать от страха. Но инстинкт двигал мной, я должна была идти, чтобы не отчаяться и не сдаться. Комната за комнатой, поворот за поворотом, ступенька за ступенькой. Каждый шаг становился преодолением сковывающего тело ужаса.

Я выбежала на улицу. К моему облегчению, все было залито лунным светом. Я выключила фонарь. Бил колокол. Каждый удар звонко разносился по спящему городу. Или по пустому городу? Я уже не знала. Ночной воздух бодрил. Надо только сориентироваться, понять, где я нахожусь, двинуться в сторону отеля. Даже если я не приду туда, пока имеется цель, я могу сосредоточиться и не паниковать. Стараясь держаться у стен домов, двинулась в путь. На улице шепота слышно не было. «Может, — подумалось мне, — это были голоса из другой реальности, в которой меня искали друзья?»

Ночью идти по пустому городу было еще страшнее, чем днем. И в то же время яркая и огромная луна, неестественно близко нависшая над домами, освещала все своим серебристым волшебным светом. Сначала я затравленно кралась вдоль стен домов, но потом осмелела и пошла довольно быстрым шагом. Пока я узнавала дорогу, и это меня тоже успокаивало. Так шла минут двадцать, даже начала находить очарование в пустой Венеции, где только мои шаги касались мостовой, которую в реальном городе ежедневно топтали тысячи людей.

Переходя через мост, я вдруг почувствовала холодок на правой щеке и повернулась в эту сторону: на соседнем мосту увидела женский силуэт в платье: бледная кожа и темные волосы. Женщина вытянула руку, указывая на меня пальцем, и громко крикнула:

— Вот она!

На мгновение окатила волна облегчения и радости: это Итсаску! Но в следующий момент я поняла: это женщина в красном. Ее платье вдруг вспыхнуло в темноте. И тут в окнах домов, выходящих на канал, стали громко хлопать ставни. Я подняла голову. Из каждого окна выглядывало белое безжизненное лицо.

Одновременный вопль «Вот она!» искажил их рожи. Бледные человекоподобные существа вылезли в окна и с юркостью ящериц поползли по стенам вниз.

Я побежала. Засунула меч в ножны и побежала что есть духу. Вот и пригодились пробежки с Диего вдоль пляжа Барселоны. Я бежала, рассекая руками воздух, ритмично дыша, как он учил. Вопль «Вот она!» мчался за мной, опережая, прибавляя все новых преследователей.

Маленькая площадь со статуей монаха, дальше за небольшим поворотом круглая церковь, впереди широкий мост, а там до отеля рукой подать. Но эти твари были слишком быстрыми. Я поняла, что не добежу. Оставалось только дотянуть до моста. Они уже хватили меня за одежду, смердящее дыхание голодных ртов обдавало жаркой волной. Я бежала что было сил. Вырвалась на пять шагов вперед, успела ступить на мост и достать меч. Я обрушила свою ярость на первых же нападавших, а они всей массой навалились на меня. Вдруг увидела, как женщину в красном, словно королеву, несут над этой безликой толпой навстречу мне. Я оборонялась, меч легко разрезал тварей и обращал в пыль, но их было слишком много. Их многочисленные руки вцепились в меня со всех сторон. Я стояла на середине моста и видела, что улица, словно во время демонстрации, заполнена телами, и над ними двигается на меня самая красивая и самая ужасная женщина из когда-либо существовавших на земле.

В этот момент что-то сильно дернуло меня за шкурку вверх и в сторону. Я, потеряв меч, перелетела через перила моста. Рукав куртки остался в чьих-то когтистых пальцах. Кажется, я увлекла за собой пару тварей, которые упали в воду, а меня резко мотнуло в сторону, потащило еще выше, и вместо того чтобы грохнуться в канал, я сильно ударилась о стену дома на другом берегу. На меня навалилось чье-то тело, на миг лишив дыхания.

— Господи боже! — прохрипела потрясенно.

— Не совсем, но спасибо. — Граф Виттури, тяжело дыша, прижался спиной к стене дома рядом со

мной. Его волосы падали на лоб, в лунном свете четко вырисовывался профиль, идеальный для чеканки на монетах. Как он перенес меня через канал? Но размышлять времени не было: вместе мы смотрели, как твари, оценив расстояние, бросились через мост, чтобы попасть на ту сторону, где мы находились. Граф повернулся ко мне:

— Бежать еще можешь?

— Да.

— Хорошо. — Он достал из-за спины два коротких, чуть изогнутых меча. — Наш единственный шанс спастись — выйти отсюда как можно скорее. Ближайший выход — Большой канал. Он через два здания отсюда. Беги.

— А вы?

— Я за тобой. Давай!

И я побежала. Получалось плохо: как будто земля стала вязкой, как в ночном кошмаре, когда хочешь бежать, но не можешь. Я оглянулась: граф дрался с тварями, и получалось это у него куда лучше, чем у меня. По женщине в красном стояла на мосту и смотрела мне вслед. Что-то подсказывало, что именно она тормозила и делала вязким мое движение. А женщина вдруг прыгнула на ограждение моста и завизжала. Это был звук, от которого высокими волнами поднялась вода и на меня посыпались обломки барельефов и штукатурки с дома, мимо которого я двигалась. Я бежала, бежала, воды Большого канала уже блестели впереди, но все равно до него еще было далеко.

Я снова посмотрела назад: волосы женщины выбились из прически и разлетелись в стороны, хотя ветра не было.

— Анастасия! Беги! — Граф орал на меня что есть сил, он даже развернулся и тоже побежал ко мне, но за спиной у женщины выросли огромные черные крылья, а ее руки почернели и превратились в когтистые лапы. Она сорвалась с ограждения, тяжело и мощно взмахнув крыльями. Поднялся ветер. Я побежала. Я снова бежала изо всех сил, но ощущала, что женщина все ближе. И все же, когда ветер от движения ее крыльев уже задевал меня, а страшный вой, который она издавала, накрыл волной, я была на краю Большого канала. Мою руку вдруг кто-то схватил, я увидела рядом с собой графа и скорее прочитала по его губам, чем услышала:

— Прыгай!

И мы прыгнули. Вода была ледяной, это все, что я помню. Потом от холода перехватило дыхание, вспыхнул какой-то яркий свет, слепящий, болезненный. И я подумала, что так, наверное, умирают.

Настя очнулась в катере «скорой» под термоодеялом, поморщилась от яркого фонарика, которым светила ей в глаза красивая девушка в белом халате. Девушка что-то быстро затараторила в рацию на итальянском, катер дрогнул и помчался. Насте было в общем-то все равно, куда ее везут. Она дрожала, как осиновый лист на ветру, часто и крупно, а ноздри еще чувствовали запах вод Большого канала. Соленая вода стягивала кожу. В голове перемешались образы и события, которые Настя тщетно пыталась расставить по местам.

На время она вновь провалилась в темноту, как в воды канала, только было тепло, и там, во сне или в дреме, она все еще ощущала железную хватку графа на своем запястье, когда он тянул ее на дно Венеции.

— Настя! — Она открыла глаза. Ее выгружали из катера на причале у больницы. Лика и Диего подбежали к ней.

— Это она! — говорила Лика в мобильный. — Живая! Господи, как же ты нас напугала!

Диего просто взял ее за руку и посмотрел в глаза.

— Скажи, что ты в порядке! — потребовал он.

— Я в порядке, — улыбнулась Настя. — Только очень замерзла.

— Итсаску, захвати одежду для Насти, да потеплее. — Лика все схватывала на лету.

— Все хорошо, Настя! Тебя осмотрят, если повезет, отпустят с нами домой.

— Только не уходите! — Настя в ужасе представила, что снова останется одна. — Я больше не хочу ТУДА.

— Я буду с тобой! — Лика крепко схватила ее за руку, и тепло полилось по телу Насти.

Ее занесли в больницу. Диего заполнял бумаги, Лика не отпускала ее руку.

— А граф, Лика? Он жив?

Лика похлопала ее по руке.

— За него не переживай, раз ты жива, то и с ним все в порядке.

Настя заснула крепким сном. Лика перебирала ее мокрые волосы, которые распустила на подушке. Настя исчезла так внезапно, что ребята не сразу поняли, что произошло. Потом подняли на ноги всех агентов, известили графа. Диего вызвался идти вместе с отрядом, который должен был совершить переход в Иной город, чтобы искать Настю, но граф Виттури оказался быстрее. Одновременно известили полицию и обзванивали больницы на случай, если с Настей что-то случилось в этом измерении. И вот удача, из вод Большого канала выловили девушку, блондинку примерно Настяного возраста. Лике оставалось только гадать, через что она прошла: когда с Насти сняли рваную одежду, оказалось, что все тело покрыто мелкими поверхностными царапинами, словно на девушку напали сотни кошек.

Сейчас эти ранки медленно затягивались под воздействием Анжелики, а дыхание спящей становилось спокойным и ровным.

На следующее утро Настя проснулась в отеле от того, что в комнате кто-то ходил. Распахнулись ставни, полился слабый зимний утренний свет.

— Доброе утро!

Рука Джонни взяла ее руку, и Настя улыбнулась, не открывая глаз.

— Я выгляжу ужасно? — спросила она.

— Лика тебя отлично залатала. Ни царапины, — заверил ее Джонни.

Девушка присела на кровати, закутавшись в одеяло.

— Я принес тебе завтрак. — Парень кивнул на прикроватную тумбочку, где стоял поднос.

— Не стоило, я же могу спуститься и позавтракать со всеми.

Она хотела было подняться, но перед глазами резко потемнело.

Джонни помог ей сесть обратно.

— Хотя бы выпей кофе, сразу силы появятся. Горло не болит?

Настя задумчиво покачала головой. Джонни взял с тарелки круассан, предложил ей, она отказалась, и он довольно откусил сразу половину сдобы. Крошки запутались в его бороде и прилипли к нижней губе. Настя подумала, что еще совсем недавно она нашла бы эту сцену соблазнительной. Теперь же сонно улыбнулась и глотнула горячего кофе.

— Я честно старался втиснуться вчера утром между Цезарем и Диего, — начал было рассказывать Джонни, но Настя махнула рукой.

— Да ладно, после этого столько всего приключилось, что мне уже не до обид.

— Я просто хотел сказать... — Голубые глаза парня внимательно посмотрели на нее. — Ты можешь доверять мне. Ты мне очень нравишься, Настя. Не хочу, чтобы с тобой снова приключилась неприятность.

— Думаешь, приключится? — напряглась девушка.

— Боюсь, что да. Есть такие люди, которые помимо своей воли провоцируют развитие событий. Я их зову рычажками. Вот и ты мне тоже кажешься рычагом: запустила какой-то несусветный маховик, а сама даже не в курсе, что происходит.

— А когда запустила? — испуганно вытаращилась на него Настя.

Джонни пожал плечами.

— Если бы знать... многое стало бы понятнее. Ладно, — ты собирайся, сегодня много работы, а завтрак внизу долго ждать не будет. — Он подмигнул ей, картинно погладил себя по животу и вышел из комнаты.

Поиски продолжились, но Настю теперь не отпускал страх, что если она сделает хоть шаг в сторону, провалится в Иной город.

Лика придумала обвязать ее веревкой — так они всегда будут рядом. А еще Настя не шла ни первой, ни последней: так тоже сводился к минимуму риск, что Иной город снова ее похитит.

— И чего ему от тебя надо? — ворчал Джонни. — Никогда не слышал, чтобы кто-либо из людей два раза в день переживал переход и возврат из этого места с такой легкостью, как ты.

— А не может быть, что этот город хочет мне что-то сказать, раз перемещает меня так легко?

— А как тогда объяснить, что ты дважды сталкивалась там с... ведьмой?

— Может, ведьма там тоже оказалась не случайно. Почему она так хотела уничтожить меня? Есть ли записи о других переходах? Или она находится там всегда?

— Хорошая мысль! Наверняка где-то есть записи о переходах, в библиотеке графа, например.

Они сделали запрос в библиотеку графа. Серж отправился изучать документы.

— Пока ты купалась в канале, я составила список зданий, которые были в Венеции в годы жизни художника, а затем вычислила те, что меньше других подвергались реставрации и перестройкам. — Итсаску достала распечатку карты с пометками. — Я уже отправила инфу остальным командам, чтобы на этих объектах искали тщательнее.

— Ты крута! — восхищенно сказала Настя, взяв распечатку из рук Итсаску. И тут же опустила.

— Что такое, Настя? — Лика испугалась, заметив, как побледнела девушка.

— Я подумала... а что, если он спрятал книгу в Ином городе? То есть в точной копии Венеции, но той, куда не все могут попасть? Что, если книга там и мы ее никогда не увидим, если будем искать здесь?

— Мысль на удивление рациональная, — заметила Итсаску. — Надо посоветоваться с графом, как считаете?

И снова катер причалил к палаццо. И снова Настя вошла во дворец.

— Никогда не бывал здесь так часто, — словно прочел ее мысли Джонни. — Граф обычно предпочитает уединение.

Серж ждал их в библиотеке, вместе с ним за длинным столом сидело еще несколько агентов, погруженных в картотеку и документы.

— Ищем любые упоминания о переходах в Иной город. Надо представлять, с чем можно столкнуться, если пойдем туда.

— Я тебе могу в красках описать, — содрогнулась Настя.

— Сегодня все равно не пойдем, — улыбнулся Серж. — Будет время для сказок возле камина. Граф велел, чтобы наша группа на ночь осталась здесь. Так что нас ждет хороший ужин с хозяином. — Серж подмигнул Насте.

— Он прав! — Лика убрала кудряшки в хвост. — Здесь мы в полной безопасности.

— Почему?

— Ну, потому что... вряд ли кто-то сунется к нему в дом... — Лика придвинула к себе картотеку. — Садись, Настя, до ужина надо просмотреть хотя бы часть документов.

И они окунулись в библиотечный мир, пахнущий пылью и старой бумагой. На время Настя погрузилась в картотеку, благо та была на английском, итальянском и латыни. Те из агентов, что владели языками, искали материалы по отобраннным карточкам.

— Мне кажется, мы теряем время. Уж если кто и может рассказать об Ином городе, так это граф Виттури. Раз он так легко туда входит и ловко выходит, то кому, как не ему, знать, что там может происходить?

— У графа еще будет время поделиться впечатлениями. — Лика старательно выписывала номера карточек.

Настя отодвинула от себя ящик картотеки и прошла по мягкому ковру, устилавшему библиотечный зал. Вот карлик, тот, что был в аэропорту, высунув язык, по слогам пытается разобрать манускрипт с красивыми буквами. Вот странный темнокожий мужчина с толстыми рогами, закручивающимися в спирали, подперев тяжелую голову, старательно переписывает цитату. Вот девушка в переливающимся платье, нежная и хрупкая, словно фарфоровая статуэтка, наклонилась к Джонни и что-то тихо спрашивает у него. Итсаску отложила в сторону одну книгу в кожаном переплете и взялась за следующую. Вошел Цезарь, тихо сделал Насте знак выйти.

— Настя, ты сегодня будешь ночевать с Ликой, — сказал он, прикрыв дверь библиотеки.

— Хорошо.

Цезарь как-то странно на нее посмотрел.

— Все в порядке?

— В относительном. Я потеряла свой меч, Цезарь.

Он скупно улыбнулся.

— Это не беда. Пойдем.

Они спустились в подвал дворца, в огромную залу, полную оружия. Здесь было столько всего, что глаза разбежались — от современного до древнего оружия, от бронежилетов до доспехов. Цезарь сразу провел ее к мечам.

— Посмотри, что понравится.

— А граф Виттури не будет против?

— Нет, это арсенал для агентов, мы можем брать здесь оружие. Выбирай, а потом поднимайся на ужин. Советую выбрать меч полегче, тот, что сразу ляжет в руку.

Что именно Цезарь имел в виду под «ляжет в руку», Настя поняла не сразу. Она вынимала короткие и длинные мечи, сабли, шашки, взвешивала их и ставила на место. На удивление один из двуручных мечей оказался легче остальных, лег в руку так, словно был сделан для нее. Он казался более легким для маневра, чем меч покороче, что был у нее до этого. Его она и взяла.

По дороге назад заметила приоткрытую дверь: чуть толкнув ее кончиками пальцев, с порога увидела небольшую темную комнату, тускло освещенную маленькой лампочкой. Света хватало только на центр комнаты, остальное терялось в полумраке. Настя вошла. По кругу стояли огромные старинные рамы, завешенные тяжелыми порттьерами. Должно быть, это были зеркала. Она встала под лампой. Возникло ощущение, что зеркала окружили ее в немом молчании. Но все же... зеркала или картины? Тяжелые порттьеры словно затаились, коварно ожидая ее решения. Прямо перед ней застыла самая высокая рама с позолотой и сложной резьбой, завешенная тяжелой черной бархатной тканью с золотым узором. Казалось, будто ткань едва-едва шевелилась, словно от ветерка. Настя присмотрелась. Да, точно, она слегка колыхалась, значит, там, за этой тканью, пустое пространство? Или кто-то спрятался? Она крепче взялась за меч и потянулась к порттьере. Ткань была одновременно мягкой и жесткой от золотой вышивки.

— Не стоит!

Голос прозвучал так резко, что Настя подскочила от неожиданности и повернулась. Граф Виттури стоял на пороге комнаты, лицо было искажено от гнева.

— Как вы сюда попали?

— Простите, граф, комната была открыта.

— Ушам своим не верю! — Он вдруг провел рукой по волосам, его кудри зазмеились между пальцами. — Эта комната всегда закрыта.

— Но она была открыта, — упрямо повторила Настя.

— Хорошо, — ответил граф с выражением лица «с дураками лучше не спорить». И с расстановкой произнес: — Просто осторожно отойдите от рамы.

Настя вышла из комнаты. Граф захлопнул дверь, повернулся к ней. Одна бровь иронично приподнята. Он ждет повторных извинений. Что ж, хозяин в праве.

— Извините, пожалуйста. Я знаю, что не должна была заходить. Не знаю, что на меня нашло.

— Любопытство всего лишь. Свойственное человеку любопытство, которое является двигателем развития и основной причиной гибели, — последние слова прозвучали как угроза.

— Кстати, о гибели. — Настя боялась поднять взгляд выше ворота его черного камзола. — Спасибо, что спасли меня.

Он поднял ее лицо за подбородок.

— Мой воротник вас не спасал, так ведь?

— Спасибо, что спасли меня, — повторила она, глядя в его лицо, тонувшее в полутьме коридора. Голос предательски сел. Как он был не похож на того смеющегося незнакомца за завтраком! К тому ее тянуло, а этот пугал своей мрачноватой манерой держаться. Но вместе с тем связь между ними не обрывалась, и сейчас что-то в ее солнечном сплетении тянулось к графу помимо желания.

— Так-то лучше. — Он отпустил ее. — Пойдемте ужинать, Анастасия. Не знаю, как у вас, а у меня купание в холодных водах Большого канала всегда пробуждает аппетит.

Она последовала за ним, но легкий шелчок заставил оглянуться: закрытая дверь снова чуть приоткрылась, и этот мизерный проем был похож на хищную ухмылку. Настя прибавила шаг и последовала за графом.

Ужин прошел хорошо, спокойно и чинно. Лакеи с ловкостью официантов лучших ресторанов подавали блюда, виртуозно обслуживая неуклюжих гостей. Граф сидел во главе стола, далеко от нее, наблюдая за агентами. Настя с удивлением обнаружила, что единственная, кто с таким же с достоинством ест и не путается в приборах, — Итсаску. На лице у нее была легкая вуаль, а платье в стиле двадцатых годов прошлого века очень шло к ее бледной коже.

Она ела задумчиво и неохотно, в разговорах не участвовала, Серж даже вопросительно кивнул, когда пересекся взглядом с Настей, мол, знаешь, что с Итсаску?

Настя покачала головой. Но тут вампирша отложила серебряный нож в сторону и спросила:

— Помните, в том послании художника было имя Лилит? Так звали...

— Первую женщину Адама, до Евы, это согласно легендам. Имя не слишком популярное. — Карлик Ильвир подмигнул вампирше.

— Лилит стала демоном. Не так ли? И она предсказала рождение антихриста...

— Рождение антихриста не предсказал только ленивый, — заметил Вельд, мужчина с рогами.

— Что, если... именно Лилит напала на Настю?

— Я думал об этом, — вдруг вмешался в разговор граф Виттури, который молчал весь ужин. — И я согласен с твоим предположением, потому что это был достаточно сильный демон. Нам повезло, что выход находился близко.

«Ничего себе близко!» — поежилась Настя. В ее памяти снова возникло ощущение вязкой беспомощности, замедленности движений.

— Завтра мы отправимся туда. Так что кем бы она ни была... Возможно, нам придется познакомиться с ней поближе.

Граф Виттури встал и прошелся по столовой, заложив руки за спину. Волосы его были забраны в хвост, лицо полностью открыто, фигура приковывала взгляды гостей. Настя заметила, что он всегда одевается очень лаконично, в темное, с легким налетом историчности. Среди гостей ему больше всего соответствовала Итсаску. Нила сидела в алом платье с глубоким вырезом, и яркий цвет на фоне ее черной кожи, казалось, вибрировал. Она белозубо улыбнулась, довольная тем, что может привлечь к себе внимание:

— Возможно, все даже интересней, чем мы предполагали до сих пор.

Настя язвительно подумала: «Куда уж интересней!» Нила грациозно наклонила голову, продолжая свою мысль:

— Эта женщина, что стала для художника музой, возможно, была одержима Лилит. Демоны-суккубы иногда овладевают подходящим телом, чтобы подобраться к цели.

— Но Лилит гораздо больше, чем суккуб, — возразил граф. — Это демон, умеющий многое:

замедлять время, перевоплощаться и скользить между мирами. Ильвир, Итсаску, после ужина проверим документы, все, что знаем о натурщице. Остальным лучше пойти спать. Необходимо набраться сил перед завтрашним путешествием.

После ужина, засыпая в огромной кровати вместе с Ликой, Настя подумала, что совсем отошла от нормальной жизни и представить сейчас, что это такое, сложнее, чем поверить в мистику. Благо теперь мистики в ее жизни было через край.

— Кто этот карлик? — спросила она Лику.

— Ильвир. Мудрый книжник, он — библиотекарь и искусный ремесленник. Делает разные охранные предметы, оружие. Говорят, сделанное его руками оружие более эффективно в бою. Ильвир выковал мне стрелы.

— Те, которыми ты убила Азазелло?

— Убила? Нет, к сожалению. Но я смогла изгнать его на время.

— Граф дружен с Ильвиром?

— Да, конечно. Они давно дружат. Цезарь тоже.

— В последнее время мне кажется, что Цезарь не очень расположен к графу.

— Вовсе нет, но... есть обстоятельства, которые заставляют по-другому посмотреть на некоторые факты...

— Что ты имеешь в виду, Лика?

— Я не могу ничего сказать тебе, Настя. Просто держись от графа подальше. Он может запросто вскружить тебе голову, но он не расположен к... длительным отношениям. Это не то, что тебе нужно. Поэтому мы все переживаем. А теперь спи.

Ей снилась комната с завешенными рамами, из-под бархатных покрывал вылезали черные пауки и разбегались повсюду. Спала она плохо, проснулась разбитой.

После завтрака агенты собрались в гостиной с оружием и копиями карт.

— Иной город — место непредсказуемое. Оно может быть к вам благосклонно, а может лишить жизни. Помните, что самое сложное: у каждого из нас может быть свой Иной город и свои испытания в нем. Будьте осторожны. Держитесь одной командой. Не торопитесь. На карте каждой команды помечено, куда она выйдет и где точка возврата. Пройти через точки можно только в том же составе, в каком пришли. Вы будете разбиты на четверки: Итсаску, Серж, Цезарь и Диего — вам достался район Каннареджо. Ильвир, Нила, Мохаммед, Вельд. — Карлик, ангел, суккуб и парень с рогами кивнули. — Вы берете Сан-Марко и одну церковь в Сан-Поло. Мы пойдем в Кастелло.

— Возможно, Настя, тебе лучше остаться здесь? — Цезарь неуверенно посмотрел на девушку, затем на графа. — Ты уже два раза была там вчера, не знаю, как на тебе скажется еще один переход.

Настя очень не хотела возвращаться в Иной город, но и оставаться ей тоже было страшно. Граф разрешил ее сомнения:

— Как бы мне ни хотелось ее оставить, боюсь, что город сам ее выбрал. Так он может скорее ответить на наши сомнения и поиски. Я и Анжелика будем с нею. Джонни?

— Конечно, я пойду с вами, — живо отозвался парень, с опаской оглянувшись на Нилу. Кажется, он рад отделаться от суккуба на время.

— Если только Анастасия сама не захочет отказаться, — легкая насмешливая улыбка мелькнула в уголках губ графа Виттури.

Настю бросило в жар, сердце застучало с дикой скоростью. Нет, она ни за что не покажет, как ей страшно и насколько не хочется туда идти. Тем более что все это было ее идеей. Она не может оставить друзей.

— Не хочу, — краснея, ответила она, опять не сумев спокойно посмотреть в глаза графа. Опять его воротник. И губы, которые, улыбаясь, образуют на правой щеке такие соблазнительные морщинки.

— Хорошо, тогда первая группа идет за мной. — Граф вышел из гостиной.

Ли́ка в своем кожаном черном костюме с имитацией чешуи на одном плече и руке была невероятно красива. Она еще раз пересчитала стрелы, засунула в сапог кинжал, другой пристегнула Насте на пояс, стянула свои золотые кудри в хвост. Ее голубые глаза внимательно осмотрели Настю: девушка тоже была одета в брюки и кожаный жакет коричневого цвета, меч висел слева, кинжал справа, волосы заплетены в косу.

— Держись ближе ко мне, — улыбнулась она Насте.

Та в ответ нервно кивнула.

Граф Виттури и Джонни ждали их у большого зеркала, висящего на стене в бальной зале. Настя не могла не вернуться мысленно к началу бала, потому что сейчас ситуация повторялась: она рядом с Ликой, а граф с Джонни. Граф Виттури протянул Насте руку, словно приглашал ее на танец.

— А где все? — спросила девушка.

— Все уже там. — Граф кивнул на зеркало. Настя только сейчас заметила, что его мутная поверхность подернулась рябью и ничего не отражала. — Перемещение может быть болезненным, особенно для вас, Анастасия, поэтому вы цойдете между Джонни и Ликой. Я иду первым.

И он прошел сквозь поверхность, которая поглотила его и сомкнулась все с той же серебряистой рябью.

— Пошли. — Ли́ка взяла Настю за одну руку, Джонни за другую. Они вошли в зеркало.

Боль, охватившая тело, была невыносимой. Колело каждую клеточку, словно тысячи иголок одновременно вонзились в Настю. Кости горели таким жаром, что сознание мутилось. Она почти не чувствовала движения, только знала, что ее тянут вперед. Когда Настя оказалась по ту сторону перехода, на залитой солнцем площади Святого Марка, она упала на колени. Слезы брызнули из глаз, ее тошнило и мутило, все кружилось, казалось, тело кровоточило каждой порой. Но, увидев свои дрожащие руки на каменной кладке площади, она убедилась, что крови на них нет.

Ли́ка помогла подняться.

— Как ты? Дышать можешь?

Настя что-то промычала в ответ — все кружилось перед глазами, от слез расплывались предметы вокруг.

— Пей! — Она почувствовала холодный металл на губах, властный голос графа прорезался сквозь шум в голове. Девушка сделала глоток. Жидкость прошла огнем по горлу, жар и боль в теле стали униматься. Настя жадно глотнула еще, и голова прояснилась. Она пила и смотрела на лицо графа Виттури, а он сурово созерцал ее, придерживая фляжку.

— Получше? — Она кивнула. Ее все еще трясло от пережитого. Неудивительно, что всех так поразило ее двойное путешествие в Иной город накануне: девушка не смогла бы пережить и одного перехода.

— Но почему? Почему вчера я даже не замечала, как попадала сюда?

— Этот вопрос беспокоит всех нас, уж поверь мне. — Ли́ка крепко взяла ее за руку. — Готова?

Настя кивнула. Напиток продолжал успокаивать травмированное тело, силы возвращались постепенно, но быстро. Она огляделась: площадь Сан-Марко была пуста, не было привычных столиков кафе, только голуби и чайки бродили по каменной мостовой.

Джонни сверился с картой. И они тронулись в путь.

По дороге Настя все время озиралась по сторонам, боясь и в то же время ожидая, что увидит даму в красном. Но улицы были пустынные, лишь воробьи чирикали, греясь на солнышке. Город казался тихим, спящим, но Настя больше не доверяла этой тишине. Ли́ка держала наготове стрелу в луке. Джонни в одной руке развернул карту, а другая обманчиво безмятежно покоилась на деревянной рукояти небольшого топорика с руническими надписями. Настя на каждом углу нервно тянулась к мечу. Но граф Виттури, шедший впереди, был спокоен, мечи у него на спине, казалось, спали. Он без тревоги заворачивал за углы и почти не осматривался на мостах.

Они достигли своего участка и вошли в собор, где покоился прах дождей. Вдоль стен собора тянулись ниши с красивыми надгробиями, на которых лежали статуи усопших дождей. Джонни присвистнул:

— Да, тут есть где спрятать книгу!

Они принялись обыскивать собор. Приборы неплохо работали в Ином городе, вот только ничего не находилось.

— Что ж, наш участок пуст. — Голос графа заставил их собраться вместе в центре собора. — Пора возвращаться назад. Самое безболезненное — вернуться через тот же проход, откуда мы появились! — Эти слова были обращены к Насте.

Девушка передернула плечами, представив, что ей опять придется испытать.

— Тогда не будем терять времени. — Лика сделала графу знак идти первым.

Тот мрачно кивнул.

У Насти возникло ощущение, что граф Виттури не зря взял с собой Лику, словно ее присутствие было обязательным условием для того, чтобы Настя тоже оказалась в этой команде. Девушке было неловко от того, что она не нашла книгу, и, возможно, остальные тоже потратили время зря. Одно утешало: другие агенты в Венеции прочесывали реальные здания, а это все-таки позволяло надеяться, что кто-нибудь наткнется на книгу. Если только она не ошибалась с самого начала, когда решила, что искать надо именно в Венеции.

Они шли пустынными улицами обратно к площади Сан-Марко. А когда вышли на место, откуда площадь просматривалась как на ладони, граф Виттури резко остановился.

Между колоннами покровителей Венеции — святого Марка и святого Теодора — стояло деревянное возвышение со столбами и балками. Виселицы. Граф прибавил шагу, за ним побежали Настя и Лика. Два повешенных. Два безжизненных тела. Чем ближе Настя подбегала к виселице, тем яснее становились их черты. Вопль боли сорвался с губ Лики. Она опередила графа и уже хотела взобраться на эшафот, но тот успел схватить ее за талию и снять с лестницы. Анжелика вырывалась, болтая ногами в воздухе, и продолжала кричать.

— Лика, слишком поздно! Он мертв! И это может быть ловушкой!

Одно из тел оказалось всего лишь тряпичной куклой с деревянной табличкой на шее, а вот вторым был Мохаммед. Он склонил голову набок и казался спящим. Лика рыдала на плече у графа. Он крепко обнимал ее.

— Где остальные? — спросила Настя.

Джонни огляделся, держа топорик наготове.

Площадь была пуста, воды канала едва колыхались и поблескивали на солнце.

— Надо возвращаться. — Граф подтолкнул Лику к Джонни, и тот с готовностью обнял всхлипывающего ангела. — Я перейду с вами и вернусь за Вельдом, Ильвиrom и Нилой. Чтобы их вытащить отсюда, придется создать новый переход.

Проходя мимо виселицы, Настя разглядела надпись на табличке и содрогнулась. «Ты» было коряво нацарапано на ней.

Внезапно по площади пронесся ветер и тут же стих. Вчетвером они двинулись к порталу возле колокольни. Легкий шепот раздался рядом и растаял. По спине Насти пробежала дрожь.

Крик донесся до них слабым эхом, легким и невесомым. Граф бросился вперед. Они пересекли площадь и подбежали к собору Святого Марка. Крик повторился снова. Сомнений не было: кто-то кричал внутри собора.

Они построились. Граф шел впереди с двумя мечами, Настя и Лика по бокам с оружием наготове, а Джонни прикрывал тылы с кинжалом и топориком. Так они вошли под своды собора.

— Алтарь. Не теряем бдительности! — Граф шел все так же медленно, внимательно оглядываясь.

Нила, вся в крови, стояла на полукруглых ступенях, ведущих к алтарю. По ее пальцам стекали ручейки крови и капали на мраморный пол.

— Нила! — Лика бросилась к ней, но суккуб выставила окровавленную ладонь вперед:

— Не подходите, не прикасайтесь!

Она дрожала всем телом.

— Спокойно, Нила! — Голос графа внушал уверенность. — Где Ильвир и Вельд?

Нила подавила рыдания.

— Я не знаю, мы разделились. Уходите. — Она снова остановила их. — Это ловушка.

Настя огляделась: храм был пуст, над Нилой не висело ничего такого, что могло бы свалиться на них, если бы они подошли.

— Мы тебя не бросим, Нила. — Граф сделал еще один шаг вперед.

Суккуб замотала головой:

— Уходите! — Темное лицо красавицы блестело от слез. — Они убьют вас всех.

— Кто они? Здесь никого нет! — Джонни явно нервничал.

Нила закатила глаза. Ее белки на фоне черной кожи смотрелись зловеще.

— Я не знаю, но они произносят имя Насти. Постоянно...

Настя сделала было шаг к Ниле, но граф Виттури остановил ее:

— Стой, где стоишь.

— Но... — Настя встретила с ним взглядом и закрыла рот.

Таким она его еще не видела. Граф был в гневе. Ярость, казалось, клокотала в его темных глазах. Каждая черта лица посуровела и словно заострилась. Сила, с которой он держал ее за плечо, была огромной, так что Настя не сомневалась: после его железной хватки останутся синяки.

— Граф... — Лицо Лики стало пепельным. — Вы же не собираетесь...

— Есть другой выход, Лика? — Его жестокий взгляд пересекся с умоляющими небесно-синими глазами ангела.

Лика отвела взгляд. Чиркая кончиком меча по мраморному полу, граф нарисовал вокруг них круг.

— За него не выходить, что бы ни происходило. Нила, не волнуйся, мы уже рядом. Ты мне веришь?

— Да! — выдохнула, всхлипывая, красавица.

Вставший впереди всех граф Виттури начал произносить какую-то абракадабру, от которой, несмотря на то что Настя не понимала ни слова, по коже побежали мурашки и страх ледяным дыханием коснулся затылка. Она заметила, как невидимая черта круга, прочерченного мечом, загорелась желтым светом, стала видимой и светилась все ярче, поднимаясь прозрачной золотистой стеной от пола к потолку. Когда золотистый свет достиг уровня глаз, Настя задохнулась от открывшегося ей зрелища: весь собор кишел какими-то странными тварями, то ли животными, то ли людьми, то ли демонами — мерзкими чудовищами, которых не могло породить человеческое воображение. Везде, где хватало взгляда, копошились крылатые, хвостатые, когтистые существа, куда уродливее и больше летучих мышей. Одна такая тварь лакала кровь Нилы из лужицы на полу. Вдруг, обернувшись к ним, она оскалила клыки и зарычала, нервно забив чешуйчатым хвостом.

Стена света достигла потолка. Граф коснулся ее руками и сделал шаг вперед, двинув стену перед собой. Он не переставал читать то ли заклинание, то ли молитву. Лицо его было напряжено, мышцы и вены на руках вздулись. Видимо, не так легко двигать границу света. Он сделал еще один шаг и еще. Виски взмокли, он говорил, задыхаясь, но продолжал рывками шагать к Ниле. Твари окружили золотую стену из света и всячески старались в нее проникнуть, шипами, жалами, зубами, когтями пытаясь вонзиться в тонкую защиту. Сердце Насти билось часто, она не заметила, что крепко вцепилась в Лику. Анжелика застыла ни жива ни мертва, словно соляной столб. Капли пота текли по лицу графа, и это напряжение всех сил, казалось, ощущалось его спутниками. Им чудилось, что они двигают эту стену вместе с ним. Чем дальше он продвигался, тем больше бесновалось море чудищ вокруг. Их когти со скрежетом царапали полупрозрачную грань. Визг, лязг и скрип были такими жуткими, что хотелось зажать уши. Ужас волнами находил на Настю. Но сердце ухнуло вниз, когда она увидела капли крови, остававшиеся на полу за графом. Напряжение его сил было таким, что пот стал кровавым и стекал со лба по щекам, канал с подбородка.

— Мы можем помочь?

Лика лишь покачала головой. До Нилы оставалось два шага. Суккуб тянула свои окровавленные руки к ним. Полукруглая лестница, на вершине которой она стояла, была совсем близко. Алтарь позади Нилы походил на колоннаду, ведущую в другое измерение: мраморная стена с просветами,

колоннами, а наверху статуи святых. Позади, в просвете, поблескивал золотом алтарь.

И тут все твари замерли, превратившись в причудливые статуи. Воздух стал иным, густым и тягучим. Лица, Джонни, Нила — тоже застыли. Повернув голову, Настя увидела женщину, которая возникла у освещенного светом улицы входа в собор. Испуганно оглядевшись, Настя поняла, что единственная, кто не застыл, — это она. Женщина в красном медленно приближалась. Шорох юбок по полу собора, довольная улыбка на красивом, бледном лице.

— Я так долго ждала нашей встречи, — услышала Настя. Но алые губы женщины не произнесли ни слова, лишь дрогнули и обнажили в улыбке ровные белые зубы. Она была не просто прекрасна, ее красота была неестественной, демонической, сильной, агрессивной. Перед ней хотелось склониться.

Настя не двигалась, пытаясь отгадать, чего ждать от демона.

Незнакомка в алом платье поставила ладони на стену из золотистого света и приблизила свое лицо. Золотые всполохи заиграли в темных глазах и на белой коже.

— Так просто оказалось заманить вас, что даже обидно. Не думала, что граф Виттури станет защищать своих агентов, подвергая тебя опасности.

— Кто ты? Лилит? — Насте отчаянно хотелось, чтобы эта вязкость прошла.

На этот раз женщина засмеялась. И от этого смеха, серебристого и красивого, собор задрожал, и пыль посыпалась на пол с потолка. Пыль падала медленно, словно задерживаясь в воздухе. Казалось, что идет снег.

— Твои друзья закончат так же, как и ангел там, на площади. Никто не вернется назад. Это решено. Ты еще можешь спастись, Настя. Отдай мне книгу!

Настя уставилась на женщину и не смогла сообразить, что ответить. Требование было настолько внезапным и неожиданным, что более нелепым показалось бы только пожелание счастливого Нового года. Девушка нервно засмеялась, потому что иначе отреагировать не могла.

— Нравится играть с огнем? Что ж...

Огненные шары стали падать из-под купола собора.

— Стой! — Шары замерли. — Послушай, если бы она была у меня, я бы отдала ее тебе!

— Ты знаешь, где она.

— Не знаю! Честно!

— Ах так! — Красивое лицо на миг исказилось от злости. — Тогда ты всего лишь бесполезная девчонка и умрешь вместе с ними!

Женщина повернулась спиной и улыбнулась через плечо. И Настя узнала ее: это была девушка с украденной картины, только художник сгладил ее красоту и сделал более человеческой. Женщина исчезла, и в этот миг огненные шары с воем ракет обрушились на все вокруг. Порвалась тонкая грань защиты. Насте пришлось отпрыгнуть в сторону, толкнув Джонни, чтобы уклониться от огненной вспышки. Воздух заревел и задымился, стало трудно дышать. Кто-то поднял Настю за шкирку и толкнул к выходу. Она мельком увидела, что это Лица. Втроем они выбежали из собора.

— Граф Виттури и Нила! Они остались там! — Настя оттолкнула Лику, которая хотела схватить ее и удержать, и вбежала обратно в собор.

Пройдя сквозь клубы дыма, остановилась как вкопанная, потому что за этой стеной не было огня, не было графа и Нилы, все в соборе находилось в тишине и покое, нетронутое, прекрасное. И снова шепот раздался около нее, но потом превратился в тихое и нежное пение. Настя неуверенно шла к алтарю. Пение усиливалось. Создавалось странное ощущение, что каждый шаг преображал собор, освещение менялось, менялись какие-то детали, пол, словно она двигалась в пространстве и времени. Она по ступенькам поднялась к алтарю, яркий свет осветил ее и огромное золотое панно с драгоценными камнями. Девушка стояла в золотом круге света и смотрела, как мигает освещение: то ночь, то день. Мелькали детали, тени людей пронеслись мимо, как при быстрой прокрутке пленки. А потом все стало замедляться, собор погрузился в темноту, и только свет над ней не менялся. Настя увидела художника: он крался по храму в ночной тишине.

В его руках был сверток, и Настя знала, что там, в тряпках, спрятана книга. Она пошла за ним. Луч света, словно прожектор в театре, двигался следом. Они обошли алтарь и вышли в левый неф. Художник шел и озирался, но Насти не видел. Наконец приблизились к маленькой капелле, и

художник юркнул вовнутрь. Настя прошла за ним. Луч, следовавший по пятам, побледнел и погас. Вместе с художником она подошла к скульптурной композиции: Мадонна с младенцем стояла посередине, изящно изогнув стан. А по бокам от нее застыли две статуи: святого Марка с закрытой книгой в руке и Иоанна Богослова с раскрытой книгой. Художник просунул руку в отверстие между одеждами Иоанна Богослова и основанием скульптуры, довольно кивнул и спрятал книгу за статую.

Он ушел. Настя с замирающим сердцем приблизилась к алтарю. Снова задрожал свет, стали меняться детали интерьера, двигаться тени. Собор наполнился дымом и огнем. Настя нерешительно просунула руку в отверстие. Пошарила там, приподнявшись на носочках. И нащупала кусочек холщовой материи. Подхватив ее, вытащила сверток и нетерпеливо развернула пыльную, потемневшую, полуистлевшую от времени ткань.

Книга была в кожаном переплете, на застежках с ремешками. Прижав ее к груди, Настя бросилась бежать по нефу к выходу из собора. Но огненная стена, выросшая из облака дыма, остановила ее. Девушка метнулась к алтарю. Дым щипал глаза. Она сдернула с шеи шарф и приложила его к носу и рту. На алтарной лестнице была кровь Нилы. Послышался скрежет, и что-то тяжелое обрушилось совсем рядом, но что именно — нельзя было разглядеть в дыму. Перебежав в правый неф, она двинулась к выходу.

Шла практически на ощупь, задыхаясь. Потом, вспомнив, что при пожаре надо ложиться на пол, засунула книгу под куртку, опустилась на четвереньки и поползла. Прямо перед ней упала на каменный пол голова Нилы. Приглушенный платком вопль вырвался из горла, булькающий и хриплый. Настя метнулась в сторону. Из-под клубов дыма к ней ползли по полу чудища, раскрыв хищные пасти. Голова кружилась. Настя торопилась, но не успевала к выходу: твари подбирались все ближе, их слюна капала на пол, алчные глаза горели торжеством... Черное тело пронеслось рядом. Настя метнулась в сторону, но это была огромная пантера. Она опустилась перед девушкой и нервно забила хвостом. Настя залезла на пантеру, задыхаясь, крепко обняла ее за шею. Большая черная кошка оттолкнулась от мраморного пола и прыгнула прямо в дым и пламя.

Первый глоток свежего воздуха вызвал сильный кашель, но она вдыхала снова и снова. Площадь за время ее отсутствия превратилась в поле битвы: граф Виттури сражался с женщиной в красном. Здесь были все агенты, за исключением Нилы и Мохаммеда. Они живы! Живы, но сражаются с несметным количеством тварей и демонов. Пантера опустила Настю на каменную мостовую, лизнула в лицо огромным языком.

— Диего, ты меня слышишь?

Настя не знала, может ли соображать парень в облике зверя как человек. Ее вопрос, похоже, сильно развеселил пантеру. Животное кивнуло, не сводя с Насти зеленых глаз.

— Я нашла книгу, — прошептала Настя. — Но не знаю, что делать.

Морда пантеры плавно перетекла в лицо Диего, застывшего перед ней на короточках. Настя подумала, что никогда не привыкнет к этим преобразованиям.

— Я не знаю, Настя. Мне все это кажется странным... То, что ты оказалась замешана во все это. И граф Виттури. В этом деле все словно специально подтасовано.

Настя бросила взгляд на горячую битву на площади.

— Она сказала, что все они погибнут, если я не отдам ей книгу.

— Я не стал бы ей верить. Наши неплохо справляются. Встать можешь?

Настя кивнула. Диего поднялся и протянул руку, помогая ей встать. В этот момент девушка увидела, что женщина в красном взметнулась вверх над графом Виттури и обрушила на него огонь. Граф успел отскочить, но демонесса заметила Настю и Диего у стены собора. Настя успела толкнуть Диего в одну сторону, а сама метнулась в другую. Дьявольский хохот парализовал. Прижавшись к стене, она могла только наблюдать, как огромный огненный шар летит прямо на нее. Настя успела увидеть, что граф Виттури налетел на свою соперницу, чтобы оттолкнуть, и услышала вопль Диего. Инстинктивно она зажмурилась, потому что огонь ослепил ее, и жаркое дыхание коснулось кожи. «Мама!» — только и успела подумать Настя.

Но пламя тут же отпрянуло.

Диего видел, как огонь, попавший в девушку, вместо того чтобы оставить от нее пепел, растаял. Настя открыла глаза. Пока она с недоумением ощупывала себя, все твари, повинаясь приказу Лилит, ринулись на них. Диего пантерой прыгнул между ними и подругой. И оскалил клыки. Настя облила меч. Серебряные стрелы и пули обрушились на чудовищ с тыла. Цезарь, Серж, Ильвир и Вельд косили полчища тварей, Джонни был окружен, лишь серебряный клинок топора сверкал иногда среди серой массы причудливых существ. Настя отчаянно держала оборону на пару с

пантерой, стараясь не думать о том, как уродливы и непредсказуемы их противники.

Но тут все опять замерло, и девушка с тоской обернулась: женщина в красном стояла совсем недалеко, держа графа Виттури за волосы одной рукой, она прижимала к его горлу кинжал, клинок которого извивался, словно змея, ползущая среди травы. Все застыло и не двигалось, даже языки пламени, объявшие собор, замерли.

— Как видишь, все они умрут.

Настя обернулась и посмотрела на Джонни: острый, как клинок, шип на хвосте одной из тварей грозился распороть ему живот, пока парень замахивался топором на одного из своих соперников. Лица застыла, пытаясь отклониться от меча человекообразного существа с хищной, клыкастой ухмылкой и выдвинутой вперед челюстью. Итсаску не видела, как сзади на нее набрасывается демон с четырьмя лапами. Сержа схватили за руки два демона и тянули в разные стороны, желая разорвать. Диего был прижат к стене собора, Ильвир и парень с рогами тоже почти исчезли под массой навалившихся на них демонов. Цезарь вот-вот мог упасть с разорванным горлом.

— Больше никто не умрет. — Настя старалась, чтобы голос звучал ровно. — Ты — женщина с картины.

— Да, я была ею, — кивнула красавица. — Но это было давно.

— Я знаю, где книга. Отпусти всех, и я скажу тебе, где она.

— Ты говорила, что не знаешь.

— Я соврала, — спокойно возразила Настя.

— Где же книга? — Лилит начала терять терпение.

— Сначала отпусти моих друзей.

— Ты не можешь диктовать мне правила!

— Могу, если хочешь получить книгу! — Настя напряженно сжимала рукоять меча, пытаясь не отвести взгляда от мечущих молнии глаз демонессы. «Это легче, чем выдержать взгляд графа Виттури», — вдруг подумалось ей.

— Хорошо, я буду убивать их одного за другим. Посмотрим, кого ты захочешь спасти. Начнем, пожалуй, с твоего друга у собора. — И Лилит посмотрела на Диего.

— Нет! — Настя в отчаянии готова была разрыдаться. Она вдруг поняла, что на ней лежит слишком много ответственности, что она не может быть героем и спасти других: почему-то вся эта ситуация на площади Иного города казалась ей шахматной партией. Настя терпеть не могла шахматы — за то, что надо в различных вариантах продумывать несколько ходов вперед. Она просто не в состоянии была проанализировать ситуацию трезво. В голове крутилось только «шах и мат», потому что любое ее действие приводило к проигрышу. Она не верила, что ее друзей оставят в живых, если она отдаст книгу. Оставалось только тянуть время, чтобы подарить им и себе секунды жизни.

— Художник спрятал ее в соборе, в одной из капелл левого нефа.

— Какой именно?

— Там есть три статуи: Мадонна, а по бокам святые с книгами.

— Я должна была догадаться...

Кинжал чуть плотнее прижался к горлу графа, и тонкая струйка крови скользнула по его шее вниз. Насте показалось, что ледяной металл лезвия режет ее кожу.

— Не убивай его, я говорю правду! — Ее сердце готово было разорваться от страха и боли за друзей и осознания собственной скорой гибели.

— Я знаю. Но я хочу, чтобы ты принесла мне эту книгу. Сейчас.

— Почему я?

— Не знаю. — Лилит злобно воззрилась на Настю. — Но, когда я увидела тебя в пустом городе, я сразу поняла, зачем ты сюда явилась. Я знала, что именно ты найдешь ее. И ты принесешь мне книгу, потому что другого выхода нет. Выхода нет! Поняла?

Настя заторможенно кивнула.

— Иди!

Девушка бросила взгляд на застывшего графа и на подгибающихся от отчаяния ногах пошла к собору. Огонь погас, мерные следы, оставшиеся от пламени, окружали вход в храм, словно вход в пещеру. Пахло горелым.

Внутри собора Настя достала книгу из-под куртки. Раз уж ее придется вручить демонессе, надо посмотреть, ради чего умерли Мохаммед и Нила. Ради чего умрут ее друзья и погибнет она. А в том, что она лишь пытается отсрочить и свою гибель, Настя не сомневалась. Она расстегнула кожаные ремешки и открыла обложку. Страницы были из плотной бумаги, текст написан от руки, первая буква каждой главы оформлена витиеватым рисунком. Там было много чертежей, схем, формул. Настя листала книгу и чувствовала глубокое разочарование. Она сама не знала, чего ждала. Но точно не этих осязаемых страниц с витиеватым почерком на незнакомом языке. Что же в этой книге за знание, если Лилит так хочет ее получить? И почему именно ей отдал книгу город? Да, книга защитила ее от огня, Настя не сомневалась, что именно из-за нее не превратилась в пепел. Значит, книга сильнее Лилит?

Больше медлить было нельзя. Требовалось возвращаться. Внезапная ярость от бессилия, от осознания своей беспомощности и никчемности охватила ее. Она с силой прижала книгу к себе, хотя больше всего хотела уничтожить ее, и прошипела, обращаясь больше к себе, чем к почерневшему собору:

— Я не знаю, что делать! Я не знаю! Почему я? Почему ты выбрал меня?

Слезы катились из глаз. Девушка вышла на площадь. Бесполезно просить ответа, если отвечать некому. Одно дело быть частью большой команды, искать книгу, вести расследование... и другое — в одиночку столкнуться лицом к лицу со злом. При виде кожаного переплета в ее руках демонесса заискрилась, по черным волосам пробежали язычки пламени. Зрачки расширились, полностью залил радужную оболочку, отчего ее вид стал еще более пугающим. Настя испуганно замерла, не в силах приблизиться. Она понимала, что отдает нечто важное, то, что, но-видимому, увеличит мощь демонессы, и ужас сковал ее.

— Скорее! — поторопила Лилит.

Настя заставила себя сделать еще шаг. Книга вдруг налилась тяжестью и выскользнула из рук на каменную мостовую. Она почувствовала, что город не хочет отдавать книгу, не хочет, чтобы именно она отдала ее. И тогда, понимая, что теряет все — и жизнь тоже! — Настя с яростным отчаянием самоубийцы замахнулась мечом и вонзила его в книгу. Острый клинок вошел в нее мягко, как в плоть. Страшный вой и сокрушающий вихрь поднялись на площади, но девушка не отрывала глаз от книги — на обложке возле клинка проступило багровое пятно, которое, пульсируя, выросло в лужицу, а потом что-то, похожее на кровь, полилось потоками на камни мостовой. Настя робко посмотрела вокруг: поднялся вихрь, серый, туманный, и только крепко держась за меч, она смогла устоять на ногах. Книга начала распухать, увеличиваться, менять очертания, она словно обрастала плотью. Вскоре у ног Насти вместо книги лежала девушка с картины, пронзенная мечом. Кровь полилась у нее изо рта, с шипением забурило, вены вздулись, кожа стала серой. Еще мгновение, и вихрь втянулся в нее, унося все рогатое, когтистое и зубастое демоническое воинство, а девушка с картины сморщилась, превратилась в мумию старой ведьмы с белыми волосами и рассыпалась в прах.

Площадь опустела. Остались только Настины друзья. Кто-то лежал, кто-то вставал, но все они были живы.

Граф Виттури тяжело поднялся. У него был тяжелый свинцовый взгляд. Настя поняла, какой он видит ее: в порванной одежде, перепачканной, с покрасневшими от дыма и слез глазами.

— Пора возвращаться домой, — просто сказал граф и взял девушку за руку, осторожно отцепив ее сведенные нервной судорогой пальцы от рукояти меча. Облегчение нахлынуло волной, плечи опустились, она расплакалась и спрятала лицо на груди у графа. Тот помедлил, прежде чем, встретившись с Цезарем взглядом, неловко положить руки ей на плечи и мягко отодвинуть от себя.

Иной город отпустил Настю безболезненно и легко. Словно она сделала все, что он хотел.

Часть третья

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БАРСЕЛОНУ

Возвращение было тяжелым. Мало того что Настя болезненно переживала расставание с графом, так еще и город встретил их холодом и дождем.

Она с трудом принимала повседневную реальность — спокойную, размеренную, распланированную и предсказуемую. Официально дело о пропаже картины было закрыто, новых заданий не поступало. Настя продолжила слушать лекции Цезаря и тренироваться с Диего. Пепе оказался единственным, кто заметил в ней перемену.

— Что стряслось с тобой, дочка? — обеспокоенно спросил он, когда девушка надевала фартук. — Ты словно пребываешь в другом месте.

— Возможно, так оно и есть. — Настя задумчиво перебирала чашки. Хотелось рассказать хоть кому-то, как ее тянет к графу, но она понимала, насколько по-детски это прозвучит. Как объяснить, что это вовсе не влюбленность, а тяга — словно они своими душами играют в перетягивание каната и ее душа уже наполовину в его руках? Как описать, что яркое появление в ее жизни этого сумрачного незнакомца ослепило, а то, что он столько раз спасал, прикрывал, заботился о ней, лишь укрепило возникшую привязанность? И хотя после возвращения из Иного города они больше не виделись, Настя ни с кем не могла поговорить о графе и разрешить свои вопросы. Кто он? Почему он так молод, властен и богат? Что за комната с зеркалами в подвале его палатца? Как объяснить, откуда в графе столько силы, проницательности и обаяния? Почему она не может обсудить графа Виттури с Цезарем и остальными ребятами? Они словно возвели стену, за которую девушка не может заглянуть. Почему столько нераскрытых и невыясненных обстоятельств, столько недомолвок, которые бесят и лишают доверия к агентам. И почему именно она, по выражению Диего, как-то связана с этой историей?

Такое не обсудишь с мамой по телефону или с Пепе за чашечкой кофе, а со временем все придется распутывать самой. Или просто жить дальше. Вряд ли они с графом увидятся до следующего бала.

— Знаешь, Настя, думаю, тебе пора немного отвлечься, выбросить из головы все, что произошло. В конце концов, дело закрыто, надо уметь отдыхать. — Диего делал растяжку после бега. Настя старалась повторять за ним. Они стояли на пасео, выложенной плиткой широкой дорожке вдоль берега для прогулок и бега. Мимо шли туристы, пронеслись делающие утреннюю пробежку бегуны. Воздух был по-зимнему холодным и соленым, море серым и грустным. До них долетал шум волн.

— Сложно выбросить из головы не поддающиеся нормальному объяснению вещи, которые стали случаться со мной после знакомства с агентством.

— Я не уверен, что странные вещи в твоей жизни стали происходить именно после знакомства с агентством, иначе сложно объяснить, почему за тобой следили и следят.

— До сих пор? — Настю передернуло.

— Да. Но теперь иначе. Иногда это люди, не твари.

— Полегчало.

— Не иронизируй. Лучше задумайся, почему они следят за тобой.

— Я подозреваю, что что-то произошло в мой первый день в Барселоне. — Настя рассказала Диего о том, как ее пытался ограбить мальчишка в кафешке на Пасео-де-Грасия. Тогда она не поняла, что мальчик — призрак, ведь в ее восприятии воришка был живым. И частое сердцебиение, и плохое самочувствие она списала тогда на расстройство из-за происшествия. Лишь после контакта с Исабель и художником, почувствовав то же самое, только сильнее, вспомнила о мальчишке. Изумление и легкое презрение посетителей кафе теперь можно было объяснить тем, что в их понимании она вела себя как городская сумасшедшая.

Диего внимательно слушал.

— Возможно, мальчишка и сейчас промышляет мелким воровством. Интересно его поймать, — заметил он.

— Но как, будучи призраком, он может брать вполне реальные и материальные вещи?

— Тема призраков весьма туманна. Никто не изучал их природу. Займешься как-нибудь и напишешь

докторскую диссертацию на эту тему.

— Еще этого не хватало! С другой стороны, если подумать, Исабель брала мой платок, а художник вполне реально двигал моей рукой, — задумалась Настя. — Возможно, и картину украли призраки?

— Из галереи? Возможно... — Диего улыбнулся. — Такой ты мне нравишься больше: ты загорелась азартом и жадной новых действий.

Настя засмеялась:

— Да, хватит грустить, давай попробуем отыскать этого воришку!

Джонни вернулся в Барселону вместе с остальными. Граф Виттури не освободил его от задания после того, как книга была уничтожена. Он пригласил парня в свой кабинет ночью, после похода в Иной город, накануне возвращения агентов в Барселону. Все уже спали, в палатке было тихо.

Джонни вошел вслед за лакеем. Граф сидел при свете свечей и горящего камина. Огненные всполохи играли на его лице, отчего оно казалось зловещим. Впечатление сгладилося, когда глава агентства поднял голову и жестом пригласил Джонни сесть в кресло напротив.

— В доме непривычно людно, — сказал граф, словно извиняясь, что пригласил Джонни в кабинет, а не в гостиную.

Лакей подал коньяк и виски на подносе, поклонился и вышел.

Некоторое время они молча смотрели на огонь. Джонни чувствовал, что напряжен, мышцы словно отяжелели от ожидания. Граф обладал огромной властью над ними, но не страх подчинял ему всех, а глубокое уважение, священный трепет, которому насчитывалась не одна тысяча лет — словно он, этот доходящий почти до коленопоклоненности восторг, наследовался в генах.

— Я еду в Барселону? — спросил Джонни, чтобы прекратить томительное молчание, прерываемое только треском дров в камине.

Граф перевел на него взгляд темных глаз:

— Ты ведь этого хочешь?

Эта его способность вызывать на откровение, от которой собеседник радостно выворачивал душу, как карманы, открывая в себе все: и низкое, и высокое... Борьба с ней — как пытаться устоять при цунами.

И Джонни начал говорить. Некоторые мысли, которые он озвучивал сейчас, раньше даже не осознавались, словно таились на краю сознания, чтобы вырваться на волю и удивить его самого:

— Я знаю, она была равнодушна ко мне, преданно смотрела в глаза, смеялась и все время переводила на меня взгляд. Она с первого мгновения была очарована мной, как вы и хотели. Но потом вы сами отняли ее у меня. Зачем Нила лезла ко мне так открыто? Вы наслаждались тем, как Настя отдаляется от меня, не так ли? Я сам не знаю, почему обижен на вас. Вы то даете задание, которое я стараюсь исполнить, то сами делаете все, чтобы я потерпел крах. Она теперь смотрит на вас. Чего вы теперь хотите? Я охраняю ее, как могу, сплю в ее комнате и каждое утро убегаю, поджав хвост. Но она все равно успевает пропасть, потеряться, попасть в беду. Я бессилен, хотя делаю все, чтобы выполнить приказ.

— Я знаю, — мягко прервал его граф. Он помолчал немного, глядя на огонь. Его рука машинально вертела бокал с коньяком, жидкость послушно качалась из стороны в сторону. Джонни уловил запах алкоголя.

— Это не конец, — мрачно заговорил граф снова. Джонни почувствовал, как по спине прошла дрожь. — Это только начало. Эта сценка с демонессой — всего лишь прелюдия к драме более грандиозной, чем мы можем себе представить. Ты же знаешь, что было в той книге. Они начали раскручивать историю, конец которой может стать страшным. Ты только посмотри на Цезаря: по природе своей человек, он, не смотря на всю житейскую мудрость, не может не опасаться за Настю. Ему проще думать, что я собираюсь совратить ее для достижения темных целей, чем верить мне — тому, кто был рядом с ним все эти годы. Он знает меня, но не может не подозревать. И Лика? Ангелам свойственно недоверие, но чтобы так... А теперь ты с глупыми претензиями на первенство в обожании девчонки. Я просил тебя стать ей защитой и другом, но ты почему-то решил, что должен влюбить ее в себя. Это мелко. Ты проиграл самому себе, как всегда, как и тогда... Твоя гордыня и уверенность в собственной неотразимости... Я лишь отзеркалил Нилой то, до чего ты мог скатиться. Девчонка... Я сам не могу понять, почему она. Думаю, Цезарь частично прав: Настя

является одним из персонажей этой драмы. Я пока не знаю, насколько важным. Время покажет, чья она игрушка. Не спускай с нее глаз. Будь рядом, но прекрати вести себя глупо и смешно.

— Вы постоянно рядом с ней, вас забавляет ее интерес. И вы просите меня не быть смешным, но при этом смотреть, как она смешна для вас!

— Мне не смешно! — Граф так посмотрел, что Джонни на мгновение перенесся во времена, когда его спас от гибели этот горящий напряженный взгляд. Тогда весь знакомый с рождения мир, все родные и собратья сгнули, а его, считавшего себя всемогущим и сильным, выдернула из месива смерти рука графа. — Думаешь, мне было приятно подвергать вас опасности ради того, чтобы узнать, что Лилит нужно от Насти? Я мог преодолеть вязкость времени хотя бы для себя, но подставил свою шею под кинжал, потому что знал: Иной город хочет что-то показать Насте. Если бы мы вмешались, он никогда не отдал ей книгу. Мы все были в смертельной опасности. Но теперь у них нет книги. У девочки интуиция, потрясающая интуиция, она многое бессознательно делает правильно. Меня это все забавляет и развлекает, но я не знаю, что она выкинет в следующее мгновение. Настя непостоянна, вот что опасно. Она сама не ведает, куда идет. Ты единственный, на кого я могу положиться. Будь с ней рядом.

Джонни обещал, старался и снова провалил задание. Настя и Диего исчезли бесследно. Прошло уже пять часов с минуты, когда он известил об их исчезновении графа. Серж пытался отследить местонахождение ребят по телефонам, но вскоре мобильники нашли в мусорном контейнере на пляже. Итсаску подняла на ноги все связи агентства и свои личные, но пока никто ничего не знал. Кроме одного свидетеля, который видел на Пасео-де-Грасия красивого парня с девушкой, похожих на Диего и Настю, ничего найти не удалось.

Джонни чувствовал, что вся тяжесть ответственности ложится на его плечи. Виноват. Сейчас он, обратившись в собаку, пытался найти запах Насти и Диего среди сотен следов на Пасео-де-Грасия. Лика с красными от ветра щеками, кутаясь в пуховик, стояла рядом.

Диего обладал мускусным запахом, который становился более сильным, когда он превращался в пантеру, и слабел, когда он был человеком. Джонни больше ставил на этот запах, чем на запах Насти — тот был слишком слабым и легко сливался с другими запахами на мостовой. Отчаяние мешало сосредоточиться. Джонни не представлял, как граф Виттури отреагирует на его очередной провал. Но подозревал, что предал доверие так сильно, что уже никогда не оправдается перед ним.

Помимо этого он ощущал недоверие со стороны ребят из барселонского агентства: для них Джонни был чужим, несмотря на то что вместе они пережили немало. Но куда, куда могла деваться Настя? Как умудрилась потеряться в компании Диего? Возможно, здесь сыграло роль недоверие Диего к Джонни: граф представил его, как многообраз, оборотня, способного принимать вид различных животных. Но Диего, сам будучи оборотнем, порой так пристально смотрел на Джонни, что тот сознавал: он интуитивно догадывается, что все не так просто.

И Лика тоже. Она видела, как Джонни сражался одновременно с несколькими тварями. Знала, что простому оборотню это не под силу. Сколько еще пройдет времени, прежде чем она узнает, кто он?

Внезапно нос пса уловил запах Диего. Шерсть на загривке встала дыбом, сущность зверя на какое-то мгновение взяла верх, и Джонни успел обрадоваться. Но след почти тут же потерялся. Проклятье.

— Они там были, по крайней мере, Диего. Меньше чем сутки назад. — Джонни говорил взволнованно, но одновременно холодно размышлял, что делать дальше.

Они сидели в кабинете: Цезарь угрюмо уткнулся подбородком в сцепленные пальцы. Лика, обняв колени, устало примостилась прямо на полу. Серж и Итсаску стояли у окна и смотрели на город.

— Проклятье... — Серж сжимал и разжимал кулаки и нервно, отрывисто дышал. — Никто не видел их. Как в воду канули. Просмотр камер наблюдения в метро пока не дал результатов, но мы движемся, расширяя радиус поисков.

— Попробуем вскрыть доступ к камерам наблюдения магазинов и ресторанов там, где Джонни почувал Диего. Возможно, это что-то даст. — Итсаску говорила спокойно и холодно.

— Главный уже едет сюда, — сказал Цезарь.

Джонни почувствовал, что холодок страха мешает дышать.

— Незачем ему сюда ехать, мы справимся без него, — резко ответила Лика.

— Он дал нам несколько часов на самостоятельные поиски. Мы провалились. Если ты против, скажи

ему об этом сама.

Ли́ка недовольно промолчала.

— Продолжаем работу. Помогите Итсаску и Сержу просмотреть записи. Я поеду встречать графа.

В архиве камеры кафе, рядом с которым Джонни учуял след Диего, довольно быстро обнаружилась нужная запись.

— Вот он! — Серж взволнованно поправил очки и стукнул пальцем по экрану. Изображение было чудовищно нечетким, но Диего в шикарном пальто с поднятым от ветра воротником они узнали сразу.

— Что он делает? — Ли́ка прищурилась.

— Читает меню? — Джонни жадно вглядывался в нечеткое видео: посетители входили, выходили, проходили мимо Диего, а парень стоял у витрины.

— Нет. — Итсаску поставила видео на паузу. — Глаза смотрят прямо, голова не наклонена к папке с меню.

— Тогда он смотрит в зал. Возможно, там Настя?

— Или он смотрит в отражение витрины. И его интересует то, что происходит на улице, — возразил Ли́ке Джонни.

Итсаску опять включила воспроизведение видео. Спустя мгновение Диего скрылся из объектива камер.

— У нас есть время записи, мы знаем, в какую сторону он пошел. Возможно ли проследить за ним по камерам наблюдения с улиц?

— На это уйдет много времени. — Итсаску обвела всех взглядом. — Я могу заняться, но вам стоит искать дальше. Главный все разнесет, если к его приезду эта запись будет нашей единственной зацепкой.

— Смотрите! — Ли́ка, продолжавшая рассеянно смотреть видео, лихорадочно нажала на паузу.

Сначала ребята не поняли, что именно привлекло ее внимание, но потом Анжелика показала пальцем на женскую фигуру на заднем плане.

— Это может быть Настя, а может и не быть, — с сомнением протянул Серж.

Девушка на видео оглянулась, потом решительно последовала вперед. Через некоторое время за ней прошел Диего.

— Кажется, я начинаю понимать... — Джонни знал, что его предположение может всех рассмешить, но иного объяснения не видел. — Это связано со слезкой. Эти двое решили выяснить, кто следит за Настей. И им удалось кого-то поймать на живца, только рыбка оказалась больше рыбака. Не пора ли наконец выяснить, кто следит за Настей все это время? Возможно, так мы быстрее найдем ребят.

— Ну, приблизительно мы знаем, кто следит за Настей! — Серж посмотрел на Джонни, и вслед за ним на него воззрились остальные.

— Это смешно! — Джонни дернул головой, словно получил пощечину. — Я говорю о тех, кто выманил ее в заброшенный дом, кто с самого начала привлек внимание Диего к Насте. Сами знаете, что я стараюсь защитить ее.

— Плохо стараешься. — Ли́ка глядела на парня холодными как лед глазами. Джонни почувствовал, как его кольнул страх.

— Кто ты такой, Джонни? Демон? — Итсаску щелкнула затвором пистолета, внезапно появившегося в руке.

— Я всего лишь оборотень, — миролюбиво ответил парень, стараясь сохранять спокойствие.

Ли́ка заполыхала светлыми вспышками, как северное сияние.

— Ты же знаешь. — Голос ее отливала металлом и холодом. — Мы не страдаем предрассудками, мы все служим общей цели. Но нам нужно доверять друг другу. Ты пытаешься обмануть нас, а это

значит, что мы не можем доверять тебе.

— Ты демон? — настойчиво спросил Серж.

— Никакой я не демон! — взвился Джонни. Его тело вдруг стало больше, мышцы раздулись сильнее, борода удлинилась, глаза потемнели и разъяренно сверкнули. — Хотите поссориться? Хотите свалить на меня всю вину? Жалкие создания! Да кто вы такие?

Он матерел и рос в размерах, даже Итсаску оробела перед его сущностью.

Внезапно с грохотом распахнулась дверь, и ледяной голос графа Виттури произнес:

— Угомонись, Локи!

Джонни сразу сдулся, вернул себе прежний облик и тихо сел на диван.

— Локи?! — Лика в ужасе перевела взгляд на графа. — Как это понимать? Они же все умерли!

— Так и понимать, — сухо отрезал тот, входя в комнату. — Не все.

— Что еще за Локи? — взъерошил волосы Серж. — Не скандинавский же бог?

Но, посмотрев на застывшую Итсаску, испуганную Лику и грозного графа, перевел взгляд на Джонни и впервые по-новому воспринял его внешность викинга.

— Да ладно! — протянул с усмешкой, надеясь, что его разыгрывают. — Круто! Среди нас еще и боги есть?!

— На самом деле Локи — демон, — осадил его граф.

— Я не демон! — взвыл Джонни. Он знал, что он создание демонической породы, но быть богом льстило самолюбию куда больше.

— Но и не бог, — отрезал граф Виттури. Затем обвел всех тяжелым взглядом. — Вы их нашли?

От этого вопроса всем стало нехорошо.

— Нет, — ответила Лика. — Но, кажется, у вашего демона есть идея, где они могут находиться.

Джонни подумал, что он еще задаст взбучку этому ангельскому созданию.

Губа распухла и болела, железный привкус во рту был навязчивым. Но открывать глаза и двигаться не хотелось. Голова налилась свинцом. Сильно тошнило. В памяти проносились события, которые привели к этому состоянию, и, как бы ни хотелось все переиграть, Настя понимала, что с самого начала была обречена.

Как она обрадовалась, вновь заметив мальчишку-призрака, промышляющего у туристов! Они с Диего были уверены, что действуют незаметно, шли по отдельности, на расстоянии, преследовали воришку по прямым улочкам Эшампле, на которых он не мог от них скрыться. Его было видно издали. Настя знала, что Диего следует за ней и что он мальчишку не видит. То, что именно она ведет слежку, давало ощущение исключительности, словно девушка и в самом деле была тайным агентом или супершпионом, преследующим подозреваемого. Мальчишка резко метнулся в маленький проулок. Настя шмыгнула за ним и оказалась у входа на крытый рынок. Воришка-призрак протиснулся в приоткрытую дверь служебного хода. Настя оглянулась, увидела, что Диего уже в проулке, и осторожно вошла вслед за мальчиком в здание рынка. Пахло пылью и стройматериалами: только сейчас она заметила, что рынок закрыт на ремонт. Было темно. Шаги предательски гулко раздавались в пустом коридоре. Она увидела призрака в самом конце коридора и устремилась за мальчиком, но в этот момент что-то тяжелое навалилось на нее. Настя не сразу поняла, что ее схватили сзади. Зажали рот и, как она ни брыкалась, потащили в еще более темное помещение. Там хватка на миг ослабла, она хотела крикнуть, но удар по лицу ошеломил, а в нос кто-то сунул вонючую тряпку, от которой сознание окончательно помутилось и погасло.

Теперь она медленно приходила в себя, но боялась открыть глаза и пошевелиться. Сначала настороженно прислушивалась к пустоте за закрытыми веками. Настя понимала, что еще не до конца восстановилась после вырубившего сознание наркотика. Если потребуется бежать или драться, на ватных ногах она не сделает ни шага.

Рядом что-то позвякивало, копошилось, вздыхало. Она слышала чьи-то шаги с постукиванием когтей, словно большая собака ходила туда-сюда.

Когда Настя открыла глаза, повернулась и неуклюже села, потому что руки оказались связаны, увидела пантеру на цепи у противоположной стены. Люминесцентные лампы светили до боли ярко, помещение напоминало лабораторию своей раздражающей белизной, железными столиками на колесиках и оборудованием, прикрытым черным полиэтиленом. Кроме пантеры и Насти, в помещении никого не было.

— Диего! — шепотом позвала девушка.

Пантера повела ушами, с равнодушием глядя на Настю. А потом и вовсе начала вылизывать лапу с мощными когтями. Розовый язык и черная лоснящаяся шерсть — это все, что видела девушка.

— Диего, — уже без надежды позвала она. Пантера и ухом не повела. Вздохнув, Настя встала на ноги. Осмотрев тугие веревки на запястьях, попыталась развязать узлы, но поняла, что ничего не выйдет. — Диего, можешь помочь?

Она сделала шаг к пантере. Та хищно насторожилась, встала на лапы и зарычала.

— Да ты что, Диего? — Настя почувствовала, как по спине пробежал холодок, сделала шаг назад и огляделась, ища какой-то предмет, о который можно попробовать порвать веревки.

Она приподняла ближайшую полиэтиленовую накидку и озадаченно уставилась на довольно странное «оборудование»: колбочки, пробирки, склянки, ступки и разные по форме бутылки соседствовали с церковными свечами всех размеров и цветов, камнями, всевозможными жестяными банками, стеклянными банками с сухой травой и странными существами, законсервированными в желтой жидкости. Были тут и распятие, и черный мел, и четки, и старые книги в кожаных переплетах. Все это больше походило на лабораторию алхимика, перенесенную в настоящее время, чем на обычный лабораторный склад. Настя внимательно осмотрела длинные толстые железные гвозди и толстый молот и наконец радостно остановила взгляд на ноже с рукояткой из кости, на которую была нанесена руническая вязь. Она осторожно взяла нож в руки.

Веревки уже были практически перерезаны, когда в тишине, нарушаемой гудением ламп, раздался голос:

— Не советую играть с режущими предметами.

Настя вздрогнула от неожиданности и чуть не выронила нож. Схватив его покрепче, обернулась. У двери стоял красивый мужчина с серебристыми седыми волосами и аккуратной, коротко стриженной бородой. Кожаный коричневый плащ был незастегнут. Настя воспользовалась имевшимися у нее долями секунды, чтобы сбросить веревку с рук.

— Вы кто? И что сделали с Диего? Он меня не узнает!

— Мы с тобой в некотором смысле схожи, Настя. — Незнакомец вошел, не обращая внимания на оружие в руках девушки. — А Диего, к сожалению, не скоро вернется из животного состояния, так уж действует химия на оборотней. Он успел перекинуться, почувствовав опасность. И был усыплен уже пантерой. Диего опасен, так что тебе сейчас не помощник.

— Что вам от меня надо? Вы призрак?

Удивление скользнуло по лицу незнакомца. Он улыбнулся.

— Значит, это правда. Ты не отличаешь призраков от людей. Настолько они для тебя реальны.

— Вам-то что от этого?

Мужчина улыбнулся. В его глазах светились торжество и радость, которые вызывали у Насти смутное ощущение тревоги.

— Я хочу узнать тебя получше. Я ведь тоже говорящий с призраками. Хочу понять, почему ты их видишь так ясно. Считаю это... любопытством ученого.

— Вы только что сказали, что сами их видите. Вот и изучайте себя.

— Но не так, как ты. Я вижу их полупрозрачными и не могу взаимодействовать с ними. Педро, воришка с улицы, сказал, что ты схватила его и отобрала кошелек. Я так не могу. Пока Педро не положит кошелек на стол, я его даже не увижу четко. — Мужчина развел руками. — Так что сама понимаешь, мне очень хотелось с тобой познакомиться.

— Вы выбрали весьма оригинальный способ знакомства.

— Поверь мне, я пытался познакомиться другими способами, но с тобой всегда были эти прихвостни зла.

— Прихвостни зла?

— Ты же знаешь, на кого работаешь на самом деле, Настя?

— На графа Виттури. — Насте не понравился странный блеск в серых глазах незнакомца.

— И ты знаешь, кто он?

— Кто? — онемевшими вдруг губами спросила девушка. Что-то подсказывало ей, что незнакомец скажет нечто очень страшное, и она боялась слов, которые он произнесет.

Мужчина улыбнулся, ему доставляла удовольствие власть над ней. Но ответить не успел. Странно замигали лампы на потолке. Настя испуганно посмотрела на своего похитителя. Он повернулся к двери, а потом быстро метнулся к девушке.

У двери стояли мальчишка-вор, чернокожий юноша с пухлыми губами и... Исабель.

— На будущее: электричество всегда так реагирует, если поблизости есть призрак. А когда призраков трое, тем более, — сказал мужчина ей на ухо. Он воспользовался удивлением Насти и вытащил у нее из рук нож.

— Порежешься еще... — ласково провел пальцем по ее шее. — А твоя кровь слишком ценная, чтобы проливать зря.

— Цель нашей встречи вовсе не знакомство. Вам от меня что-то нужно. — Настя старалась не смотреть на Исабель. Она смотрела в стальные глаза незнакомца и пыталась не паниковать. Но дергающийся, как на дискотеке, свет не давал возможности сосредоточиться. Под взглядами молчаливых призраков она почувствовала ужас.

— Мы с тобой, может быть, единственные люди на земле, которые их видят. — Незнакомец притянул ее спиной к себе. Ладонь крепко зафиксировала лицо пленницы под подбородком, заставив смотреть прямо на призраков. — Единственные, кому дан этот дар. Меня волнует только один вопрос: почему твой дар сильнее моего? Ты ведь тоже продала душу дьяволу?

— Что?! — Настя попыталась повернуться, но он крепко держал ее. — Что за чушь вы несете? Какой дьявол?

— Ты продала душу, чтобы видеть их. Как и я.

Настя попыталась вырваться, но все было бесполезно.

— Я не продавала душу, я не знаю, почему я их вижу! Отпустите меня! Диего! Диего! Да приди же ты в себя наконец!

Пантера беспокойно металась из стороны в сторону, гремя цепью. Но в ее взгляде не было ничего человеческого.

Настя попыталась нырнуть вниз, рвануть в сторону, но противник был сильнее. Тогда она, используя его силу, оттолкнулась ногами от пола, они потеряли равновесие и упали. Послышался грохот. Хватка противника ослабла, и девушка освободилась. Краем глаза заметила, что похититель ударился о железный стол и сейчас оглушен, хотя все же поднимается. Она снова схватила нож и побежала к двери.

— Пошли прочь! — закричала на призраков, размахивая ножом.

Исабель и мальчишка отскочили, а чернокожий парень попытался перехватить оружие. Настя снизу вверх поднырнула ножом под его руку, и лезвие вошло в тело. Они оба застыли, с испугом глядя друг на друга. Рябь пробежала по черной коже призрака. Он, выпучив глаза, смотрел на Настю и, по-видимому, испытывал боль. Его тело вдруг стало бледнеть, таять, и вскоре он рассеялся в воздухе. Настя бросилась бежать. Позади нее поднимался с пола, гремя железным столом, говорящий с призраками. В конце темного коридора было светло, и она побежала на свет. Но тут же на фоне света возникли три черных фигуры и устремились к ней. Девушка развернулась назад и налетела на говорящего с призраками. Он схватил ее руку и с силой вывернул. Послышался хруст. Настя заорала от боли. Боль лишила ее сил и решимости. Она обмякла в руках своего мучителя. Трое парней в черном подхватили ее и понесли.

— Прости, что так груб с тобой! — Похититель навис над Настей, а она, плача, прижимала к себе покалеченную руку. — Но мне действительно нужно знать, почему ты можешь трогать их, брать вещи и даже... как выяснилось только что, убивать. Что ты для этого сделала?

— Ничего! — Настя заорала ему в лицо. Боль ослепляла, ее трясло от обиды и ярости. Она и представить себе не могла, что попадет в такую передрагу. И самым ужасным было то, что она

видела по глазам этого человека: такой не остановится. Он будет ломать ее, пока не узнает, что хочет.

— Я правда ничего не делала! — Девушка рыдала, трясясь от напряжения и болевого шока. — Я не знаю, почему их вижу!!!

— Может, виноват какой-то амулет? — Похититель задумчиво оглядел ее и бросил своим прислужникам: — Разденьте.

— Не трогайте меня! — Настя завизжала, но он ударил ее по щеке, и крик оборвался. Мужчина вытер мокрую от ее слез руку о штаны.

— Будешь дергаться, тебе еще что-нибудь сломают.

Она позволила снять с себя джинсы, кроссовки, майку. Дрожавшая от боли Настя стояла перед своим мучителем в нижнем белье и плакала, прижимая к себе раненую руку. На ней не было ни колец, ни подвесок, ни пирсинга. Чистое, белое, юное тело. Сквозь кружевные трусики виднелись золотистые волосы. Проследив за его взглядом, она стыдливо прикрылась бедром, согнув колено.

— Что ж, значит, это правда. Твой дар в твоей крови. Знаешь легенду о Святом Граале? Это сосуд, в котором хранилась кровь Христа. Тебе должно льстить, что ты сыграешь похожую роль. Кровь говорящей с призраками — мощное средство. Ею можно оживлять призраков, возвращать им плоть и кровь. В каком-то смысле ты — часть удивительного средства воскрешения из небытия. Чудесно, не правда ли? Надеюсь, это оправдает твои страдания. Ты умрешь, но дашь жизнь многим. Я привлеку на свою сторону призраков со всего мира. Представь себе, мы сможем проворачивать что угодно. Я стану обладать огромной властью благодаря тому, что ты была достаточно глупа и понадеялась найти меня.

По знаку мужчины ее привязали к креслу с подлокотниками. Настя видела такие: их используют в лабораториях и поликлиниках, чтобы взять кровь для анализа.

Она попыталась собраться. Тянуть время — это единственное, что оставалось.

— Значит, вы — главарь банды, где ворами являются призраки? Вы воруете все, от кошельков до произведений искусства.

— Да, верно.

— И Исабель была с вами с самого начала?

— Да. Она рассказала о тебе много интересного. Заманивать тебя ко мне, если бы Педро не справился, пришлось бы ей.

— Кто вам заказал кражу картины?

— Тебе лучше этого не знать. — Довольное лицо незнакомца застыло в мучительной гримасе.

— Какая разница, если я умру? — пожала плечами Настя. — Азazelло?

— Если твоя душа еще свободна от пут дьявола, нет смысла самой туда лезть, не правда ли? — Мужчина нежно провел рукой по ее подбородку, шее и груди. — Мне жаль, что у нас так мало времени, Настя. Если бы не это...

Настя вжалась в кресло. Исабель и мальчик-призрак приблизились.

— Исабель! Ты же понимаешь, что он убьет меня! Ну пожалуйста!

Сомнение мелькнуло на лице Исабель, но она покачала головой:

— Я хочу снова стать живой. Прости!

— А если не получится? Что, если моя кровь не сможет оживить тебя? Что тогда?

— У нас только один способ узнать, так это или нет. — Говорящий с призраками подошел к Насте с ножом.

— Отпустите ее!

Настя увидела, что на месте пантеры появился Диего с ошейником на шее.

— Как раз вовремя, оборотень, — улыбнулся ему говорящий с призраками. — Я уж думал, ты все пропустишь.

Диего дергал цепь, но не мог вырвать ее из стены. Он вновь обернулся пантерой, рыча и задыхаясь, пытался вырваться из оков, потом снова стал человеком, до крови ободрал руки, обмотал их цепью и дергал...

Настя на мгновение закрыла глаза. Ей больно было смотреть на его тщетные попытки освободиться.

— Твой черед тоже настанет, оборотень. Мне как раз не хватает парочки ингредиентов в коллекции.

Настя что было сил пнула ногой своего врага, просто чтобы тот замолчал.

— Ты чудовище! Гореть тебе в аду, тварь!

Он в ответ снова ударил ее. Неожиданно вместо страха и бессилия девушкой овладела ярость. Она пыталась ударить его, пыталась укусить привязывающих ее к стулу людей, но ничего не получалось. Ярость лишила сил и ушла так же быстро, как вспыхнула. Оставила без дыхания.

Настя посмотрела на стоявшего напротив нее испуганного Диего.

— Прости меня! — Зеленые глаза парня в мигающем дискотечном свете светились довольно сильно. — Это я во всем виноват.

— Ни в чем ты не виноват. Кажется, виной всему я сама. Глупо мучиться зря. Ты хороший друг, Диего. Я рада, что знала тебя.

Настя страшно закричала, когда говорящий с призраками вскрыл ее руки от локтя до кистей. Движения — спокойные и размеренные. Он не торопился.

Пантера царапала когтями по полу, рычала и скулила. Цепь гремела.

Кровь текла в чаши, алая, остро пахнущая железом.

Мучитель отошел к столам, стал смешивать ингредиенты, толочь в ступке какие-то травы, словно готовил суп. Настя смотрела на бегущую по вогнутым подлокотникам кровь. Она будет умирать медленно, очень медленно. От осознания скорой смерти девушка заплакала.

Время шло, растягивалось, словно бы крутилось вокруг нее. Настя с ужасом осознавала, что слабеет. Голова кружилась.

Невыносимый и резкий скрежещущий звук эхом разнесся в белой комнате. Не отрываясь от своих дел, говорящий с призраками кивнул одному из своих слуг: проверь.

Но тот не успел подойти к двери. Она слетела с петель, и на пороге возникли три черные фигуры: мужчина с черными вьющимися волосами достал из-за спины два меча. Его глаза метали молнии. Бородатый блондин погладил лезвие серебряного топорика и с ревом бросился на ближайшего противника. Девушка с аккуратно уложенными в прическу золотыми локонами натянула тетиву и пустила первую стрелу.

Меньше чем за минуту враги были повержены. Говорящий с призраками понял, что проигрывает. Торопясь, он попытался зачерпнуть из чаш под подлокотниками немного Настиной крови. Трясущимися руками закрыл бутылочку и бросился к стене, которая раздвинулась и поглотила его. В следующую секунду серебряный топорик ударился о стену в том месте, где только что была голова мужчины, и со звоном упал на пол.

Джонни вытащил нож и освободил Настю от веревок. Лица начала закрывать и залечивать порезы. Свет перестал мигать. Призраки исчезли. Настя увидела, как граф Виттури подошел к Диего и руками разорвал железный ошейник. Настя помотала головой и попыталась получше взглянуть, но тут граф размахнулся и залепил Диего пощечину.

— Что она не знает, куда лезет, я еще могу понять! Но ты мог бы сообразить!

— Я не думал, что это зайдет так далеко, ясно?! — Парень дрожал, как лист на ветру.

— Ты вообще не думал! Она человек, за которым они следили, и ты привел ее к ним! Лучшего подарка придумать невозможно. Безответственный! Твой опыт ничему тебя не научил! Она могла погибнуть!

— Ты только и делаешь, что напоминаешь мне об этом! Сколько я могу раскаиваться? Сколько? — Диего чуть не плакал.

— Всю жизнь, ясно? И думать, прежде чем подвергать опасности кого-то другого!

— Хватит уже! Прекратите! — Голос Насти звонко разнесся по подвалу. — Достаточно! Если у вас какие-то свои споры, не надо делать причиной для ссоры меня. Я сама пошла. Это мой выбор.

Граф развернулся к ней. Столько ярости было в его энергичном движении и взгляде, что Настя онемела.

— А с вами я отдельно поговорю, и о выборе тоже. — Потом продолжил, срываясь на «ты», потому что гнев клокотал: — Ты обязана извещать агентов о любом своем движении, если оно касается агентства.

— Это не касалось агентства! Эти люди следили за мной. Этот мальчишка-призрак пытался меня ограбить в первый день в Барселоне. Я не думала, что это связано с агентством.

— Все, что есть в твоей жизни ненормального, связано с агентством! — огрызнулся граф Виттури. — Ты обязана сообщать о своих планах посещения местной банды призраков, но если решишь записаться в кружок кройки и шитья, то лично меня об этом извещать не стоит.

Ли́ка помогла Насте встать, и только сейчас граф заметил, что девчонка в одном нижнем белье. Он снял с себя плащ и бросил Лике. Настя от слабости почти не чувствовала пола под ногами. Граф заговорил более спокойно:

— Я обязан знать о ваших расследованиях, потому что, если что-нибудь случится с вами двумя, получится, что я не могу вас защитить, не могу остановить, не могу прислать подкрепление, черт вас подери! Мне хватило потерь в Венеции, я не хочу, чтобы мои агенты погибали один за другим. Вы обязаны делиться информацией. Здесь нет супергероев. Диего, прости, что сорвался. Но ты знаешь, что я прав. А теперь в машину.

Джонни нес Настю на руках, Ли́ка хлопотала и пыталась помочь. Девчонка даже не представляла, как ей повезло. Ли́ка может заживить ее раны, если они не смертельны. Не всем так везет, не всех охраняет ангел, способный исцелять. Оборотень, поджав хвост, понурившись, шел рядом. Граф потрепал его по плечу. Парень с надеждой поднял глаза, и граф Виттури кивнул. Чувство вины и так тяжелая ноша. Легче граф ее не сделает, но зла не держит. Он понимал, что Диего еще слишком молод, чтобы здраво оценивать опасность.

А опасность никуда не делась. Она черным облаком вилась над Настей.

Из дневника Насти

На следующий день меня еще шатало. Ли́ка и Цезарь отвезли меня к какому-то знакомому врачу, тот назначил диету для скорейшего восстановления крови и железа. Переливания делать не стали: стараниями Ли́ки я вообще не чувствовала боли, и если бы не слабость и головокружение, не поверила бы, что вчера чуть не стала объектом жертвоприношения. К тому же никто из моих спутников не был уверен, можно ли делать переливание крови говорящей с призраками. Мне прописали отдых, и я проводила время в компании Джонни и Мартина, поскольку Юка была в отъезде. Потом Мартин ушел смотреть футбол с друзьями, и мы с Джонни остались вдвоем. Я поболтала с мамой по скайпу, сделала домашку по испанскому, но вскоре все равно вышла в гостиную, где Джонни сидел на диване и точил свой топорик.

— Ты как?

— Сносно, — пожала я плечами.

— Наши прочесывают город, ищут говорящего с призраками. Так что работы все равно никакой.

— Серж сказал мне, что ты... — Я замялась, но все же продолжила: — Что ты Локи. Это правда?

— Да. Я — Локи. Но ты не бойся, Настя. Я, можно сказать, одомашненный бог. — Джонни улыбнулся.

— Я и не боюсь. Просто... Это как-то в голове не укладывается. Все эти призраки, оборотни, вампиры, ангелы... Всего несколько месяцев назад я думала, что это сказки! — Я присела рядом с ним на диван.

— Сказки основаны на чем-то реальном. Всегда. Вот взять меня: чего только про меня не писали... А вся проблема в том, что на самом деле я потерял семью, друзей, власть, работу... можно и так сказать. Самого себя. — Джонни задумчиво потрогал пальцем лезвие топорика, потом отложил его в сторону.

Он посмотрел на меня своими голубыми глазами, и сердце на миг замерло.

— Проиграть главную битву в жизни очень больно, Настя.

Рука парня скользнула на талию, он притянул меня к себе. Я послушно прильнула к нему. Странно, но в тот момент мелькнула мысль, что на мне дурацкое нижнее белье. Хотя ничего такого я делать не собиралась. Но когда его пшеничная борода защекотала шею, я была готова поменять решение... Его дыхание обожгло щеку, губы тянулись ко мне. Я от волнения почувствовала легкое головокружение и чуть приоткрыла глаза, чтобы оно прошло. Заметив за плечом Джонни Исабель, мгновенно отпрянула от парня.

Исабель смотрела на меня несколько секунд и потом растаяла в воздухе.

— Что случилось? — Джонни попытался снова обнять меня, но очарование мгновения уже прошло. Сердце билось часто, я лихорадочно соображала, что означает это появление.

— Они придут за мной, Джонни. Надо позвать остальных.

Через час мы собрались в агентстве. Граф все еще был тут, он остался в Барселоне после всего, что произошло.

— Ты увидела призрака за плечом Джонни? А чем вы занимались в тот момент? — Его карие глаза с насмешкой посмотрели на меня. Странно, но, встретившись с ним взглядом, я почувствовала стыд.

— Мы разговаривали, — увидев, что я покраснела, ответил Джонни.

— И что дальше?

— Исабель исчезла. Но уверена, что она мне не померещилась, — торопливо добавила я.

— Скоро стемнеет. — Цезарь бросил взгляд за окно.

Молчание воцарилось в комнате.

— Чтобы покончить с этим, надо приманить его. — Граф обвел нас взглядом.

— Это опасно, — возмутился Диего.

— Значит, теперь ты о ней беспокоишься? — язвительно заметил граф Виттури.

Парень гневно засопел.

— Я согласна, — поднялась я. — Что надо делать?

— Для начала переодеться для боя. — Итсаску живо поднялась с места и вытащила меня в коридор.

В кабинете Цезаря разгорался спор.

— Болтливые мужики, — презрительно повела плечами вампирша. — Все равно граф прав и другого выхода нет. Пойдем, я нашла для тебя отличный кожаный жакет.

Через полчаса мы все были готовы. От возбуждения головокружение казалось легким, как ощущение мимолетного взлета на американских горках перед тем как ухнуть вниз.

В старом готическом квартале мы разделились.

— Будьте рядом, — предупредил граф Виттури всех прежде, чем мы с ним свернули на одну из улочек. Туристов встречалось мало, все-таки зима. Я ежилась от холода в кожаном жакете и жалела, что не нацепила еще шарф и шапку. На нас оборачивались, потому что мы ходили на участников косплея. С графом даже захотела сфотографироваться одна бойкая девушка, что его позабавило. Он оценивающим взглядом скользнул по ее фигуре и обнял за талию, пока она делала селфи. Девчонка, должно быть, думала, что поймала самого красивого испанца. А он... А кто он? Говорит без акцента на испанском, на итальянском. Может, и испанец. И почему я так злюсь на эту туристку? Почему мне так яростно больно из-за того, что он положил руку ей на талию?

Пока я накручивала себя, граф шел рядом, но чуть впереди, так что я следовала за ним, не разбирая дороги. Когда он остановился, я чуть было не наткнулась на его плечо. Мы оказались на маленькой тихой площади рядом с магазином спорттоваров.

— Это одно из моих любимых мест в Барселоне, — услышала вкрадчивый голос, говоривший не то со мной, не то сам с собой.

Я огляделась в поисках примечательных зданий, но ничего особенного не заметила. Пустая детская

площадка, какие-то прозрачные перегородки посреди площади, фонтан с причудливыми каменными рыбами, пара кафешек и закрытых магазинов. Ничего такого, что запомнилось бы.

Его рука уверенно взяла мою и потянула за собой. Его тепло передавалось даже через перчатки. Я бы пошла за ним на край света, но мы всего лишь подошли к прозрачной ограде посреди площади. Я посмотрела вниз и увидела старые каменные саркофаги, посреди которых шла импровизированная дорога. Древнее кладбище лежало по обе стороны от этой дороги и уходило под дом напротив.

— Во времена Римской империи Барселона была маленьким городком, соединенным с другими с помощью дорог. Эта дорога — Виа Августа, дорога Августа самая главная. Здесь, где мы стоим, города не было, дорога тянулась среди полей. Римляне хоронили вдоль дорог. Чтобы мертвые никогда не оставались одни. Чтобы всегда был кто-то, кто прочтет надписи на надгробиях и произнесет их имена. Я люблю это место. Этим мертвым повезло. Их имена все еще читают спустя много лет. Время для них не существует. Здесь не слышно его бега. Все замирает, все становится вечностью.

Я украдкой посмотрела на него. Красивое лицо было грустным и отрешенным. Почувствовав мой взгляд, он улыбнулся.

— Сейчас солнце окончательно сядет, Настя. Будь готова.

Я машинально дотронулась до рукояти меча, чтобы проверить, на месте ли он.

Сумерки опускались на город. Мы стояли и ждали.

— Значит, силы зла просыпаются ночью? — спросила я. В свете фонарей золотистые искорки в его глазах стали ярче.

Он усмехнулся:

— Зло и добро. Их не бывает. Точнее... они не являются врагами, как это думаете вы. Это две стороны одной медали, без одной нет другой. Они обесцениваются друг без друга. Когда же вы поймете, что все, что нас окружает, пронизано двумя этими гранями единого целого?

— Вы так говорите, граф... А зло, оно ведь существует в чистом виде. Вот этот говорящий с призраками пытался меня убить. Разве это — не зло? Он злой, словно не человек, а демон.

— Демон... нет, для демона мелковат. Хотя все мы по существу всего лишь твари. Люди, ангелы, демоны, оборотни. — Чернота в его глазах сгустилась, и золотистые огоньки вдруг погасли. — Мы все творения. Хотя кто-то предпочитает называть себя созданием, от глагола «создавать». У нашего существования есть смысл. Специально созданный для нас... Или мы специально созданы для него? Свет лишь тогда Свет, когда есть Тьма. И Тьма есть отсутствие Света. Иначе не поймешь ни одного, ни другого. Это первое, что мы учимся разделять. Глазами, сердцем, душой. Первое, что создал Бог.

М-да, конечно. Увел в сторону, не назвал мерзавца мерзавцем. То есть если бы меня убили, то ничего, тьма — часть света, оле!

Жалко, конечно, но не самая большая потеря в нашей команде. То-то он сразу бросился к Диего. Не ко мне. И чего ты, Настя, себе льстишь? Не интересна ты ему ни капли.

— И что произойдет? Исабель приведет ко мне этого... говорящего с призраками?

— Если бы только его, — промурлыкал граф, глядя вверх моей макушки.

Я огляделась и почувствовала, как от страха подгибаются колени. Пустынная до этого момента площадь была полна. Темные фигуры словно материализовывались из сумрака. Их лица прятались под капюшонами. Призраки то ли стояли, то ли висели в сантиметре от земли.

— Все немного хуже, чем я предполагал, — сказал граф Виттури.

— То есть? — дрожащими губами спросила я. — Это не призраки?

— Нет. — Он крепко обнял меня за талию и прижал к себе. — Призраки меня боятся. Это ламии.

Я не успела спросить, почему его боятся призраки и кто такие ламии. Он одной рукой прижал мою голову к своей куртке, а второй крепко держал за талию. Рывок, толчок, и мои ноги, на секунду оторвавшись от земли, снова опустились на мостовую.

— Вперед, к остальным! — Граф потянул меня за руку, и мы побежали. На бегу я ловила обрывки информации: каким-то образом мы оказались на широкой торговой улице с закрытыми магазинами. На ней не было ни души. Как мы очутились здесь? Как прыгнули настолько высоко и далеко, что

попали сюда?

Навстречу выбежала Лика в черном обтягивающем костюме.

— Лика, предупреди всех, это ламии! — Голос графа эхом раскатился по пустой улице.

Лика бросилась бежать. Мелькнул и скрылся за поворотом золотой каскад ее волос, забранных в хвост. Мы приближались к повороту, но вдруг перед нами прыгнуло на землю бледное человекообразное существо. Вместо глаз у него были пустые круглые дыры, а круглый рот заполняли мелкие острые зубы. Существо завизжало, зубы выдвинулись вперед.

Граф отпустил мою руку и мгновенно вытащил мечи.

— Прикрой меня! — крикнул он.

Я повернулась к нему спиной и похолодела: пустая улица наполнялась такими же страшными тварями. Они медленно приближались. Их черные одеяния растворялись в воздухе, открывая такие же страшные морды, как у ламии за моей спиной.

Я неуверенно достала меч из ножен.

— Не поддавайся панике! Не смотри им в глаза!

Как легко командовать, когда перед тобой одна-единственная ламия, а передо мной их десятка три! Некстати вспомнился ночной кошмар, приснившийся в Венеции. Уж очень эти бледные лица с черными впадинами вместо глаз напоминали размытые деформированные лица прохожих.

Но спустя мгновение, показавшееся вечностью, граф снова схватил меня за руку.

— Бежим!

Я перепрыгнула через останки посеченной мечом ламии, и мы выбежали на площадь перед кафедральным собором Барселоны. Лика стояла в узком проходе в готический квартал. В ее руке было несколько стрел, она быстро, одну за другой, выпускала их из лука в преследующих нас ламий. Мы пробежали мимо. Впереди уже виднелась знаменитая арка-проход над узкой улочкой.

Возле нее граф притормозил.

— Вы с Ликой двигаетесь дальше, а я вас прикрою и пойду в обход.

— Но...

Но Лика уже подбежала к нам, схватила меня за руку и потащила под арку. Я оглянулась: граф Виттури вытащил мечи, а ламии серым потоком лились на улочку.

Под аркой я неожиданно вспомнила, что говорил мне Диего: дьявол, согласно легенде, не может пройти здесь. Его убьет кинжалом.

Мое сознание вдруг разделилось: одна его часть двигалась вместе с Ликой, бежала по улице с висящими над нашими головами горгульями к площади Святого Хайме. Я уже видела Диего и Джонни. Вторая же половина сознания вдруг принялась лихорадочно обрабатывать случайные фразы и взгляды, намеки и факты. Почему граф Виттури не побежал со мной под арку? Почему остановился и передал Лике? Это случайность или нет? Что означал намек говорящего с призраками на прихвостней зла? «Ты ведь знаешь, на кого работаешь на самом деле?» Откуда у графа столько силы, скорости? Каким образом он переместил меня сейчас подальше от ламий, каким образом перенес с моста на другой берег канала в Венеции? Почему перед ним даже Локи робеет?

Мы выскочили на площадь Святого Хайме. Перед мэрией Барселоны увидела Сержа и Итсаску. Но меня привлекла фигура на противоположном углу площади. Там стояла Исабель. Я побежала мимо Сержа прямо к ней.

— Исабель, что происходит?

Призрак девушки молитвенно сложил руки. Она была взволнована, и от этого легкая рябь шла по ее белой коже.

— Прости, Настя.

Я слышала за спиной топот и крики приближающихся друзей. В моей голове все смешалось, я окончательно запуталась.

— Кто такой граф Виттури, Исабель? Ты знаешь?

— Сатана.

Ее шепот овеял холодом. Действительно, стало невыносимо холодно, так что не осталось даже желания двигаться.

— Я хотела предупредить тебя, Настя. Он заберет твою душу. Как забрал души твоих друзей.

Я растерянно обернулась назад. Пространство между мной и друзьями шло рябью. Они бились о него, словно о стеклянную стену. Странно, но я не слышала их: все звуки пропали, только странный звон нарастал в ушах. Позади друзей показался граф Виттури. Как же он невыносимо красив! Граф шел прямо на меня. Понял, что я знаю? Разве можно скрыть что-либо от сатаны?

Я повернулась к Исабель. Рядом с ней стояли говорящий с призраками и еще трое тварей в человеческом облике, но со змеиными глазами.

— Он еще не забрал твою душу, Настя?

Я сделала шаг назад. Обернулась на друзей: Джонни, отчаянно вопя, пытался разбить грань между нами топором. Диего просто бил кулаком в стену. И кричал. Серж и Итсаску пытались найти прореху, бегая вдоль стены, а Лика, плача, звала меня. Граф Виттури просто стоял рядом. Лика пару раз пыталась побудить его к действию, но он не двигался. Он смотрел на меня.

Как может сатана работать бок о бок с ангелом?

— Выбора нет, девочка.

Говорящий с призраками протянул руку.

— Отдай мне меч.

Я крепче сжала рукоять меча. Ну уж нет. Живой я не сдамся, особенно ему. Сделала выпад, но мой мучитель отскочил.

Трое со змеиными глазами стали приближаться. Я медленно отступала. Что у них есть из оружия? Ни когтей, ни мечей. Я резко отскочила в сторону, оставив в стороне двоих из них, приблизилась к третьему и ударила его мечом. Прямо по башке. Меч загудел и завибрировал в руке, я еле удержала его. Тварь лопнула, словно перезревший арбуз, и по мостовой растеклась черная липкая грязь, похожая на мазут. Я отскочила назад, в сторону от густой жижи. Звон в ушах нарастал. Казалось, мои ушные перепонки скоро лопнут.

Почему друзья не могут прорваться ко мне?

Я продолжала лихорадочно анализировать накопившиеся сведения о графе. Ну не получалось из него злодея, хоть ты тресни! Куда хуже эта парочка со змеиными глазами и мужик с призраком, жаждущие моей крови. Исабель старалась подать мне какие-то знаки, но я уже не очень ей верила. Да какой он сатана, бога ради! Он же не раз спасал меня! И его команда спасала. Не может быть, чтобы все это делалось ради моей души.

Отбив нападение змеиного дуэта, я вплотную прижалась спиной к невидимой стене. Ого, а она холодная! И вибрирует. Я повернулась боком, чтобы краем глаза видеть друзей: Лика пыталась пробиться ко мне. Остальные отражали атаку заполнивших площадь ламий. Граф стоял совсем рядом.

Пока мои противники в силу своих рептилоидных способностей медленно обдумывали план наступления, я на мгновение прижала одну ладонь к холодной поверхности стены.

«Ну сделайте же хоть что-нибудь, граф! Вытащите меня отсюда!» — взмолилась мысленно. И тут же почувствовала, как опора под ладонью теряет твердость. Змеи издали вопль, бросились на меня, звон в ушах грозил свести с ума. Я почувствовала крепкую горячую руку на своем запястье и резкий рывок. Через какую-то наносекунду звон прекратился. Я стояла за спиной графа и с ужасом смотрела, как змеиные твари вцепились в него мертвой хваткой, навалились на плечи. Меня крепко обнимала что-то верещащая Лика. Острые редкие зубы вонзились в его шею. Я дернулась, чтобы помочь, но Лика удержала.

— Он справится.

Твари вдруг задымились, вспыхнули ярким пламенем и осыпались пеплом на мостовую. Я увидела, что рана графа тут же затянулась. Не поворачиваясь к нам с Ликой, он вытащил мечи и бросился на улетающего говорящего с призраками. Надеюсь, догнал. Лика развернула меня к себе как раз в тот момент, когда слышались вопль ужаса и хруст ломающихся костей.

— Надо помочь остальным.

Ламии взбесившейся армией нападали на нас. Мы выстроились в круг, спинами друг к другу. Рядом со мной хладнокровно пристреливала тварей Итсаску. Ее белое лицо было невозмутимо спокойным, словно она не находилась в опасности. Джонни забавлялся тем, что запускал топорик в тварь, потом протягивал руку, и топорик сам, словно бумеранг, возвращался к нему. Под конец я уже еле держалась на ногах, а руки не желали подниматься.

— Приберитесь здесь. — Граф устало убрал мечи за спину. Вокруг нас виднелись белые в темноте тела ламий. — Я заберу Настю в агентство.

Я пыталась воспротивиться, но так устала, что, будь он хоть Змеем Горынычем, все равно пошла бы с ним.

Заплетающимся шагом шла рядом, гадая, почему бы графу не перенести нас сразу в агентство.

— У тебя есть ко мне вопросы? — спросил он, когда площадь скрылась за поворотом, а молчание между нами стало тверже стали.

— Вопросов так много, что не знаю, с чего начать.

— Начни с самого главного.

Хотела бы спросить, но как? Должен же быть какой-то подход, чтобы не обидеть!

— Я не обижусь, любой вопрос.

Он мои мысли читает, что ли? Я подозрительно покосилась на графа. Тот остановился. В темноте я совсем не видела его лица. Фонарей на узкой улице не было. Внезапно вспомнила сон: человек без лица, накрывающий меня своим плащом. Моя смерть. Может ли он быть моей смертью?

Холод, особенно ощутимый после горячей драки, снова стал забираться под жилет. Меня затрясло. Граф Виттури вдруг крепко обнял меня и прижал к себе. Стало теплее. Остаться бы всегда в этом тепле. Уснуть бы в его объятиях. И не просыпаться.

— Вы — сатана? — решила я. Спросила и задрожала по новой.

— Кто для тебя сатана? — последовал из темноты ответ.

Я несколько растерялась. Я не сильна в классификации адских созданий.

— Падший ангел? — спросила наугад.

— Что ж... если так, то да.

И что теперь? Как-то все остальные вопросы расползлись испуганными тараканами в голове. И как там в аду? И что ты здесь делаешь? И на фига тебе все это? Глупые вопросы.

— А их много? Падших ангелов?

Он тихо засмеялся:

— Достаточно.

— Что случилось сегодня, почему появилась эта ледяная преграда?

— Эти твари способны использовать твои эмоции. Твой ужас от того, кто я, превзошел страх перед ними. В каком-то смысле ты сама создала эту стену. Ведь их ты не боялась.

— Не боялась. Но я хотела к друзьям.

— Но не ко мне. Если бы ты сама не обратилась ко мне с призывом о помощи, я не стал бы помогать.

— Не стал бы или не смог бы? — уточнила я.

— Не стал бы. Ты сама должна была выбрать.

Мне стало не по себе. Вот так просто стоять и смотреть, как меня снова пытаются выжать до капли? Он прикалывается или это на полном серьезе?

— И ты на самом деле искушаешь и все такое? — Я вдруг перешла на «ты» и уже не могла звать его на «вы». Сатана и «вы» — вещи в моем сознании несовместимые.

Тьма в лице графа приблизилась ко мне, и я ощутила теплое дыхание на щеке.

— Еще как искушаю.

— Но почему они работают с тобой? — Я старалась не замечать, как от его близости то замирало, то пускалось вскачь сердце. То ли от страха, то ли от восхищения.

— «Я часть той силы...» — грозно начал граф, потом засмеялся: — Дальше сама знаешь. Пойдем. — Он потянул меня из темного переулка на свет огней шумной Рамблы. — Ты устала.

После этих слов ко мне вернулись усталость и слабость, они навалились на плечи и укутали в плотный плед равнодушия. Граф Виттури без труда поймал такси. Я села и, неуклюже подложив под голову руку, задремала.

На следующий день Настя, сидя на кровати, пыталась понять, не приснилось ли ей все это. Был только один способ выяснить. Она набрала номер телефона. Диего ответил после первого же гудка:

— Настя! Что случилось?

— Ничего. — Настя зевнула. — Не хочешь пробежаться?

Соленые брызги порой долетали до ее лица. Пляжи были пусты, только на волнах одиноко качался пловец в гидрокостюме.

Солнце обманчиво пригревало набережную, ресторанчики с газовыми горелками на террасах сушили тепло и уют за чашкой кофе.

Они пробежали совсем немного. Диего настоял, чтобы это была легкая тренировка, хотя Насте казалось, она может свернуть горы. Еще никогда она не чувствовала себя так странно: вчерашняя битва показала, что она может защититься в тяжелую минуту и отлично чувствует меч. Но мысль о том, что она работает на сатану, казалась неестественной и странной. Она должна была выяснить, почему ее друзья с ним. А значит, побольше узнать о членах агентства.

— Диего, а почему граф Виттури так ругал тебя в лаборатории, что за опыт он упоминал?

Парень на миг встретился глазами с Настей и тут же отвел взгляд в сторону.

— Это болезненное воспоминание. — Он пошел вдоль пляжа. Призывно закричали-заплакали в небе чайки. Настя поспешила за ним. Они долго шли молча, и девушка решила, что Диего не расскажет, но он заговорил. Сначала короткими фразами, словно пытался закончить разговор тут же, потом стал рассказывать более подробно: — Я стал оборотнем внезапно. Не было никаких предпосылок. Просто за пару дней начало болеть все тело. Был жар, словно у меня грипп. Я подумал, что простудился. Мы тогда снимались в Венеции для очень известного журнала. Я не мог упустить такой шанс. В напарницы мне досталась жутко капризная модель из Хорватии. Она постоянно строила визажистов, парикмахеров, даже пыталась наехать на фотографа. Но она была знаменита, ее выходы приходилось терпеть. На мое несчастье, напарница положила на меня глаз. Вешалась на меня, а мне было так плохо из-за простуды, что я отвечал равнодушием, и это ее еще больше распяляло.

Съемки проходили в одном из дворцов Венеции. Во время перерыва мне удалось скрыться от съемочной группы и неадекватной страсти капризной модели в многочисленных залах дворца. Внезапно я увидел в одном из залов группу людей, которые крутились вокруг идущего твердой походкой красивого мужчины. Я решил, что он тоже модель или актер. Наши глаза встретились. Он вдруг поменял направление своего движения и подошел ко мне. Мужчина заговорил со мной на испанском, словно сразу понял, откуда я. Я уже и не помню, что отвечал тогда, мы говорили о съемках, о пустяках. Сама знаешь, каким граф обладает даром: к нему испытываешь симпатию и доверие, его хочется слушать и слушаться.

— Вы неважно себя чувствуете, — сказал он, не спрашивая, а утверждая. — Я пришлю хорошее лекарство. Оно поставит вас на ноги. Сегодня ночью вам лучше отдохнуть и выспаться. Проведите ее в одиночестве в своем номере.

Я назвал ему свой отель, но не очень верил, что он обо мне вспомнит. Он попрощался, заверил, что пришлет лекарство, и вместе со стаей своих прихлебателей исчез в соседнем зале.

— Кто это? — спросил я у одного из них.

Тот закатил глаза:

— Граф Виттури, конечно же!

Диего замолчал, словно собираясь с силами для продолжения рассказа.

— Я послушался графа. В ожидании лекарства остался в номере отеля. Вся группа отправилась праздновать завершение съемок. Меня ломало так, что я не на шутку испугался. Болели зубы, кончики пальцев, кости. Нос раздирали от тысячи запахов, которые атаковали внезапно: я чувствовал столько всего нового, что не мог идентифицировать запахи, но один раз четко почуял запах бифштекса с кровью. Умопомрачительный кусок мяса с поджаренным жиром — его разрезают, и на тарелку вытекает чуть розоватый сок... Я метался по номеру. Не мог лечь, не мог остановиться, состояние было бредовое. Стук в дверь вселил в меня надежду. Проблеск сознания был таким ярким, что я вдруг понял, в каком ужасном состоянии нахожусь. Я открыл. На пороге стояла эта чертова девица-модель с бутылкой шампанского и бокалами. Она была вся из себя — красива, соблазнительна. Но мне было не до нее.

Я пытался отвязаться, сказал, что плохо себя чувствую, хотел выпроводить, но она привыкла чувствовать себя королевой. Она вошла, несмотря на мои протесты. Заставила меня выпить шампанского. После бокала алкоголя наступил момент, когда я провалился в странное состояние то ли сна, то ли бреда. Мое зрение исказилось, обоняние взорвалось миллионом запахов, кости выкручивало и ломало. Я не знаю, сколько времени прошло. Меня разбудил стук в дверь. Я поднялся с пола, не вполне осознавая, что раздет. У меня сильно болела голова, поэтому, когда стук повторился, я поморщился и поторопился открыть. По дороге наступил в мокрую лужу от разлитой бутылки. Одной рукой уперся в стену, другой открыл дверь и от бессилия прижался к стене спиной. И вдруг увидел всю комнату: разорванные вещи, разбитый бокал, разлитую бутылку и ее тело.

В номер вошли граф и еще один мужчина.

— Мы опоздали, — произнес с горечью один из пришедших.

Я не мог оторвать взгляда от тела модели. Ее горло было вырвано, а багровое пятно на белом пеньюаре и подбородке казалось ярким шарфом или цветком. Граф Виттури встал передо мной, загораживая труп. Меня начало трясти. Он...

Диего снова прервал рассказ. Настя положила руку ему на плечо. Парень судорожно вздохнул, в глазах стояли слезы. Он неловко вытер щеку ребром ладони, виновато улыбнулся.

— Прости. Тяжело вспоминать. Граф положил мне руку на плечо. И дрожь улеглась. Он повел меня в ванную, а его спутник склонился над моделью. Я шел, словно в полусне. Сейчас думаю, он применил гипноз, чтобы успокоить меня. Я долго стоял под душем. С меня стекала кровь, видимо, я весь измазался. Когда мы вышли, комната была пуста. Все прибрали. Граф заставил меня выпить лекарство, и голова начала проясняться. Понимание того, что я каким-то образом причастен к гибели девушки, вдруг ясно и больно вспыхнуло в сознании. И вот тогда граф заговорил со мной. Он говорил так ласково, будто я был ребенком, совершившим ошибку, а он родителем, который старается объяснить проступок, не осуждая.

Он-то и сказал мне, что я оборотень. Он увидел это днем: я был на пределе.

— Почему ты не послушал меня и не остался один? — спросил он.

— Она сама пришла. Я не знал, как ее прогнать.

Граф успокоил меня. Вернулся его спутник. Лоренцо — оборотень, как и я. Он остался со мной на ночь, объяснял правила жизни, учил, как контролировать себя, как оставаться в человеческом сознании, будучи зверем.

Модель до сих пор считается пропавшей без вести. Я не знаю, что они сделали с телом. Я отменил несколько съемок, остался в Венеции и учился у Лоренцо. Яростно хотел не терять над собой контроль. Больше никогда. Лоренцо открыл во мне дар гипнотизера. И тогда граф Виттури предложил работу в его агентстве в Барселоне. Он не напоминал мне о том происшествии. Я пообещал себе, что буду работать на него честно, и даже когда понял, кто он...

Диего посмотрел на Настю.

— Даже зная, что он — демон, я уверен, он из тех, кто старается сохранить равновесие. Наше агентство нередко разруливает конфликты здешних созданий, и поверь мне, Настя, он никогда не заставлял меня ни работать на него, ни делать что-то плохое. Я понимаю, ты считаешь иначе, но я знаю его гораздо лучше.

— Так он — сатана или нет?

— Нет, конечно! Он один из самых сильных демонов, падших ангелов. Сатана, шайтан, демон — это

все термины, которые странно запутаны. Падших ангелов было много, но порой их просто объединяют под именем Сатаны. Так что я даже не знаю, что сказать. Вроде да, а вроде и нет, потому что помимо него есть еще другие.

— Ты с ними сталкивался?

— Нет, что ты! Но слышал о них, это один из них стоит за историей с книгой, не сомневайся. Кто-то начал вмешиваться в наши дела. Это меня беспокоит. Кажется, все, что началось в прошлом году, — это игра демонов. Но правду может знать только граф. Думаю, он нам расскажет со временем, в чем дело.

— Ты когда-нибудь спрашивал остальных, почему они работают на него?

— Нет, я не хочу рассказывать свою историю.

— Но мне рассказал.

Диего взял Настю за руку и остановился. Зимний ветер трепал ее золотистые пряди, выбившиеся из косы. Их такие разные зеленые глаза встретились.

— Ты — исключение, Настя. Тебе я врать не хочу. Ты должна знать, что я — убийца.

Настя хотела возразить, но осознала, что он прав. Он убийца, он забрал жизнь, не осознавая этого, превратившись в дикого зверя. Она помнила пристальный взгляд пантеры. Взгляд охотника. Но при этом Диего был настоящим другом. Она видела это в его глазах. Ему отчаянно хотелось, чтобы в него верили.

Не говоря ни слова, она обняла парня. Диего уткнулся ей в плечо. Настя понимала: он не рассеял ее сомнения. Но теперь ей стали понятнее отношения Диего и графа.

Вечером граф пригласил всех в ресторан. Настя собиралась с волнением. Несмотря на то что граф — демон, он оставался для нее красивым мужчиной и волновал. Она тянулась к нему так же, как и всегда, может, даже сильнее. Ее тяга была приправлена легким налетом опасности и любопытства.

Джонни постучал и вошел к ней в комнату.

— Красотка! — Он подошел к Насте, стоящей перед зеркалом. — Мне повезло быть твоим кавалером на вечере.

Настя нервно разгладила зеленое платье. Она не понимала саму себя. Разум твердил, что надо уходить из агентства. Или просто держаться подальше от графа. Но голос разума был таким тихим, почти неслышимым. А вот остальные голоса пели странные песни. Порой перед сном в своих фантазиях она рисовала сюжеты с графом Виттури, за которые поутру было стыдно. И казалось, что она ему нравится, не может же все закончиться просто так. Но потом она понимала, что глупа: он — демон. И ей стоит держаться от него подальше. А вскоре снова возвращались сладкие голоса и погружали ее в мечты.

Она вздрогнула, когда Джонни положил руки ей на плечи. В зеркале Настя видела себя и его.

— Ты напряжена, — сказал Джонни, массируя ей плечи. — Расслабься.

— Мой начальник — демон. Не очень-то расслабишься.

— Все начальники — бесы... в какой-то мере. Зато этот симпатичный.

— На что намекаешь?

— Да я напрямую говорю, без намеков. Ты на него так смотришь, что даже слепцу все понятно. Только не забывай, что этот красавчик не знает, что такое любовь.

— А ты знаешь? — с сарказмом резанула Настя. — Я не слишком сильна в скандинавской мифологии, но ты, по-моему, тоже к любви серьезно не относишься.

— Начнешь относиться к любви серьезно — и она уйдет. Просочится, как песок сквозь пальцы. Любви к демону не бывает. Могут быть страсть, похоть, они умеют это возбуждать. Наверняка ты и сама все понимаешь.

— Мне больно! — Настя высвободила плечи из его рук. — Знаешь что, Джонни, я не просила читать мне нотации.

— Ты на них так и напрашиваешься.

Они вошли в ресторан последними: Джонни перед уходом испачкал рубашку и долго искал новую, похоже, специально, чтобы позлить ее.

— Настя! — Цезарь в своем неизменном коричневом плаще ждал их в холле. — Я хочу с тобой поговорить.

Джонни легко отпустил ее и ушел в зал.

— Выйдем. — Цезарь взял Настю под руку.

Они вышли в небольшой каменный дворик ресторана. Настя запахнула расстегнутое пальто, которое не успела снять.

— Я должен поговорить с тобой о графе. Помнишь, когда ты поступала в агентство, я сказал, что многое станет ясным в процессе работы.

— Да, помню. Видимо, вы также имели в виду и то, что постепенно я выясню, что мой шеф — исчадие ада.

— Твой шеф, прежде всего, я. Он — владелец агентств. Настя, я не раз подчеркивал, что существуют грани добра и зла. Все в этом мире взаимосвязано, переплетено. Даже если взять и просто нарушить пищевую цепочку, природа может понести страшные потери. Представь себе, что бывает, когда зло одолевает добро. Такие, как граф, нужны человечеству не меньше ангелов и бесов. Он... страшное, мрачное создание, полное своих желаний и грехов. Но он охраняет это равновесие. Оно ему дорого. И оно дорого нам. Поэтому, пожалуйста, не рассматривай вариант ухода из агентства. Но держись от графа Виттури подальше.

— Почему?

Цезарь ласково взял ее за руку.

— Ты молода, красива, невинна. У тебя есть интересный дар. Ты можешь разбудить темную сторону графа. И он будет опасен для тебя. Если ты полюбишь его, — а я вижу, что он для тебя уже что-то значит, — можешь шагнуть в пропасть. Он — демон. Я никогда не забывал об этом. Его можно понимать, если иметь здравый рассудок, не замутненный страстью. Но он может легко пробудить ее в тебе. Он хитер, умен, привлекателен. Ты согласишься ему. И он погубит тебя. Поэтому прошу, помни, Настя. Помни, кто стоит перед тобой в обличье графа Виттури. Не забывай. И ты сможешь распутать его сети. Ведь он опутал тебя с первого своего появления на балу. Я видел. Будь осторожна. Лика и я переживаем за тебя. Не оставайся больше с ним наедине. Избегай искушений.

Настя задрожала от навалившегося на нее холода. Она и в самом деле ненормальная, если одевалась сегодня для графа... для демона. Она, идиотка, собиралась кокетничать с ним и улыбаться. И полная дура, поскольку предвкушала встречу с ним за столом.

Сердце сжалось от понимания того, как прав Цезарь. Она ходит по острию ножа и бросается на этот нож сама. Скорее бы граф свалил в Венецию и все стало как раньше.

Под руку с Цезарем Настя решительно вошла в зал ресторана, уверенная в том, что больше не наделает глупостей.

Звучало танго. По небольшой площадке для танцев двигалась пара. Она в ярко-алом атласном платье, цвет которого вибрировал и отливал, на голове красивый ободок с черным пером, черные волосы уложены под стрижку «паж», длинные локоны подвернуты. Алые губы в полуулыбке. Ресницы почти лежат на щеках. Ее щека прижата к щеке мужчины. Она слышит его, она следует за ним. Он рисует ее ногами замысловатые па. Ее ноги то обнимают его, то играют, то нерешительно переступают, то делают радостный шаг, то поворот к нему, то от него, но она всегда с ним. Его черные кудри сплелись с ее блестящими волосами, карие глаза зорко следят за тем, куда идти, предвидят опасности и барьеры, придумывают продолжение разговора. Одна рука держит нежно, словно белую голубку, кисть женщины, другая обнимает за талию. Его шаги вкрадчивые и бархатные, как голос, в улыбке и каждом движении соблазн. Он бог, он повелитель, он творец, он мужчина. Он — демон.

Боль в солнечном сплетении Настя почувствовала не сразу. Слишком красивым было зрелище страстной игры, придуманной им и воплощенной в паре с Итсаску. А потом, когда она снова начала дышать, почувствовала тянущую, коварную, изводящую боль. Настя хотела быть на месте женщины в алом. И пусть этот танец продлится только миг, казалось, нет ничего желаннее, чем следовать за демоном на край вселенной, к обрыву, к концу, к пустоте.

Она не сразу смогла отогнать эти мысли, не сразу взяла себя в руки. Но это поняли немногие:

зрители были заморожены танцем. Музыка оборвалась, и пара замерла на мгновение, словно не желала распадаться на мужчину и женщину. Цезарь резко потянул Настю к столу. И она, пересилив оцепенение, села между Диего и Джонни.

Девушка чувствовала себя неуютно в этом странном интерьере с шелковыми обоями, красивой мебелью, развешанными кругом старинными портретами, хрустальными бокалами и роскошно сервированным столом. Приборов было столько, что голова шла кругом. Помимо них в ресторане сидела только пожилая пара, что добавляло интерьеру ощущение старины.

Когда подали закуски, граф Виттури заговорил:

— Я позвал вас сюда не только для того, чтобы отпраздновать победу над говорящим с призраками. Скорее для того, чтобы втянуть в новое дело. Есть несколько зацепок в истории с портретом и книгой, которые привели меня к неутешительным выводам. Кто-то из падших ангелов ищет возможность вернуть Ноктурну.

Джонни вздрогнул и опрокинул бокал. Хорошо, что пустой. Настя посмотрела на него: парень был страшно бледен.

— Не может быть! Мы навсегда уничтожили ее. Тогда.

— Что за дамочка? — спросил Серж, поправляя очки на носу. Его непосредственность заставила Настю улыбнуться.

— Тоже демон. Только не из падших ангелов. Она — сама тьма, обратная сторона созидательной стороны природы. Артефакты, способные пробудить ее, тщательно охраняются или считаются навсегда утерянными, как книга.

— То есть тогда, в Венеции, это была Ноктурна? — спросила Настя, не глядя на графа.

— Будь это Ноктурна, мы бы так просто не победили. Ты уничтожила демона и артефакт, в котором хранилась только малая доля ее силы. Я на протяжении столетий старался отыскать и уничтожить артефакты. И считал, что справился с задачей. Потом всплыла книга. И я опасаюсь, что точно так же могут появиться другие артефакты, спрятанные в Иных городах, или где-то еще. Достаточно объединить несколько, чтобы вернуть Ноктурну. Два из них, я знаю это точно, уже имеются в распоряжении нашего противника. Пару месяцев назад агентство в США сообщило, что из музея в Нью-Йорке похищен камень инков. Помнишь, Джонни?

— Помню, — скрипнул зубами Джонни.

— А теперь у них есть кровь говорящей с призраками... — И черные глаза графа посмотрели прямо в Настину душу. Все внутри ухнуло вниз от страха.

— Но... он говорил, что хочет воскресить призраков, — пробормотала она.

— Наверное, только ты и призраки в это верили, — усмехнулся граф. — Он хотел набрать твоей крови. Тот факт, что ты жива, дает им возможность вернуться, если крови не хватит.

— Почему он сам не сдал свою кровь? — возмущенно спросила Настя.

— Ты — самая сильная из говорящих с призраками. Возможно, единственная, кто может взаимодействовать с ними, как с живыми. Даже если выжать всю кровь из этого мерзавца, она не будет иметь такой силы, как несколько капель твоей. Думаю, именно в тот момент, когда они обнаружили столь сильную говорящую с призраками, у тварей появилась надежда на возрождение Ноктурны. Мне жаль, Настя. Но отныне ты под охраной. Постоянной. Если та кровь, что имеется у них, станет непригодна для ритуала воскрешения, они вернутся за тобой. И тогда нам предстоит драка похлеще вчерашней.

— Почему бы не убить Настю? — хищно улыбнулась Итсаску. — И не сжечь ее тело?

— Потому что мы можем разыграть эту карту в свою пользу, — сказал граф, слегка дотронувшись до руки вампирши.

Насте стало душно.

— Идите вы все знаете куда со своей охраной и ритуальными сжиганиями! — Она отодвинула стул и бросилась вон из зала, чуть не сбив с ног официанта, несшего им закуски.

Жила же она как-то без них все это время! И проживет без них. Никто не станет за ней охотиться, что за глупость!

Она выскочила из ресторана и пошла, ускоряя шаг, пожалев о том, что не взяла пальто. В глазах

стояли слезы. Уже стемнело, зажглись фонари, улица была пуста. Поэтому, когда в одно мгновение перед ней возник человек, она не успела отреагировать и на ходу врезалась в него.

— Простите, — хотела отстраниться и проскользнуть мимо, но он крепко прижал ее к себе.

— Я же сказал, чтобы ты никуда не ходила одна! — В тихом голосе звенел гнев.

— Мне плевать, что вы говорите, я не хочу больше работать в агентстве и не хочу больше вас всех видеть! — Она попыталась вырваться, но мужчина крепко держал девушку, его пальцы впились в ее плечи с такой силой, что она была уверена: снова останутся синяки.

— Прекрати этот детский сад.

От таких слов ярость и обида только больше вскипели в душе. В бешенстве от бессилия Настя рванулась посильнее, а когда он удержал ее, наступила на ногу, ударила в живот, попыталась отцепить от себя.

— Отпусти меня! Отпусти!

Он больно скрутил ей руки за спиной, плечом прижал ее голову к себе, так, что дышать она могла, только если не сопротивлялась. Силы покинули ее. И она стихла. Голос графа у самого уха звучал глухими грозowymi раскатами:

— Я тоже не в восторге от того, что ты всего лишь маленькая капризная девочка. Было бы куда проще, будь ты вещью. Мне тоже неохота тратить мгновения своей вечности на охрану вспыльчивой, эмоционально неустойчивой смертной, которая норовит послушаться и сбежать, вынуждая искать ее и объясняться. Еще раз так сделаешь, Анастасия, и за тобой пойдет Итсаску. Тебе не нравится, но она говорит правду. Твоя жизнь в рамках спасения всеобщего равновесия не стоит ничего. Как и жизнь любого из нас. Если мы охраняем тебя, то потому что мы — команда. Но если ты думаешь, что умнее всех нас и сможешь в одиночку сражаться с тьмой, что собирается вокруг тебя, — ты ошибаешься. Все поняла?

Он отпустил ее. Она стояла, боясь поднять на него глаза. Ей было стыдно за все, что она успела подумать и почувствовать в эти минуты.

— Ты как-то привязал меня к себе? Цезарь сказал...

— Мне незачем это делать, — со вздохом нетерпения, как маленькой, объяснил он. — Ты сама привязалась ко мне. Я знаю, что думают остальные. Я захочу выторговать у тебя душу.

— Это так?

— Я думаю, ты сама мне ее отдашь, — небрежно пожал плечами граф.

— И не надейся!

— Настя, ты всего лишь ребенок. Пора повзрослеть. Интуиция у тебя неплохая, но твои страхи, сомнения, неуверенность ее глушат! — Граф Виттури слегка коснулся пальцем ее лба. — Ты ищешь во мне лишь отражение себя. Эгоистично, незрело и глупо. Я в тебе ищу тебя саму, но ты пока — лишь масса чужих страхов и сомнений. Ты стараешься соответствовать ожиданиям каждого. Вместо того чтобы заявлять о себе настоящей. Ищи себя в себе самой, а не в других. Будешь продолжать действовать, как сейчас, и влечение перекроет тебе все, а я смогу взять твою душу, как безделушку с полки в магазине. Пойдем, — чуть мягче сказал он. — Пойдем, смертная. Иначе Лика и Цезарь получат обширный инфаркт. Неизвестно, что они нафантазируют себе во время нашего отсутствия.

Он чуть подтолкнул ее, и она пошла впереди. Шаги демона позади нее, мурашки по спине... Мысли спутались в такой клубок, что не распутать. Возвращаться было стыдно. Но Диего ждал ее в холле, крепко обнял, отгородил от графа. Навстречу им вышла Лика.

— Давайте сначала поужинаем, — невозмутимо сказал граф Виттури, садясь за столик и делая знак официанту, чтобы разливал вино. — Поговорим обо всем после.

Настя ела, не поднимая глаз. Ей бы хотелось выпить как можно больше вина и забыться, но она не была уверена, что под действием алкоголя не разрешится на плече у Диего, поэтому оставалась трезвой. Подумать только, ее куда больше ранили не слова графа и Итсаску, а его жест, поглаживание руки вампирши, что после танго выглядело двусмысленно. И как Серж это выносит? И почему не выносит она? Почему ревнует так, словно ее обманывают? Словно граф принадлежит ей?

Диего что-то говорил, она отвечала невпопад, рассеянная, обиженная. Словно мокрый

наохлившийся птенец, чуть было не выпавший из гнезда и злившийся на себя за то, что не может решиться взлететь, Настя сидела, уставившись в тарелку. Ей бы хотелось не быть смертной, не быть слабой.

Среди светского разговора и позвякивания приборов вдруг раздался голос графа Виттури:

— Ты тянешься ко мне, потому что у меня человеческий образ, я подобен мужчине. Красивому, мужественному, соблазнительному мужчине. Ты ощущаешь себя под защитой, потому что мой вид внушает тебе безопасность. — Настя вздрогнула и подняла на него взгляд. Просто не верилось, что он говорил это! При всех! Но губы графа не двигались, он пил вино из хрустального бокала и наблюдал за ней из-под опущенных век. Он и в самом деле был чертовски красив. Его голос, глубокий, бархатистый, нежный, звучал в ее голове, сердце билось так часто, что она не на шутку испугалась. — Но что, если я превращусь в насекомое? — продолжал голос. — Гигантского жука с жесткими рогами и в броне коричневых крыльев. Шесть моих лапок, черных, с острыми зубринами, потянутся к тебе, и ты с ужасом отшатнешься. А если я стану змеем с ядовитыми клыками и раздвоенным язычком, который собирает свое чешуйчатое тело в упругую пружину, чтобы атаковать тебя? А если я стану львом с окровавленной мордой и нечистым дыханием, сможешь ли ты без страха смотреть на меня? Я чудовище. Я самое красивое, самое жестокое и бессердечное из чудовищ... я отбираю не только жизни, но и души. Еще никогда ты не была в большей опасности.

Холод пробрал ее. Она уже не знала, сходит с ума, или граф играет с ней и шутит нарочно.

— Кофе? — спросил официант, ставя перед Настей десерт.

Диего провожал ее на следующее утро на работу в кафе.

— Хочешь зайти? — спросила она, увидев, что парень замер на пороге.

— Я не против кофе. — Ей показалось, что он принимает к запаху заведения.

— Тогда проходи, сделаю тебе свой любимый.

Пепе вышел из-за стойки и приветливо пожал руку Диего.

— М-да, я так и думал, — довольно подмигнул он Насте. — Привкус перца и легкий аромат шоколада.

Девушка покраснела. Пепе решил, что ее любимый кофе навеян образом Диего. Но он ошибался. К сожалению.

— Спасибо, мне простой эспрессо, — не понял реплики Диего.

Он дождался, пока Настя разнесет кофе посетителям и сядет с ним за столик.

— Артефакты, о которых говорил граф, но большей части считались пропавшими, как и книга. Но теперь мы думаем, что, возможно, они спрятаны в городах-призраках, как в Иной Венеции. За остальными артефактами установлено постоянное наблюдение. Все агентства сейчас в основном занимаются этим делом. Наша задача — охранять тебя. Скорее всего, тебе ничего не грозит, но лучше перестраховаться. Занятия спортом, естественно, не отменяются.

— Я понимаю, — кивнула Настя.

Итсаску и Серж пришли за ней после работы, и она вместе с ними пошла на испанский. Они же забрали ее вечером с курсов и передали Джонни, ожидавшему около подъезда.

— Похоже, у наших соседей по квартире завязывается роман, — подмигнул Джонни. — Давай прогуляемся. Дадим им время. Перед выходом я заметил, как они обнимались на кухне.

— Юка и Мартин?! — Настя с удивлением уставилась на парня.

— Ну да! У нас есть еще соседи по квартире? — озабоченно спросил он. — Зная твои способности...

— Нет, просто... здорово! — без особого энтузиазма ответила Настя.

Некоторое время они шли молча.

— Ладно. Давай начистоту. Как ты уже поняла, мне придется спать у тебя в комнате. Хочешь, в виде собаки, как раньше, но если хочешь, то... — Он повел руками, как артист, представляющий себя на сцене, и подмигнул ей.

Настя постаралась сохранить серьезное лицо и не рассмеяться.

— Думаю, мы можем разместить в комнате какую-нибудь раскладушку или спальный мешок. Чтобы тебе было удобнее.

— ОК. Намек понял. Зря, ты многое теряешь.

— А можно как-то обойтись без этого? — спросила Настя.

Джонни пожал плечами и убрал руки в карманы джинсов.

— Не знаю, Настя.

Его голубые глаза так честно посмотрели на нее, что невозможно было поверить, что этот блондин в кожаной куртке нараспашку, синей клетчатой рубашке и джинсах — скандинавский бог. Он увидел ее нерешительность и обнял сам. Было приятно в его объятиях, под одеждой угадывалось сильное тело, которое так здорово обнимать. Запустив руки под его куртку, Настя положила ладони на широкую спину парня. Еще недавно ей бы голову снесло от восторга. Но даже сейчас, когда она не чувствовала влечения к Джонни, было невероятно приятно находиться рядом с ним.

И все-таки она не совсем понимала, почему в этой красивой сцене чувствовалась какая-то червоточина. словно кадр с их объятием поднесли к огню, и пленка стала постепенно нагреваться и плавиться, покрываясь уродливыми пятнами. Вдруг перед глазами пронеслись черные дни, черные ночи, холод севера и вопли умирающих. Вдруг сломалась и треснула корка льда на каком-то непонятном ландшафте, и рука со страшными длинными серебряными когтями вырвалась на поверхность. Прекрасные высокие герои, мужчины и женщины, одетые для битвы, попятились назад, не смея приблизиться к тому, что появлялось из-под льда. Жуткий хохот разнесся по черной ледяной пустыне...

Настя открыла глаза и отодвинулась от Джонни. Что это было? Плод ее фантазии? Но, вспомнив слова графа об интуиции, она рискнула:

— Что произошло, когда Ноктурна сломала лед?

Лицо парня дернулось, словно от пощечины. Он открыл было рот, чтобы спросить, но потом покачал головой и пригладил бороду.

— Все умерли. Все погибли. Она уничтожила всех. Граф со своим войском появился слишком поздно. Но он смог спасти мне жизнь, заточить Ноктурну в айсберг и разбить ее силу на множество осколков. Великая ведьма была повержена. Но она смеялась, даже проиграв. словно знала, что может вернуться. Говорят, если демон вступит с ней в связь, родится тот, кто уничтожит все. Весь мир. И потому нельзя дать ей воскреснуть. Это было очень-очень давно. Так давно, что мы стали верить, что она не вернется.

— Те, кто погиб... они были твоей семьей?

— Частично да. Моя жена и дети, братья и сестры, названные братья. Все, с кем я привык жить, это семья. Я был беспокойным, неверным, вспыльчивым, суетливым, но я любил их. Нам редко выпадает возможность жить в обществе. Обычно все твари по природе своей — одиночки. В любом случае все это было давно... Девушки обычно задают мне другие вопросы! — подмигнул он Насте.

Джонни попытался снова обнять ее, провел рукой по щеке, но она отстранилась.

— Настя, тебе лучше остаться со мной, чем с ним, сама знаешь.

— Я ни с кем не собираюсь оставаться. Я сама по себе! — Она скрестила руки на груди и отвернулась.

— Как хочешь, — пожал плечами Джонни. — Но, если вдруг передумаешь, я всегда сплю у твоих ног в спальном мешке. Думаю, мы можем возвращаться назад. Надеюсь, наши соседи провели это время приятнее, чем мы.

Вечером того же дня Итсаску сидела на диване, поджав под себя ноги, пила кровь из высокого бокала, слушала рок и искала информацию о краже в музее Нью-Йорка, взломав сайт ЦРУ. Серж в переднике хлопотал на кухне. Временами что-то аппетитно шкварчало и шипело, вызывая у вампириши довольную улыбку.

Не выдержав, она поднялась и босиком пошла на кухню.

Итсаску обожала, когда Серж готовил. В этот момент, окруженный продуктами, сковородками и

ножами, он был похож на генерала в разгар боя. Все вокруг подчинялось его воле, и, словно повелитель кухонной вселенной, он творил самую вкусную еду на свете.

— Ты как раз вовремя, — сказал Серж, когда она обняла его сзади и лизнула в шею. — Сейчас отправим это в духовку и через двадцать минут сядем за стол.

Итсаску подождала, пока он завернет начинку для пирога в тесто и отправит блюдо в духовку. Когда Серж повернулся к ней, села на стол, поднимая вверх по бедру шелковую алуо сорочку.

— Значит, у нас только двадцать минут.

Серж подошел к ней, и она обняла его ногами, притягивая ближе к себе. Его ладони задирали ночнушку, обнажая ее татуировку. Ее руки, торопясь, расстегивали ремень на брюках Сержа. Потом она аккуратно сняла с него очки. Итсаску обожала его уязвимый взгляд. Они как раз расположились на столе, когда раздался звонок в дверь.

Оба замерли, потому что обычно к ним в гости никто не приходил, даже соседи избегали просить соль благодаря особой «приветливости» Итсаску. Раздался второй звонок.

— Это точно к нам. — Серж нехотя натянул штаны и застегнул рубашку.

Итсаску схватила ночную рубаху и, одеваясь на ходу, пошла открывать.

— Кто бы это ни был, он — труп! — заверила раздосадованная вампирша. Серж не завидовал непутевым гостям: прервать Итсаску во время страсти равносильно самоубийству. Особо извращенному и жестокому. Поэтому он поспешил следом, чтобы, если что, остановить ее.

Итсаску резко распахнула дверь: на пороге стоял один из вампиров, которых они встретили на улице во время Хэллоуина. Серж сразу узнал его бледное лицо с подведенными глазами и анимешную прическу. Гость открыл рот, чтобы что-то сказать, но вместо слов изо рта хлынул поток крови, и вампир упал к ногам Итсаску.

Серж ругнулся по-французски, и пока Итсаску стояла, как столб, проверил лестничную клетку: пусто.

Он вернулся, когда вампирша уже перевернула труп.

— Он мертв. Не знаю, как узнал, где я живу...

Итсаску старалась говорить спокойно, но Серж знал ее куда лучше. Он оттащил ее от тела гостя и крепко обнял. Вампирша дрожала.

— Я все-таки... Мы очень долго были вместе, пока я не ушла. Это поэтому...

— Знаю...

Серж набрал номер Цезаря.

— У нас труп, — сказал в трубку, когда тот ответил.

— Алекс хотел предупредить. — Итсаску сидела на кухне и пила чай, который заварила Лика.

Цезарь и Серж увезли тело вампира к знакомому патологоанатому, чтобы выяснить причину смерти. Лика успела вымыть пол. Граф Виттури устроился напротив Лики, рядом с Итсаску.

— О чем? — Глаза графа пытливо всматривались в ее бледное лицо.

— Не знаю. В тот день, когда мы встретились на улице, он говорил, что я примкнула не к той команде, что другая сильнее и ее мощь растет. Я тогда подумала, что он просто несет чушь, чтобы подразнить. Алекс так и не смог простить, что я перестала знать с его шайкой.

— Вы долго были вместе?

— Шестьдесят два года. Потом я встретила вас. — Белая рука Итсаску легла на смуглую руку графа и слегка сжала ее. — Вы тогда вытащили меня из пропасти отчаяния, в которой я пребывала. И дали мне смысл жизни. Дали мне Сержа.

— Я не давал его тебе, — покачал головой граф. — Ты всего достигла сама. И я горжусь тобой.

Итсаску кивнула и снова замкнулась в себе.

— Но как он узнал, где ты живешь? — вернула разговор в нужное русло Лика.

— Может, выследил... Вампир всегда узнает вампира в толпе. Почти все вампиры в городе в его шайке. Но кто убил его? И почему он пришел именно ко мне?

— Может, надеялся, что ты сможешь помочь? Он ведь наверняка знал, что у тебя в подругах ангел, наверное, догадывался, что Лика умеет исцелять?

— Мне показалось, он хотел сказать что-то важное.

Итсаску уставилась в пространство, вспоминая происшедшее, и жестко проговорила:

— Убью того, кто это сделал. Все жилы ему вырву.

— Лучше попробуй отвлечься. — Граф похлопал ее по плечу. — Мы найдем убийцу.

Послышался шум открывающейся двери, на кухню вошли Цезарь и Серж.

— Есть новости? — Граф Виттури уловил растерянность на их лицах и тут же насторожился.

— Тело исчезло из машины. — Серж потерянно поправил очки.

Лика медленно поднялась.

— Если он жив, не станет скрываться. Он потерял огромное количество крови и начнет бросаться на прохожих. Нужно срочно найти его. Я поймаю полицейскую волну. — Итсаску вскочила, но потом опять села. — Но я готова поклясться, что он был мертв!

— Возможно, так оно и было. И его тело выкрали.

— Мы нигде не останавливались по дороге, погрузили тело, довезли до университета, а когда вышли, чтобы выгрузить, багажник оказался пуст.

— Мне это не нравится! — Граф Виттури анализировал возможные варианты и все больше мрачнел. — Цезарь, свяжись с Джонни, пусть будет на чеку. Вызови Диего, пусть останется здесь на ночь. Ты, Лика и я заночуем в агентстве. Жив он или мертв, но, если он пришел к Итсаску, это может быть связано с нами.

Джонни выслушал Цезаря, положил трубку и задумчиво вернулся в гостиную. Мартин и Юка в обнимку смотрели какой-то фильм ужасов. Настя сидела за столом и пыталась вы зубрить слова для экзамена. Джонни нервно прошел в прихожую и закрыл дверь на задвижку и ключ. Электрическая батарея грела гостиную, но в комнатах чувствовался зимний сырой холод. Он проверил окна и закрыл двери в комнаты.

Настя вытащила из ушей наушники.

— Что случилось?

— Ничего. — Джонни залез в холодильник, вытащил пиво и кусок пиццы. — Занимайся.

Он постарался принять невозмутимый вид, разогрел пиццу и сел лицом к телевизору, в котором монстр пожирал испуганных людей. Настя вернулась к учебе.

Диего мчался на мотоцикле по ночному городу, практически не останавливаясь: светофоры словно сговорились и давали ему зеленый свет. Несмотря на новости, думал он вовсе не об исчезнувшем трупе вампира. Он думал о том, что соврал Насте, когда рассказывал о своем первом превращении в зверя. Его сознание не погасло, как он ей сказал, нет. Он осознавал, что делает. Усталость, раздражение, физическое недомогание — все стало причиной внутренней ярости, когда на пороге вместо долгожданного лекарства появилась капризная модель, уверенная в своем совершенстве. Она хотела секса, и он уступил, но так ненавидел себя, что жаждал вцепиться в горло вредной девчонке. Когда его клыки проткнули ее кожу и пасть наполнилась горячей кровью, когда влажные ноздри ощутили запах ее плоти, он рвал ее, пребывая и зверем, и человеком. И оба получали дикое, первобытное удовольствие от власти над добычей... Нет, Настя не должна узнать его таким. Потом он тщетно пытался стереть из памяти момент дрожащего, вибрирующего наслаждения, потому что сам испугался нечеловеческой жестокости своего поступка. В этом он остался честен. Чувство вины никогда не уйдет из его души, а демон никогда не перестанет давить на эту больную точку. Он-то знал все. Ему достаточно было увидеть виноватый взгляд парня, его лицо с запекшейся кровью, заметить, как испуганно он отвел глаза. В этом и состояла его власть: демон знал все потайные

стороны души, все, что спрятано от остальных, даже от самого тебя.

Красная точка горящего впереди светофора сменилась на желтую. Диего не сбавлял скорость, рассчитав, что желтый сменится на зеленый как раз тогда, когда он подъедет к пустому перекрестку. Так и случилось. Фары мотоцикла уже освещали белые полосы перехода, когда нечто пронеслось мимо с бешеной скоростью. Диего в следующую секунду пересек переход, на перекрестке резко повернул и понесся уже в направлении мелькнувшей тени. Его зрение обострилось, проснулись инстинкты зверя, потревоженного опасностью.

Вампиры редко вспоминают прошлое. Они не любят разговоры о былом, их в основном волнует настоящий момент. Особенно если изо дня в день нужно охотиться и питаться. Существование сводится к периодам острого голода, полной сытости, сна, буйного секса и драк при дележке территории. Так живет большинство из них. Так жила Итсаску. Родом из Наварры, земли басков, она ушла из семьи, как только стали появляться первые признаки болезни. Не хотела подвергать родных опасности. Не хотела видеть, как умирают родители, как стареют братья и сестра. Долго скиталась по Испании, Франции и Португалии, стараясь нигде не задерживаться, а потом поселилась на Ибице вместе с Алексом и его небольшой стаей. Это было время хиппи, и охота не составляла проблем. Алекс принял ее в стаю, объяснил правила жизни. Только это была не жизнь, а существование, потому что смысла в ней не было никакого. Ты либо убивал, либо спал, либо шатался по острову в поисках драк и потасовок. Ей было все равно, во что она одета, часто Итсаску носила одежду убитых хиппи, или их стая забиралась в магазины ночью, переворачивала все, хватала кучу тряпок и потом делила их в своем укрытии, словно стая собак кости. Но убивать ей нравилось. Она словно давала понять своим жертвам, хватающимся за любой шанс спастись, что их существование, как и ее, — бессмысленно. Особенно нравилось, когда Итсаску давала возможность умолять, оправдываться, просить, ссылаясь на свои семьи. Доказательством пустоты было молчание, воцарявшееся после последнего хрипа жертвы. Охота и пустота. Единственные спутники ее жизни. Алекс был счастлив в своей стае. А она испытывала удовольствие, только когда воцарялась пустота. Если нет ничего, то и Итсаску тоже нет.

Когда вампирша столкнулась на набережной с человеком в черном, она выбрала его в качестве жертвы. Привычный маневр для знакомства с жертвами-мужчинами — подойти и попросить прикурить. Мужчина с готовностью достал зажигалку, и после щелчка язычок пламени взметнулся к ее сигарете. Итсаску затянулась и огляделась: на набережной все еще встречалось много гуляющих.

— Не хочешь пройтись? — словно угадав ее мысли, предложил мужчина. Голос у него был низкий, приятный. Как легко он ступил на тропу гибели!

Вампирша увела его с людных улиц в темный переулок. К тому моменту жажда стала невыносимой, и она нервно играла лезвием бритвы, крутя его в кармане.

— Тебя ждет кто-нибудь дома? — спросила она, чтобы отвлечь его.

— Нет. Я сам по себе. Мне никто не нужен, чтобы заполнить пустоту. И ничего не нужно. Ни любви, ни охоты.

Она полоснула его по горлу привычным отточенным движением. Но он отклонился ровно настолько, чтобы лезвие прошло мимо, а потом вывернул ей руку и прижал к каменному фасаду дома. Вампиры сильнее людей. Итсаску знала, что даже опытный спортсмен не смог бы одолеть ее. Но в руках этого человека оказалась беспомощной, как котенок.

— Кто ты? — прошипела вампирша, поняв, что неизвестный не торопится ее убивать.

— Я тот, кто может предложить тебе другую жизнь. Более интересную.

— В обмен на что?

— У тебя нет ничего из того, что мне нужно. Твоя душа настолько пропиталась кровью, что даже тебе тошно. Изо дня в день одно и то же. Ты тупеешь. Теряешь способность принимать решения. Прозябаешь.

Ее передернуло. Она начинала понимать, что перед ней вовсе не человек и не вампир. Это было другое существо, опасное, старое как мир, с ним лучше не играть. Его не обманешь, ему не соврешь.

— У меня нет выхода. Жизнь бессмысленна.

— Выход есть всегда. У тебя впереди десятки, может, сотни лет жизни. Ты действительно хочешь только сосать кровь?

— Это все, что я умею.

— Это то, что придется забыть, если желаешь научиться чему-то еще.

Он рассказал ей про свое агентство. Итсаску тут же согласилась. Но граф потребовал, чтобы сначала она научилась контролировать голод. Вампириша уехала с ним с Ибицы, поселилась в Пиренеях под присмотром одного из ангелов. Это был ад. Жажда приносила страшные страдания. От обычной пищи поначалу рвало. Но постепенно ее желудок заново научился переваривать пищу, а дозы крови, которые им доставляли каждую неделю в аккуратных больничных пластиковых пакетах, становились все меньше. Последний месяц перед переездом в Барселону она прожила на одном бокале крови в день. Вместе со снижением голода Итсаску стала замечать, что в ней просыпается интерес к математике. Страсть к науке стала настолько сильной, что она могла проводить часы в поисках решения уравнений.

Когда на первом рождественском балу она встретила с графом Виттури, поблагодарила его за спасение так искренне, что тот засмеялся.

— Я ничего не сделал. Все сделала ты сама. Теперь самое время вынырнуть из математических формул и исследований и присмотреться к себе. Кто ты? Ты одеваешься небрежно, и эта одежда ничего о тебе не говорит.

— Это лучше, чем быть фриком, — возразила Итсаску. — Так я незаметнее.

— Лучше быть фриком, чем никем.

Месяцы воздержания от секса и сильное природное притяжение графа сыграли с ней в тот вечер злую шутку. Она проскользнула к нему в кабинет после окончания бала. Граф Виттури сидел на диване и смотрел на пламя в камине. Итсаску хотела его так сильно, что даже не заметила, как мрачен его взгляд. Она села к нему на колени, скользнула руками по груди, прижалась к его губам. Он провел руками по ее бедрам, спине, взял за плечи и отодвинул от себя.

— Нет.

— Но почему? — Она так хотела его, что голос охрип. Каждое его прикосновение разжигало страсть. Ее тело пульсировало от желания, но, едва вампириша попыталась продолжить, он снова остановил ее.

— Я не тот, кто тебе нужен. Однажды мои крылья сомкнутся над тобой, но не сейчас.

Она заглянула ему в глаза, и ужас в одно мгновение стер горячее желание. Такая чернота была в них.

По возвращении в Барселону Итсаску набила на теле татуировку. Хищную птицу с распахнутыми крыльями. В знак того, что однажды он придет за ней, как обещал. Тогда же она начала искать свой собственный стиль в одежде. Оказалось, что выяснить, кто она на самом деле, сложнее, чем решить математическую задачу.

С приходом эпохи компьютеров Итсаску окончательно обрела себя. Алгоритмы первых ЭВМ, затем программирование, затем Интернет. Во всемирной сети она была невидимой и неуловимой богиней, могла войти куда угодно, а данные считывала быстрее, чем люди. Она стала компьютерным фриком.

Граф был для нее самым важным из всех созданий на земле. Ради него она была готова на все. Поэтому, когда он три года назад попросил завербовать одного юного гения из Франции, вампириша радостно бросилась выполнять его просьбу, не подумав о том, что это может стать самым сложным испытанием в ее жизни.

Столкновение с юным и наивным парнем стало первым болезненным напоминанием о том, что она стара, хоть ее тело молодое и красивое. От Сержа веяло свежестью, так пахнут новые вещи и дети. Первым ее желанием было разрушить это тело, этот добрый и доверчивый взгляд за стеклами очков, постоянно съезжающих на кончик носа. Но хищное желание она победила довольно быстро. Итсаску была неглупа и осознала, что граф пытается проверить ее, искушить, посмотреть, как она станет действовать.

Очень быстро Итсаску поняла, что нравится Сержу. Ей практически не составило труда убедить парня приехать на собеседование в Барселону. Но как только тот подписал договор, стало страшно. Серж ухаживал за ней, а она боялась, что причинит ему боль, если подпустит к себе. И в то же время он ей очень сильно нравился. Вампириша разрывалась между страхом и желанием, но Серж не отступал. В конце концов пришлось признаться ему, что она — вампир. Сначала парень испугался. Но потом поправил очки, улыбнулся и сказал, что готов рискнуть и попробовать.

Их первая ночь была ужасна. Итсаску убежала в ванную, пыталась успокоить голод, который

просыпался от того, что сердцебиение и пульс Сержа ускорились, температура повышалась, а кровь пульсировала так громко, что ей хотелось вскрыть его шею и глотать фонтанирующую алую питательную жидкость. Она возвращалась, и все начиналось сначала. Серж выжил. В то утро она смотрела, как он спит, ласкала взглядом его тело, и нега от полученного удовольствия, восторг от очередной победы над собой стали тем смыслом, который она искала десятилетия назад.

А теперь прошлое постучалось в ее дверь и сдохло на пороге. В глубине души она испытывала глухое удовлетворение от того, что воспоминания о ее пустой жизни окончательно померкли. И можно стереть их навсегда. Вот только смерть Алекса была странной, а исчезновение тела и вовсе поставило в тупик. Она решала эту задачу, но решения не находила. Больше всего Итсаску опасалась за людей из агентства. Одна мысль о том, что Алекс жив и мог по пути наброситься на Сержа или Цезаря, вызывала тошноту.

Настя испытывала странное беспокойство и волнение, которые приписывала предстоящему экзамену. Вопли испуганных персонажей страшного фильма долетали сквозь наушники небольшими помехами, но ее сознание словно нарочно цеплялось за них, чтобы отвлечься от заучивания пословиц и поговорок на испанском. И еще краем глаза она видела, как Джонни время от времени проверяет телефон, словно ждет звонка. Настя старалась сосредоточиться, но не получалось. Ей думалось о чем угодно, только не о поговорках.

Например, о графе Виттури. О том, что его загадочную, довольно глумливую ухмылку можно сравнить только с улыбкой Моны Лизы. Эти легкие тени в уголках губ, мягкие, едва уловимые, которые так хорошо сочетались с искорками смеха или сарказма в его темных глазах. Губы, словно высеченные лучшим скульптором. Так хотелось целовать их, скользить по их контуру пальцем. Желание оказаться рядом с графом Виттури вдруг с такой силой овладело ею, что она оторвалась от страницы, на которой уже минут пять выводила закорючки вместо слов, рассеянно уставилась на холодильник и вздрогнула, увидев незнакомого бледного мужчину.

Она узнала его в следующее мгновение. Подведенные глаза и остриженные клоками светлые волосы, личико юноши из аниме и довольно специфическая хищная улыбка говорили за себя. Медленно стащив наушники с головы, Настя смотрела на вампира, не зная, что делать.

Тот тоже молчал. Какое-то время только громкие вопли умирающих или убегающих от очередной страшилки героев резали слух. Когда кино прервалось рекламой, Мартин вырубил звук, прошлепал к холодильнику, достал бутылку кока-колы, сунул руку в вампира, взял с крючка открывашку, вытащил руку из вампира, подцепил крышку, открыл бутылку, сунул руку в вампира и вернул открывашку на место.

Настя почувствовала, как слезы застилают глаза. Вампир проводил Мартина равнодушным взглядом и снова уставился на Настю.

— Чего ты хочешь? — тихо спросила она. Слезы уже бежали по щекам, их было не остановить. Она сама не понимала, почему, когда она впервые увидела, насколько тело призрака эфемерно для людей, ей стало жалко и его, и себя.

— Я должен тебе кое-что показать. У нас мало времени.

Она встала, вытирая слезы, взяла куртку и меч.

— Настя, ты куда? — Джонни подскочил на месте.

— Пойду пройдуся, мне нужно на воздух.

Она и в самом деле была бледна.

— Я с тобой! — нервно откликнулся парень и схватил куртку. Граф велел ни на шаг не отходить от Насти. Но не сказал сидеть дома.

Настя бросила взгляд на вампира. Тот пожал плечами. Ему было все равно.

Втроем они вышли на лестничную площадку. Призрак пошел по ступенькам вниз. Насте было так тоскливо и настолько не по себе, что хотелось бросить все и сбежать в Москву. А там еще забраться под кровать, как в детстве. И сказать себе, что она в домике. Инстинкт самосохранения тянул назад, но девушке казалось, что она может помочь призраку.

Джонни ощутил, как сгущается опасность вокруг них, достал телефон, чтобы сбросить сообщение Цезарю. Но телефон не ловил сеть. Сердце пропустило удар. В этот момент свет на лестнице, мигавший с тех пор, как они вышли из квартиры, погас. Он услышал, как охнула впереди Настя, бросился к ней, но ее уже не было на лестнице. Через мгновение свет зажегся, телефон поймал

сеть, но девушки нигде не было. Джонни яростно взвыл от осознания того, какую взбучку ему устроит граф Виттури. Но когда увидел, кто поднимается навстречу, понял, что может и не дожить до встречи с графом.

— Диего пропал, Джонни прислал сообщение об опасности и тоже не отвечает. — Цезарь метался по гостиной и нервно причесывал рукой свои редкие волосы.

— Начнем с Джонни, его местоположение, по крайней мере, известно. К тому же с ним Настя, — предложила Лика, забрасывая на спину колчан.

— Остальные остаются здесь. — Граф обвел тяжелым взглядом притихшую компанию: Цезарь, Серж и Итсаску опустили глаза. — Я запечатаю двери и окна, чтобы не вылезли. Хватит с меня непослушания.

Ангел и демон вышли за дверь, Итсаску от злости метнула в дверь тапку.

— Может, поужинаем? — спросил Серж, но, не найдя поддержки, пошел на кухню доставать из духовки засыхающий пирог.

— У тебя есть варианты возможного решения задачки с пропажей вампира? — спросил Цезарь у Итсаску.

— Есть, но ответ мне совсем не нравится. Если предположить, что Алекс действительно как-то был связан с теми, кто закрутил поиски артефактов, тогда он знал, что наша группа является препятствием на их пути. А если он пошел на то, чтобы отыскать меня, значит, дело приняло настолько плохой оборот, что только память о прожитых вместе годах побудила его о чем-то предупредить. Вот только наши противники об этом узнали. И убили его прежде, чем он успел что-то сказать.

— Да, это объясняет ситуацию в целом, но куда делось тело?

— Раз полиция молчит, значит, версию о раненом голодном вампире можно отбросить. Либо он мертв и его тело украли, либо...

— Он зомби! — радостно заорал Серж, грохнув противнем по столешнице. — Ну конечно!

— Но он бы набросился на вас!

— Он мог вывалиться из машины на ходу! — Парень добродушно улыбнулся.

— Не сходится. Он все равно напал бы на людей, — возразила Итсаску.

— Значит, тело украли, потому что не хотели, чтобы мы узнали, как он умер, — заключил Цезарь.

— Теория про зомби мне нравилась больше, — вздохнул Серж.

— Где мы? — слишком громко спросила Настя, и ее голос эхом разнесся по улице.

— В Ином городе.

Призрак шел впереди нее все быстрее.

— Мы можем опоздать, поторопись.

— Но куда мы идем?

— Твой друг в беде. Я подумал, ты захочешь спасти его.

— Ты думаешь, я так тебе и поверю?

— Думаю, да. Я сдох по глупости, так что хочу довести дело до конца, чтобы не пропасть зря.

Настя с ужасом шла по городу за вампиром, держа меч наготове. Пару раз у нее возникало желание шархануть идущего впереди призрака мечом и мчаться назад, но мысль о том, что, возможно, он и в самом деле ведет ее, чтобы спасти кого-то из друзей, сдерживала.

Вдруг повалил снег, он большими хлопьями бил в лицо, поднялся ветер. Настя тут же замерзла и полезла в карманы за перчатками — заледневшими руками держать меч было неудобно. Улицы стали белыми буквально за несколько минут. Настя и узнавала, и не узнавала город, в котором

оказалась. Они шли медленно из-за ветра и снега, но вдруг вышли к Саграда Фамилии, собору Святого Семейства, возвышавшемуся сейчас над ней всеми своими башнями.

— Он достроен! — не смогла сдержать удивления Настя. В настоящей Барселоне центральная башня еще возводилась. Подумалось, что она предпочла бы недостроенный собор законченному: слишком уж мрачно выглядели высокие башни на фоне серого вечернего неба. Они словно подпирали своими вершинами тяжелые снежные облака, из которых валил слепящий снег, агрессивно залеплявший глаза, нос, рот, так что приходилось низко наклонять голову, чтобы дышать.

Вампир уверенно прошел за ограду и вошел в собор. Насте эта идея не понравилась. Она прекрасно помнила, что пережила в Венеции. Врываться в еще один храм, чтобы наткнуться там на неприятности... Интуиция говорила повернуть назад. Но, возможно, призрак действительно хотел помочь.

И тут она увидела, как вампир выходит из храма. Бледнее белого снега. Она подбежала к нему.

— Уходи отсюда, — сказал он, покачнулся и рухнул перед ней на колени, осел на белый от снега тротуар. — Я ошибся. Прости. Слишком поздно.

Настей овладел такой дикий ужас, что, проклиная свою доверчивость, она побежала прочь. С глухим стуком распахнулись двери собора за ее спиной, и воздух, снег и ее сама стало затягивать внутрь с такой силой, что она попятилась против своей воли. Ухватиться было не за что, она находилась слишком далеко от ограды, а вход оказался слишком близко. Призрак пытался удержать ее, но сил не хватило. Настя почувствовала, как ее отрывает от земли и тянет внутрь в вихре белого липкого снега. Едва она пересекла порог собора, двери с грохотом захлопнулись. Девушка грохнулась на пол, меч со звоном отлетел в сторону. Внутри было темно и жутко. Она попыталась открыть двери, но они не поддавались. Сквозь те же двери рядом с ней в собор вошел призрак.

— Зачем ты заманил меня сюда?! — Она в ярости схватила его за куртку, но тут же отпустила, потому что от контакта закружилась голова.

— Я хотел помочь. Она убила меня, когда я пытался предупредить вас об опасности. Она выкрала мое тело и твоего друга. Я думал, ты сможешь помочь мне и ему до того, как она вернется.

— Она? Кто такая эта она?

Темнота вокруг них стала бледнеть и выцветать. Постепенно собор озарился мягким полусветом.

— Она — это я! — услышала Настя женский голос за спиной.

Повернувшись, увидела возле алтаря женщину, одетую в белую робу. Подобрав по дороге меч, Настя приблизилась к алтарю. Женщина обернулась.

— О господи...

Даже в самых страшных снах за ней бегал по городу всего лишь Мрак со своим красным глазом. Но оказалось, что есть кое-что пострашнее Мрака. Белое лицо женщины с черными провалами вместо глаз и с засохшими дорожками крови на лице. Она, казалось, видит даже так, потому что, повернувшись к Насте, улыбнулась, обнажив белые зубы за красными губами.

— Ты еще что такое? — Настя крепче сжала рукоять меча. Так крепко, что даже стало больно.

— Ярость, богиня Кали, дочь всемогущего Сатаны, слышала о такой?

— Нет, — честно призналась девушка. Но женщине подходило это имя. Слепая ярость.

— Как же мне мешает ваше агентство, — пожаловалась она капризным голосом. — Вы уничтожили моих милых деток.

— Деток?!

— Разве не помнишь, как сама убивала их?

— Ламии — твои детки?!

— Медленно соображаешь. И как тебя вообще взяли? Что такое? Чего ты так трясешься? Не волнуйся, сначала мы славно повеселимся, убивая твоих друзей. А потом, когда подрастет милый демон, я с удовольствием убью тебя и посмотрю на выражение его лица, когда он поймет, что проиграл, и твоя душа отойдет к моему хозяину. Кстати, о «посмотреть»... Для этого мне понадобятся глаза. Мои он вырезал, так что придется украсть глаза у его подопечных.

Сердце Насти билось так сильно, что даже было больно от каждого удара. Но безглазая тварь не торопилась набрасываться на нее.

— Итак, у кого же мне взять зеленый глаз? У тебя или у него? — И она показала наверх.

Все это время Настя смотрела только на тварь, не замечая ничего вокруг. Она глянула вверх и увидела распятие, висящее над алтарем в воздухе. На нем вместо фигуры Христа было настоящее тело. Когда она пригляделась, поняла, что там, на кресте, обнаженный по пояс, подхваченный под мышки цепями и прибитый в кистях рук к кресту, висит Диего.

Она сразу опустила меч и в ужасе, в шоке смотрела на добычу Кали. Но дочь тьмы хотела большей боли.

— Ничего, у нас будет время решить этот вопрос. А вот насчет второго глаза выбор, боюсь, невелик.

Послышалось шарканье. Вампир, что привел сюда Настю, шел странной заторможенной походкой. Глаза его были подернуты белой пеленой, а грудь залита кровью. Появившийся рядом с ним точно такой же вампир, тот, что привел ее сюда, дал понять, что это всего лишь его труп. За собой вампир-зомби тащил чье-то тело. Почуввав Настю, он отпустил свою ношу и зарычал, делая шаг вперед и готовясь наброситься на девушку. Настя инстинктивно выставила меч вперед. Окрик Кали и непонятные рычащие слова-приказы заставили зомби остановиться и поднять тело.

Стон отчаяния сорвался с губ Насти. Это оказался Джонни. Он был без сознания, но жив, потому что его голова моталась из стороны в сторону. Ситуация становилась все более обреченной. Настя понимала, что не справится ни с зомби, ни с Кали.

— Как у нас все удачно складывается, — радостно трещала Кали. — Я отправилась за вами обоими, но нашла только красавчика-викинга, а ты сама сюда пришла. Очень мило с твоей стороны спасать друзей, только не стоит переоценивать свои силы. Ты всего лишь простая девчонка, силой обстоятельств попавшая в прекрасное общество супергероев. А очень скоро не станет ни тебя, ни их. Итак. Начнем с глаз твоего красавца-викинга.

Она схватила Джонни за волосы и подняла его голову. Занеся над его лицом соединенные вместе пальцы с длинными ногтями, резко развела их в стороны. Джонни, словно повинувшись ее жесту, широко открыл глаза.

— Нет! — Настя бросилась к Кали с мечом, но та небрежно махнула рукой, и сильная волна воздуха оттолкнула Настю в сторону, да так, что она налетела на столб, сильно ударилась о него спиной и снова выронила меч. От удара на мгновение перехватило дыхание, ноги ослабли.

Тем временем Кали обхватила пальцами левый глаз Джонни и воткнула острые когти в глазную впадину.

Настя заорала от ярости и бессилия, увидев, как кровь потекла по щеке Локи и как побагровела его русая борода. Демонесса рванула руку к себе и, покатав на ладони глаз, вставила его в свою пустую глазницу. Через мгновение на Настю смотрела женщина с голубым глазом.

— Так-то лучше. Теперь я смогу полностью насладиться мекстью. Итак, чей глаз мне забрать — твой или Диего? Решать тебе.

— Она лжет, Настя. Она добывает себе глаза не для мести. Так она увидит, кто из земных женщин сможет стать плотью для Ноктурны! — Призрак стоял в стороне, почти во тьме бокового нефа.

— Куда ты глаза косишь? — с подозрением спросила Кали.

— Смотри на нее. Она не заберет твой глаз, ей нужен глаз оборотня.

Настю трясло от происходящего. Она видела кровавую впадину на красивом лице Джонни. Видела вбитые в ладони Диего огромные гвозди. Видела раскачивающегося зомби. Смотрела на самодовольное лицо ведьмы, стоящей перед ней.

— Ты мерзкая жестокая тварь!

Ее противница улыбнулась.

— А ты бесполезная девчонка. Вот и скажи мне, что хуже.

Она приблизила окровавленную руку к лицу Насти. Против своей воли девушка отвернула голову.

— Что ж, тогда глаза лишится котенок.

Распятие стало опускаться. Демонесса отвернулась от Насти и пошла к Диего. Настя осторожно

подняла свой меч и бросилась на Кали. Но меч развернуло в сторону, а вместе с ним отшвырнуло и девушку. Крест с глухим стуком коснулся пола. Кали была совсем близко от Диего. Настя взвыла от безысходности и, отбросив меч, помчалась к ней. Зомби бросил Джонни на пол и схватил Настю за ногу. Девушка грохнулась на землю и закричала, отбиваясь. Мертвый вампир раскрыл рот и со всего размаха вонзил зубы в ее сапог. Она лягнула его в лоб свободной ногой. Зомби отцепился от сапога, и в это мгновение стрела пронзила его голову. Вампир обмяк. У главного входа в собор, противоположного алтарю, Настя увидела Лику. Ее золотые волосы светились мягким светом. Не теряя времени, Настя встала и побежала к Диего.

Кали как раз тянула свои пальцы к его глазу. Девушка набросилась на нее, вцепилась в волосы, норовила расцарапать лицо, но ее тут же скрутила страшная боль — судорога, от которой она упала и с диким криком забилась на полу.

Кали отпихнула от себя корчащуюся девушку и одну за другой отразила стрелы Лики. Все они вернулись, заставив ангела уворачиваться от своего же оружия. Торопясь, демонесса повернулась к оборотню, чтобы вырвать его глаз, но вместо распятия и парня увидела графа Виттури. Он схватил Кали за руку. Та злобно зарычала, выхватив кинжал, со всей дури ударила графа в живот, а потом вытащила окровавленный клинок. Граф на мгновение выпустил Кали. Настя закричала, но тело ее не слушалось, несмотря на острейшее желание вцепиться в тварь. Демон не обратил внимания на рану. Когда ведьма, понимая, что к Диего ей путь закрыт, метнулась к девчонке и почти схватила ее за косу, чтобы перерезать горло, граф одним взмахом руки отбросил Настю в другой конец собора, к Лике. Девушка проехала по полу и оказалась у ног ангела. Тогда Кали взвилась вверх. Граф — за ней. В витражной розетке демонесса заметила тень Азazelло и бросилась к нему. Граф пытался поймать ее, но Кали была проворнее. Хохоча, она выскользнула в какую-то лазейку и исчезла.

Демон опустился на пол собора и подошел к Лике, хлопотавшей над бьющейся в судорогах Настей. Изо рта уже шла пена.

— Не могу остановить! — Лика в ужасе посмотрела на демона. Страх сделал ее васильковые глаза темными и глубокими.

— Займись остальными. Я ей помогу.

Ангел послушно убежала к парням, лежавшим у алтаря.

Граф Виттури от головы к ногам провел ладонью над Настей. Заклинание было сильным, но демону подчинилось тут же. Судороги прекратились, и девушка с облегчением вздохнула.

Он вытер пену с ее губ, дал ей выпить из своей фляги. Потом приподнял и оставил сидеть, опершись на одну из колонн. А сам пошел к Лике.

— Ваша рана! — слабо окликнула его Настя.

Граф Виттури усмехнулся. Она когда-нибудь думает о себе?

— Я бессмертен, — бросил он, не оборачиваясь.

Диего уже пришел в себя. На нем все заживало быстрее, чем на людях. Демон забрал его первым и перенес в Барселону, в квартиру Итсаску. Джонни потерял глаз. Тут Лика была бессильна. Она лишь остановила кровотечение и перевязала Локи. Когда граф унес Джонни, Анжелика подошла к Насте.

— Как ты?

Девушка пожала плечами и расплакалась.

— Не плачь. — Лика села рядом и обняла ее крепче. От объятий ангела стало легче. — Ты сделала все, что могла. И даже больше.

— Тут еще призрак, — сказала Настя. — Того вампира. Просит, чтобы я убила его. Так он якобы освободится.

— Я не уверена, что ты способна убивать призраков. Скорее ты отсылаешь их из этого мира.

Настя помолчала.

— Он говорит, его это устраивает. Это лучше, чем бродить среди людей, не имея возможности пить их кровь.

Лика улыбнулась. Встала, нашла меч Насти и принесла его.

Настя взяла меч в руку. Она не могла подняться, но призрак опустился перед ней на колени.

— Не думал, девчонка, что буду тебе обязан, когда повстречал тебя на улице Барселоны. Ты не из тех, что производят впечатление и остаются в памяти. А вот пришлось даже на колени перед тобой встать. Передай Итсаску, что я ей всегда завидовал. Она смогла изменить правила игры. А я нет.

Призрак упал на клинок меча и растворился в воздухе. Настя опустила оружие. Они с Ликой сидели в темном соборе, обнявшись, пока перед ними из темноты не появился демон.

— Лика, ты первая. Иди в агентство. Я приду туда с Настей.

— Мы можем вместе... — нерешительно начала Лика.

— Делай, как сказал, — грубо прорычал граф Виттури из темноты.

Лика нехотя поднялась, взяла лук и ушла.

Темнота перед Настей оставалась неподвижной, и она, чтобы преодолеть страх, заговорила:

— Почему все это случилось именно в храме? Разве демоны и нечистая сила могут входить в храм?

— Могут, конечно.

— Значит... все неправда? Все, чему учат? Вера, Бог, рай, ад? Всего этого не существует, все обман? Только зло вокруг... — Она обхватила себя за плечи.

У графа не было желания вступать с ней в дискуссии на религиозную тему. Все равно не поймет. Он сгрэб ее в охапку и поставил перед собой.

— Подумай о том, что такое рай. Рай — это отсутствие сомнений, поисков, экспериментов, страсти. Рай — это жизнь животных. Это не конкретное место, а способ существования. Как только в сознание человека врывается знание, рай для него заканчивается. То же самое с адом. Ад пуст, все бесы здесь. Ведь ошибки и проступки, равнодушие и страсти именно тут.

Она разозлилась.

— Хватит сыпать цитатами! Это не твои слова, ты срываешь их с губ других людей!

— Срываю? — изумился демон ее наглости. — Или нашептываю? Может, у меня авторские права на всю эту дребедень!

Настя почувствовала смех в его тихом голосе. Да он просто издевается над ней!

— На все? Ты претендуешь на все?!

— Я во всем, что когда-либо создавало человечество. Почему бы и нет?

— Но я хочу услышать тебя. Не Сократа, Гете и Булгакова. Тебя.

— То, что я думаю, не так красиво.

— Скажи.

Он приблизился к ее уху, и, когда заговорил, тихо, раскатисто, словно гром вдали, она задрожала.

— Тебе лучше сбежать, маленькая девочка. Волк слишком велик и хитер для маленькой Насти. Ты не справишься, маленькая девочка. Ты в лесу. И за каждым деревом волки.

— Я не боюсь тебя, демон! — Она постаралась унять дрожь в коленках и подняла подбородок.

— Ты еще не знаешь демона. Ты знакома лишь с графом Виттури. Демон слишком огромен для разума маленькой девочки. Твой лес темен, опасен, полон ужасов... — Каждое его слово раскаленным кинжалом било в ее сердце.

— Я не маленькая девочка. У меня есть меч! — Дрожь стала такой заметной, что она клацнула зубами.

Но граф, казалось, наслаждался ее страхом и попытками выдержать напор.

— Девочки-воины долго не живут. Жанна тоже считала, что в силах бороться со злом. Один неверный шаг, и те, за кого ты борешься, кого защищаешь, разорвут тебя в клочья. Есть только ты, темный лес и волки. Ты можешь осветить все вокруг огнем своего сердца, но помни, что огня не хватит на весь лес, свет исчезает, мрак побеждает, а горячее сердце рассыпается на искры и гаснет.

— Тогда в чем смысл всего? — Она крикнула, и эхо разнесло вопль по храму.

Демон обнял ее, и дрожь, от которой тело девушки ходило ходуном, улеглась. Довольно испытаний на сегодня.

— Вот это я и ищу, — промурлыкал он ей на ухо.

Его руки крепко держали ее за талию, голова кружилась от его прикосновений и голоса.

— Может, он в волке, в лесе или в тебе, маленькая девочка. Или во мраке, скрывающем все это. Пойдем домой, маленькая Настя. Ты однажды вырастешь до Анастасии, если волки не растерзают тебя до этого.

Смысл сказанного был неясен, но ее сознание цеплялось за перекаты его голоса, как за нить Ариадны, способную вывести из ночного кошмара, в который давно превратилась реальность. Покорно, доверчиво, она уткнулась ему в плечо, хотя безумно хотелось обнять его. Мрак смотрел на них сотнями равнодушных глаз. Демон усмехнулся ему с вызовом, подхватил рыдающую девушку и шагнул с ней в проход.

Из дневника Насти

Я сломалась после того вечера в Ином городе. Что-то неисправимо повредилось во мне, нарушилось. Так на фарфоровой чашке ни с того ни с сего появляется трещина. Может, это осознание того, что мы не так круты, как казалось до этого. Я думала, мы победоносны, неуязвимы, эта мысль жила во мне, несмотря на то что здравый смысл давал понять, что мы уязвимы. Но именно после того как Джонни потерял глаз, а яничего не смогла сделать, чтобы этому воспрепятствовать, во мне резко упал боевой дух.

Помимо того, что меня до сих пор сильно знобит, я ощущаю чувство вины перед Джонни. Я была там и ничего не смогла сделать, чтобы ему помочь. Джонни теперь носит повязку на лице и шутит, что решил стать пиратом, но мне кажется, что его здоровый глаз смотрит на меня с осуждением. И еще в нем ощущается какая-то внутренняя ярость, которой я начинаю побаиваться.

И в то же время именно он через два дня сгреб меня с дивана в кабинете Цезаря, откуда я не выходила, мучаясь из-за пережитого, и вместе с Диего вытолкал на экзамен по испанскому. Экзамен я сдала плохо, потому что все то время, пока сидела, склонившись над листами с тестами, в голове звучал голос этой дьяволицы:

— Бесплезная девчонка!

Да уж, куда бесплезнее.

После экзамена вернулась в агентство. На диван рядом со шкафом с книжками по демонологии, которые противоречат друг другу. Устав блуждать в догадках и сомнениях, отправилась бродить по кабинетам. Итсаску снова «медитировала»: на черном экране быстро мелькали строчки. Цезарь с Ликой занимались планированием поездки в США — на встречу с американским агентством по поводу пропавшего музейного экспоната. Серж с помощью какой-то мини-сварки пытался приварить проводки в странном приборе.

— Что делаешь?

Он снял сварочную маску, поправил очки и взъерошил волосы. Улыбнулся мне задорно и приложил палец к губам.

— Это секрет. Пытаюсь сделать прибор, который засекает демонов.

— В присутствии графа этот прибор вряд ли принесет пользу... — усомнилась я.

Серж поманил меня ближе.

— Можно будет исключить определенные волны, которые принадлежат именно ему! — Он показал мне непонятные хаотичные чертежи и явно хотел дальше рассказывать о приборе, но я спросила:

— Серж, а ты не ревнуешь Итсаску к графу?

Парень удивленно наморщил лоб:

— А почему я должен ревновать?

— Ну... — осторожно сказала я. — Она так с ним танцевала...

— Это всего лишь танец, Настя, — засмеялся Серж. — Итсаску его обожает как учителя. Тем, кого любишь, надо доверять. Я доверяю ей, не сомневаюсь ни минуты. Если она решит закончить наши отношения, она скажет прямо, потому что врать и сочинять красивые фразы — это не про нее. Сама знаешь, она рубит сплеча.

— Нелегко быть человеком в такой компании... — вздохнула я.

Серж посмотрел на меня внимательно:

— Эй, ты что? Не вздумай считать себя незначительной. На то мы и команда, чтобы каждый был важен. И потом, у тебя есть дар, особенный. Разве это не здорово? Я всего лишь техник и разработчик новых устройств, если на то пошло. А ты видишь призраков.

— Это не совсем тот дар, который мне хотелось бы иметь, — возразила я.

— Мы не выбираем, нас выбирают, — пожал плечами Серж. — Главное, что мы все вместе, а с остальным справимся.

— Серж, а что за портрет стоит на лестнице агентства? — решила я поменять тему.

— Это мое изобретение, камера для слежения, которая оценивает проходящего на предмет опасности. Если есть опасность, то в агентство подается звуковой сигнал.

Диего заглянул в лабораторию:

— Серж, ты мне нужен. В кабинете Цезаря вышла из строя система связи. А прям вот сейчас на связь должно выйти агентство в Нью-Йорке.

Ребята ушли, а я погасила свет в лаборатории и двинулась дальше по коридору. Вдруг вспомнила про комнату, где стоит только один стул, и заглянула в нее.

Граф Виттури сидел на стуле спиной ко мне, лицом к большому окну, за которым был виден город. Я сначала решила пройти мимо, но потом осталась, чтобы смотреть на его волосы, широкую спину, лежавшие на коленях руки с красивыми пальцами. Голова его была запрокинута, блики от аквариума на потолке оставляли на лбу золотистые дорожки.

— Демонесса, которую ты уничтожила в Венеции, — вторая дочь Люцифера.

Я поняла, что он знает о моем присутствии, вошла и закрыла за собой дверь.

— А натурщица?

— Всего лишь служила ей телом. А та, что напала на Джонни и Диего здесь, в Барселоне, его первая дочь. Вечно слепая Ярость. Кали теперь обладает глазом Локи. Сколько времени пройдет, прежде чем она найдет глаз оборотня? Прежде чем увидит женщину, которая станет телом для Ноктурны? Мы пытаемся отсрочить неизбежное. Ноктурна породит того, кто покончит с этим миром навсегда. Нами играют, как пешками, а мы пытаемся переписать сценарий в свою пользу.

— У нас получится?

— Может быть. Но когда все ветки бьют тебя по лицу, ты в чужом лесу.

Мне хотелось сбежать от всего этого. Сбежать от графа... Мысли о нем преследовали постоянно. Что бы я ни делала, образ демона, его тень стояла в подсознании. Когда наступала ночь, я оставалась наедине с этими мыслями и не находила сил противостоять им или как-то отвлечься. Меня изматывало желание, физическое страстное влечение к его телу.

Когда мы появились в агентстве после столкновения с Кали, граф небрежно бросил меня на диван, стащил с себя окровавленную рубашку, обнажил такой торс, что у меня дыхание сразу перехватило. Потом он повернулся к Лике, чтобы взять чистую одежду. Я ожидала увидеть на его спине шрамы или следы от крыльев, но... там были мышцы, чуть смуглая кожа, ровная, без родинок, шрамов и татуировок. Перед ним он являлся мне таким. Хочется дотронуться до его спины, провести рукой по коже, опуская ладонь все ниже. Я хочу узнать, как он целуется, хочу вдохнуть его запах, почувствовать контакт с ним, соединить наши солнечные сплетения так, чтобы мучительная тяга успокоилась и ослабла хоть на мгновение. Мы почти не виделись в эти дни. Граф постоянно был с Ликой и Джонни, я порой слышала их голоса в коридоре агентства. Я ему не нужна. Вопреки моим ожиданиям демон не бежит за мной, пытается отнять душу или соблазнить. Он вообще про меня забыл. Граф прав... я всего лишь маленькая девочка в темном лесу. Я сдамся, как только он приблизится ко мне.

Граф Виттури даже не пошевелился, говоря со мной. А если бы он встал, если бы подошел, мне было бы легче переносить душевное напряжение и страх перед неизвестностью.

Ночные кошмары — еще одна из причин, по которым я не торопилась засыпать и думала о графе. Лучше думать о его теле, мучиться от желания, чем убежать по темному городу от Мрака, пытаться спастись в лесу от демонесс или от зомби. Лика варила мне успокоительные чаи, но кошмары все равно не уходили. А утром было сложно проспать, да и не хотелось.

На следующий день Лика отвела меня в кафе на работу. Практически силой. Пепе увидел меня и нахмурился. Я отработала смену, но выходить на улицу не хотелось. В кафе Пепе появлялась иллюзия, что все беды остаются за дверью. Так тут хорошо и спокойно. Несмотря на то что я видела Диего, поджидавшего меня на углу, я затеяла генеральную уборку барной стойки. Пепе подсел и долго подсчитывал что-то в своей бухгалтерской книге, которую вел по старинке. Мы долго работали в полном молчании, так что было слышно тиканье старых часов в подсобном помещении, показывающих неправильное время. Пепе всегда шутил, что время они показывают правильное, просто это время в каком-нибудь другом городе. Я мыла чашки и думала о графе Виттури. Мне бы хотелось, чтобы он вошел в это кафе, сел за стойку и заказал кофе. Каким он будет? С перчинкой? С шоколадным вкусом? Соленый? Или просто очень крепкий, с большим количеством черного осадка?

Его губы будут иметь вкус этого кофе, если поцеловать его после того, как он сделает первый глоток...

Чашка со звоном выскочила из рук в раковину. Хорошо, что не разбилась. Но я не выдержала. Только сейчас поняла, как все во мне натянуто — нервы, мышцы, сухожилия — словно я пыталась превзойти саму себя, не желая признавать, что выше головы не прыгнуть. Я оперлась руками о мойку.

«Бесполезная девчонка».

Я такая бесполезная, что меч падает из рук, желание побеждает рассудок, а интуицию заглушают какие-то дурацкие доводы.

— Все в порядке, дочка? — Пепе внимательно смотрел на меня.

— Да, — как можно более живо ответила я. Получилось — как радостное восклицание мертвеца в гробу. На самом деле мне очень хотелось поплакать, но я понимала, что плакать можно только ночью, наедине с собой, когда горечь и страх перемешиваются с желанием и отчаянием. Я никому не могла рассказать о своих мыслях и сомнениях. Ни с кем не могла поделиться. С Цезарем я пыталась разобраться в части проблем, но он все свел к графу, еще раз запретил мне с ним сближаться и оставил наедине со всеми страхами. Моя психика не выдерживала ирреальности происходящего. Еще немного, и я ударюсь в истерику от всего, что происходит вокруг. Я не справлюсь. Я не герой. Господи, да я даже не могу взять себя в руки и вести себя прилично со взрослым мужиком! Как перестать фантазировать, как стать сильнее самой себя? Еще немного, и меня просто взорвет от всего этого безумия.

На квартиру мы с Джонни вернулись через неделю после того, как покинули ее вместе с призраком. Юка и Мартин устроили нам праздничный ужин. Как оказалось, Джонни наплел Мартину целую историю о том, как мы ездили в Пиренеи и там с ним произошел несчастный случай — он потерял глаз, но зато мы сблизились. Очень сблизились.

Пока я врубалась в эту историю, которую Джонни мне конечно же не рассказал заранее, приходилось глупо улыбаться, молчать и пытаться показать бровью или уголком губ мое истинное отношение к его выдумкам. Потом я долго шипела на него шепотом, но он молчал, и только синий глаз зло сверкал рядом с черной повязкой. Меня изматывало его присутствие рядом. Чувства вины и страха перед ним, совершенно необъяснимого и нового, такого колко-хрустящего, как вещь с магазинной полки, пиявками пили мою душу. Почему-то этот новый Джонни с внешностью пирата не заслуживал доверия, как раньше. Его розыгрыши стали злыми. Если мы все и раньше страдали от его довольно невинных шуток — он мог во время обеда незаметно убрать со стола бутылку пива Мартина, стрелкнуть телефон Итсаску, спрятать инструменты Сержа в столе Лики, напугать внезапным появлением из-за угла Юку — то теперь стал просто невыносим. Поджег локоны Лике, ввел вирус в компьютер Итсаску, залил какой-то несмыслимой грязью новое пальто Диего. А меня подставил морально. Заставив врать в глаза друзьям.

Пишу это, а меня от злости потряхивает. Даже в своей комнате не могу побыть одна: ночью одноглазый нес, словно Цербер, сторожит меня, лежа у ног.

Ночью Настя внезапно проснулась. Села на кровати и долго не могла понять, где сон, а где явь. Ночные кошмары стали такими четкими, что, проснувшись в темноте, она пыталась определить, где находится. Рычание собаки сбивало с толку, но потом она сообразила:

— Джонни, что происходит?

Настя протянула руку и нащупала лежащего в ее ногах пса. Его шерсть стояла дыбом. Под ее рукой пес превратился в мужчину и через мгновение навис над ней черной тенью.

— Тише!

Настя лежала, боясь шевельнуться. От Джонни шло тепло, он крепко обнял ее и лег рядом. Это было очень кстати, потому что после происшествия с Кали она все время мерзла. Но девушка тут же подумала, что это очередной розыгрыш, хотела возмутиться. Джонни зажал ей рот. И вдруг она услышала помимо их дыханий еще одно, свистящее, под дверью. Кто-то стоял там, сипло дыша, и Настя почувствовала, как от страха каждый волосок на ее теле становится дыбом. В темноте сверкнул серебряный топорик, который Джонни аккуратно взял в руку. Они лежали, прижавшись друг к другу, несколько минут, пока, тихий вздох не раздался под дверью, и шаги не удалились по коридору.

— Кто это был?

— Не знаю. — Шепот Джонни был искренним, с тенью страха. — Но он ушел.

Настя вдруг осознала, что они лежат в обнимку, тесно прижавшись друг к другу. Джонни, положив оружие в сторону, обнял ее крепко, а потом ласково провел подушечками пальцев по подбородку и шее.

— Я думаю, уже можно и разойтись, — осторожно предложила Настя.

Но он и не думал от нее отодвигаться. Вместо этого его борода, такая шелковая и нежная, коснулась ее щеки, а губы прильнули к ее губам.

Все произошло так быстро — только Настя решила сопротивляться и попыталась оттолкнуть его, как Джонни сам, стиснув зубы, чтобы не закричать, с придушенным воплем, превратившимся в протяжный стон, откатился от нее подальше. Она вскочила и включила свет. Джонни был обнажен, на нем остались только фенечки на запястьях. Его сильное тело, скрючившееся от боли, через секунду выпрямилось, он сел, закусил палец и еле сдерживал крик. Настя увидела, как на его спине и руках из-под кожи проявляются чернильные рунические надписи. Трясущимися руками она нашла мобильник и нажала первую кнопку срочного вызова. Диего.

Диего примчался быстро, вслед за ним прибыли Лика и граф Виттури. Пока Диего усыплял разбуженных шумом Юку и Мартина, граф, бросив мимолетный взгляд на растерянную и бледную Настю, пошел к Джонни.

На скандинавского бога было больно смотреть: за те минуты, что Настя ждала друзей, руны из татуировок начали медленно превращаться в кровоточащие раны, а затем в язвы. Простыни были безнадежно запачканы кровью Локи. Настя переминалась в сторонке, пока Лика и граф, склонясь над Джонни, тихо переговаривались.

Лика попыталась залечить лопнувшую кожу и глубокую, как порез, рану на плече, но отдернула руку.

— Это какое-то проклятие. Я не могу.

— Хорошо, уведи Настю.

На кухне Лика заваривала чай, пока Настя нервно подскакивала при каждом вопле Джонни.

Диего сел рядом, обнял, и девушка, внезапно обмякнув, положила голову ему на плечо. Сейчас ей было не важно, что оборотень насылает морок. Она хотела хоть как-то забыться, чтобы не слышать воплей Джонни и не думать о том, что причиной его состояния стал поцелуй.

Граф вышел из спальни и в ответ на немой вопрос синих глаз Лики покачал головой.

— Слишком сильное, придется вызывать помощь. Я уже связался с Ильвиrom.

— Нужно перевезти Джонни в агентство, — сказал Диего. Черные глаза графа остановились на Насте, мирно спящей на плече оборотня. — Вредно столько часов держать под гипнозом ее соседей.

Через два часа все были в агентстве. Серж, привезший их, отправился вместе с Итсаску домой, досыпать. Лика принесла кофе и выпечку, Настя переоделась и умылась, но комната, где лежал Джонни, оставалась закрытой, в нее входил лишь граф. Временами оттуда доносились страшные стоны. Казалось, Джонни сдерживается, чтобы не кричать все время, но иногда теряет выдержку, и боль протяжным воплем заявляет о себе. Когда он так стонал, Настя впивалась ногтями в плечи, чтобы не заплакать. Диего прижимал ее к себе, шептал слова утешения, легонько дул на ее мокрый от напряжения лоб.

Еще через четыре часа появился Ильвир с чемоданом книг. Вместе с ним порог агентства перешагнула невероятной красоты женщина: она была одета в брючный белый костюм, подчеркивавший ее высокий рост и божественную фигуру, рыжие волосы были уложены волнами, как у голливудских звезд времен черно-белого кино. Полные губы, покрашенные красной помадой. Глаза с поволокой под идеальным изгибом бровей. Красавица проигнорировала вежливое приветствие Лики, кивнула Диего, насмешливо блеснула взглядом на Настю, так что той стало неудобно в джинсах и свитере. Граф вышел к ним, и гостя, словно волна, «прихлынула» к нему, обвила руками за шею и поцеловала в губы. Граф Виттури привычно скользнул рукой по ее талии, прижимая к себе, но на толику секунды в его глазах проскочила насмешка над Настей.

— Рад снова тебя видеть, Рита, — сказал он, довольно улыбаясь, как только их губы разомкнулись.

— А я вас, господин граф. — Голос у нее был невероятный: с хрипотцой, низкий, обволакивающий.

Рита еще раз махнула графу закрученными ресницами и улыбнулась.

— Где он?

Граф жестом пригласил ее пройти, Ильвир последовал за ними. Настя с отчаянием проводила взглядом эту странную тройцу: демона, красавицу и карлика. На душе скребли кошки. От этого поцелуя, такого, казалось, привычного для них обоих, все у нее внутри оборвалось. Как могла она что-то себе представлять или воображать, если есть такие, как Рита? Да она по сравнению с ней серая мышь, а все туда же, демона ей подавай! Стыд жег внутри.

Чтобы отвлечься, она стала помогать Лике на небольшой кухоньке: помыла чашки после завтрака, разобрала посуду, протерла пол. Лика отвечала на письма, но время от времени с облегчением посматривала в сторону Насти. Какое неожиданное счастье, что приехала Рита! Лика не очень ее любила, но сейчас ее появление было кстати. Настя должна отказаться от графа, а он отвязаться от нее. Обстоятельства постоянно сталкивали их, и страх за душу Насти неприятной липкой паутиной опутывал душу, мешал общению с графом. А ведь раньше она ему доверяла. В агентстве работало немало обычных девушек и женщин, и он никогда не вел себя с ними так, как с Настей. Граф Виттури старался не смущать их, держался отстраненно и сухо. А тут... их тянуло друг к другу со странной силой, потому что Лика знала: демон очень осторожен в вопросах торговли душами. Именно поэтому она осталась с ним. Но теперь Анжелика чувствовала: Главный не прочь завладеть душой Насти. Может быть, причина в особенностях девушки как говорящей с призраками, но Лика считала себя обязанной защищать ее.

Вопль Джонни разлетелся по агентству. Настя уронила швабру, ее черенок со звонким стуком упал и отскочил от кафеля. Она бросилась по коридору на крики Джонни, но Диего поймал ее по дороге.

— Тебе нельзя туда.

— Что они с ним делают?

— Они пытаются снять проклятие. Не влезай, Рита очень сильная, она ему поможет.

— Кто она такая?

Диего силой увел ее в кабинет Цезаря и закрыл дверь. Крики за стенкой были невыносимы.

— Она ведьма, королева ведьм. Это долгая история. Но Рита сильная, она справится, с Джонни все будет хорошо.

— Это я виновата, ведь так?

— Нет, конечно! — Зеленые глаза Диего вспыхнули успокаивающим светом. — Кали наложила на тебя сильное заклятие, которое граф снял, но в тебе остался вред для других. Думаю, Кали надеялась, что первым к тебе прикоснется граф. Но это оказался Джонни. Заклятие столь мощное, что он может погибнуть, если Рита не остановит его действие. Но она справится. Обязательно.

Настя медленно входила в транс под взглядом Диего. Погружаясь в сон, она подумала вдруг, как хорошо было бы проснуться и ничего не знать о демонах, оборотнях и ангелах.

Она проснулась в кабинете Цезаря, когда за окном начали сгущаться вечерние сумерки. Стояла тишина, не было слышно ни разговоров, ни шагов. Настя села на диване, протерла глаза, потянулась.

Около окна в бледном свете уходящего дня четким силуэтом вырисовывалась фигура с тонкой талией и соблазнительными бедрами. Настя щелкнула выключателем торшера, и Рита, озаренная золотистым светом, шагнула к ней.

На ней было красивое зеленое платье, оно поблескивало, словно чешуя, рыжие волосы локонами падали на плечи и спину. Движения ведьмы были плавными, неторопливыми и невероятно чувственными. Она села рядом с Настей, чуть прикасаясь к ней коленом.

— Как ты, девочка? — Голос грудной, заманчивой, терпкий.

— Как Джонни?

— С ним теперь все в порядке. — Рита взяла руку Насти в свои ладони. Ее тонкие пальцы, изящные запястья, нежная кожа вдруг отпечатались в сознании ярким восточным узором. Настя смотрела на Риту и выхватывала все больше подробностей: яркий аромат, движущийся в воздухе, словно калейдоскоп из разноцветных стеклышек в детской игрушке, легкий румянец на щеках, отдельный локон, свесившийся как раз посередине зеленой радужки глаза, мягкие тени на лице, бледный цвет кожи и легкие, словно золотая пыль, веснушки.

Чувственность этой красоты все больше кружила голову. Рита ласково провела рукой по щеке Насти.

— Какая ты еще юная, — вздохнула она.

Настя с удивлением отмечала непонятные мысли: ее интересовало, какие на ощупь эти губы, теперь естественные, без помады, но от этого еще более притягательные? Она понимала, что это очень странно, но Рита встала и потянула Настю за собой.

— Хочешь поведать Джонни?

Ее низкий голос звучал тихо, девушка поднялась, но Рита не торопилась идти, вместо этого она наклонилась к Насте, нежно взяла лицо девушки в свои ладони. Звякнули на запястьях золотые браслеты. Настя подумала, что Рита — будто жидкое золото, перетекающее, обтекающее, заполняющее все пространство. Губы Риты оказались мягкими, нежными, волнуемыми. Она целовала Настю, крепко обняв за плечи. Даже под закрытыми веками девушка увидела вспышку золотого света, но было так приятно, так хорошо. Она ощущала грудь и бедра Риты, ее аромат, пальцы чувствовали материал ее платья. Рита завершила поцелуй, тяжело дыша, прижавшись лбом ко лбу Насти. Та медленно открыла глаза. Золотой свет померк, испарина покрывала лоб и щеки ведьмы, она устало отодвинулась от Насти и села на диван.

— Рита? Все в порядке? — Насте было неловко говорить с ней, но стало понятно, что ведьме нехорошо. Вздупались под кожей вены, дорожками и веточками побежали от шеи к рукам и ногам. Руки судорожно вцепились в подушки.

Настя испугалась, выбежала в коридор за помощью и столкнулась в дверях с графом. Она не успела ему ничего сказать, по ее лицу он понял, что что-то не так. Отодвинул ее, вошел, стремительным шагом приблизился к Рите.

— Как это случилось? — Он перевел черные глаза на Настю. Девушка от страха побелела и съезжилась.

— Рита меня поцеловала, — тихо сказала она и покраснела.

Граф дотронулся рукой до запястья ведьмы, но тело красавицы выгнулось дугой, голова, лежавшая на спинке дивана, поднялась, и Рита страшным, утробным, скрежещущим голосом произнесла:

— Самаэль!

Настя от страха сделала шаг назад и прижалась к стене. Она видела, как исказилось, словно от боли, лицо графа, черной массой нависшего над Ритой.

— Напрасно стараешься, Самаэль. Победа за ним. Всегда.

Граф зарычал, выставил руку вперед, тело Риты задрожало мелкой дрожью.

— Не всегда, Аزازелло.

Насте показалось, она видела тень, вырвавшуюся из Риты и рассеявшуюся в воздухе. Ведьма глубоко вздохнула, словно вдруг освободилась, и открыла глаза.

— Я спала? — с удивлением спросила она.

— Как спящая красавица, — заверил ее граф.

Рита перевела взгляд на Настю.

— Не бойся. — Она ясно улыбнулась испуганной девушке. — Я сняла с тебя проклятие.

Граф протянул Рите руку, помогая встать с дивана, и она, поднявшись, прильнула к нему мягкой волной, обвила за шею. Настя не стала ждать продолжения, выскользнула из комнаты в коридор. Вошла на кухню, трясущимися руками щелкнула кнопкой чайника и, пока закипала вода, старалась изгнать отпечатавшееся на сетчатке глаз объятие графа и Риты. Такой идеальный по красоте образ, что, если бы он не причинял ей столько боли, она бы долго его смаковала, как кадр из фильма, как картину, как статую.

Внезапный удар сзади застал ее врасплох, на нее кто-то прыгнул, развернул к себе. Джонни. Единственный синий глаз горел ледяной ненавистью.

Он схватил ее за горло и начал душить. Настя не могла ни крикнуть, ни вырваться. Она попыталась оторвать его пальцы от горла, но это было невозможно. Воздуха отчаянно не хватало. Джонни приподнял ее, ноги забились в воздухе. Взмахнув в отчаянии руками, она столкнула чашку со столешницы, и та разбилась. Краски перед глазами померкли, все потемнело, кроме синего, горящего стужей смерти глаза Джонни. Снова удар и внезапное освобождение. Настя хватала воздух и никак не могла откашляться. Горло саднило.

Граф тряс ее, как игрушку.

— Ты в порядке?

Она кивнула, и демон оттолкнул ее, шагнув к лежавшему без сознания на полу Джонни и Рите, склонившейся над парнем.

— С ним все в порядке, — заверила она их. — Он просто связывает пережитое с Настей. Я им займусь. Вам лучше прогуляться.

— Пошли.

Граф увел Настю с кухни, протянул ей куртку, вывел из агентства на улицу. Девушка приходила в себя.

— Ни на минуту оставить нельзя, — недовольно вымолвил граф.

Он поднял ее голову, пальцы дотронулись до багровых синяков, оставленных Джонни. Насте казалось, земля уходит из-под ног. Она схватилась за ворот его куртки, чтобы не упасть. Граф усмехнулся.

— Не хочешь проверить, сняла ли Рита проклятие?

Настя отодвинулась подальше.

— Нет.

— Мне все равно придется это сделать. — Его пальцы нежно дотронулись до ее затылка, и она вздрогнула от удовольствия. А потом, не без сожалений вырвавшись из рук графа Виттури, быстро зашагала вперед по улице.

— Нет. Мне нельзя. Нам нельзя, — сбивчиво оправдывалась Настя сама перед собой, поскольку граф шел сзади.

— Почему нельзя? — с искренним удивлением спросил он.

— Потому что вы — демон!

— Ах да... совсем забыл... когда рядом такая красивая девушка, столь мелкие подробности вылетают из головы.

Настя с яростью развернулась к нему. Он смеялся. Она и влюбилась-то в него за этот смех. Золотистый, искристый, добрый. Девушка не смогла удержаться и улыбнулась. Злость как рукой сняло. И всю эту кошмарную историю, начавшуюся ночью, она наконец отпустила от себя. Плечи распрямились. Стало легче. Она хохотала до слез, и обида, досада, ревность тоже уходили.

Граф шагнул к ней и крепко обнял. Она зарылась лицом в расстегнутый ворот его куртки, вздохнула. Ладно. Демон так демон. Не драться же с ним!

— Мы с Ритой давние знакомые. — Она прикрыла глаза и снова позволила его голосу облачать ее в легкие ткани очарования. — Она очень сильная ведьма, одна из немногих, кто может помочь Джонни. Не волнуйся, он поправится и не будет больше на тебя набрасываться. Что случилось сегодня ночью?

Настя рассказала про ночное происшествие. Граф покачал головой.

— Возможно, Джонни разыграл тебя, Настя. Чтобы воспользоваться моментом и соблазнить.

— Но зачем ему это?

— Он злился на меня и тебя за то, что потерял глаз. Так он мог отомстить нам обоим. Но он и предположить не мог, что Кали оставила на тебе печать проклятия. Демонесса наверняка рассчитывала, что именно я получу основной удар.

— И теперь... Рита окончательно сняла с меня это?

— Есть только один способ проверить...

Он немного отстранил ее от себя, и Настя отодвинулась в сторону.

— Это просто уловка и хитрость, чтобы забрать мою душу?

— Я не могу ее забрать просто так, ты должна мне ее предложить. А я еще подумаю, брать ли...

— Хватит шутить.

— Демоны не шутят. Никогда. — Он улыбался, но по-другому. Как-то хищно. Настя отступила еще на шаг. Казалось, мгновение — и за спиной у графа Виттури вырастут огромные черные крылья.

— Пожалуйста... — Губы сводило от страха.

— Пожалуйста — что? — Голос казался холодным, острым, как лезвие ножа.

Ледяная дрожь пробежала по телу. Они были одни на улице. Его взгляд не обещал ничего хорошего. Ведь говорил же ей Цезарь... А она все не верила. А демон действительно опасен.

Граф в одно мгновение оказался рядом с ней, схватил за плечи и уставился своими черными глазами в ее расширенные зрачки. Девушка сделала движение, чтобы вырваться, но он тихо приказал:

— Смотри.

Против своей воли Настя окунулась в черноту его глаз. И была поражена, когда неожиданно перед ней замелькали разноцветные картинки — с такой скоростью, что она едва успевала понять, что именно видит.

Разводились мосты в Санкт-Петербурге, северное сияние вспыхивало где-то над снежной пустыней, щелчком раскрывался бутон розы в саду Версаля, крылья маленькой колибри жужжали, пока она замирала в воздухе, стрелка часов на площади в Праге сдвигалась на деление, дельфин выпрыгивал из воды, корни деревьев ломали кладку древнего храма, на край листа капала дождевая капля... и разбивалась...

Он соединил ее пальцы со своими и крепко сжал: скрип пера по листу бумаги, шорох песчинок в песочных часах, шуршание разворачиваемого пергамента, удар стилем по глиняной табличке... Звуки и образы сменяли друг друга часто и ярко. Ее зрачки расширились, она видела так много всего, словно одновременно была в тысяче мест. Слышала столько, словно оказалась в некоей вселенной, где хранились звуки. Или же он и был этой Вселенной, где хранилось время? Меч, вонзающийся в тело рыцаря, самолет-бомбардировщик, сбрасывающий смертельную ношу, женщина в муках родов, первый крик ребенка, кисть художника коснулась холста, пышная юбка танцовщицы взлетела вверх, мужчина и женщина слились в единое целое. Она вздрогнула. Его глаза превратились в две черные дыры, и там мелькали звезды, а может, вспышки памяти. Миллиарды образов. Бесконечность воспоминаний.

— Что ты видишь?

— Все, — выдохнула она.

Он улыбнулся, и его глаза приобрели привычный вид.

— Что ты понимаешь?

— Это хорошо. — Настя смотрела демону в глаза. — Все это — хорошо.

— А смерть? Страдания? Войны? Болезни?

— Кажется, это часть всего. Смерть — часть жизни.

— Вы не знаете другого пути. — Он отпустил ее.

— Кто ты?

— Я как время, которое открывает правду или скрывает ее. Я — знание и смерть всему.

— Тогда чего ты хочешь?

— Стать ничем. Я — смерть, которая не может умереть. Никогда. Я вечен.

— Наверное, это неплохо, быть всегда.

— Нет, это невыносимо. Время преследует меня. Я хотел бы остановиться, но я не в силах, пока не пойму.

— Что?

Он не ответил. Она помолчала.

— Ты знаешь, когда я умру?

— Да. Не хочешь узнать?

— Нет. Пока нет. — Настя поежилась. — Ты когда-нибудь любил?

Его бровь иронически приподнялась.

— Демоны не могут любить.

— Но как? Любовь — разве это не основа всего?

— Нет, конечно. Это человеческое оправдание своих низких страстей.

— А разве не существует абсолютной любви?

— Нет ничего абсолютного, кроме абсурда.

— Я тебе не верю.

— Ты абсурдна. Разговаривать о любви с демоном — абсурд, Настя.

— Ну не с ангелами же о ней говорить.

Демон расхохотался. Она с облегчением почувствовала, что он снова стал графом Виттури.

— Пойдем, внезапно смертная и абсолютно смешная, у тебя еще есть время все узнать самой.

Кто же он? Настя шла рядом с графом Виттури по городу, в раздумьях кусая губы. Дьявол, демон, смерть, время? Как ни назови, во всем обреченность. В любом имени слышится крах жизни и вопль бессмертия. Не потому ли он слегка презирает все вокруг и не любит никого? Так проще. Так не привязываешься к преходящему. А она сама? Разве граф не прав в том, что не любит она его вовсе, всего лишь страсть тянет ее к нему, как магнитом. Низкое вожделение к его телу. Девушка украдкой бросила взгляд на своего спутника.

Каждое движение демона было устремлено вперед, он напоминал ей греческие и римские статуи спортсменов, воинов и воинствующих богов. Мятежная черная шевелюра, взгляд, полный вызова окружающему миру. Он чеканил каждый шаг так, что, кажется, на асфальте должны были остаться следы.

Надо быть благоразумнее, решила вдруг она. Раз запретили с ним сближаться, значит, надо держать его на расстоянии. Ведь так лучше для нее, так спокойнее. Чувства не кипят, все внутри не переворачивается, не обрывается, не замирает сердце, когда он нечаянно задевает ее рукой или взглядом. Нельзя, значит, нельзя. Даже маленькие дети это понимают. Почему же так трудно уложить это понятие в своем сознании?

В сумерках города, при свете фонарей, ощущение его присутствия заполняло все пространство. В солнечном сплетении горела необходимость выяснить все, как-то уравновесить их чаши, но она боялась даже слово вымолвить. Граф вдруг остановился, она тоже. Они стояли у входа в маленький парк рядом с Пасео-де-Грасия. Граф Виттури открыл чугунные ворота и легким наклоном головы пригласил ее следовать за собой.

Под ногами закрипел песок, они дошли до скамейки и сели. В окнах домов, выходявших в парк, уютно горел свет. Демон смотрел на эти золотистые квадраты окон и, казалось, видел все, что

происходит за ними.

Настя устало прислонилась спиной к спинке скамьи.

— Азазелло... — тихо произнес граф.

Настя почувствовала, как от страха примерзает к скамейке. То ли Азазелло ждал их здесь, то ли явился на зов графа, только из тени дерева вдруг появился демон, тот самый, что уже встречался ей однажды. Его красные глаза с вертикальными зрачками бегло оглядели ее и, не мигая, уставились на графа. Тот сидел, положив руки на спинку скамейки, как развязный франт на прогулке в парке.

— Ты передумал? — спросил Азазелло.

— Нет.

— Тогда зачем звал? — Азазелло обнажил желтые клыки.

— Чтобы еще раз напомнить. И предупредить. Не делайте того, что задумали. Вы разрушите все.

— Мы разрушим мир, который нас не устраивает. И создадим новый. С нашими правилами. Если ты не с нами, тебе в нем места не будет.

— У вас нет сил, чтобы создать новое. Вы лишь разрушение. И она тоже.

— Ноктурна родит то, что сможет создавать, это будет новая сила.

— А ты уверен, что оно захочет считаться с вашими желаниями?

Азазелло на миг замер, в упор глядя на графа.

— Мы знаем, что так будет. Он знает.

— Он... Да он растерял последние остатки бывшего величия!

— Замолчи, Самаэль! Всегда был гордым, считал себя иным, лучшим, а закончил так же, как и мы! Изгоем! С кем якшаешься? С низкими тварями, с людьми! — Азазелло плюнул в сторону Насти. — Что тебе в ней, Самаэль? Это же прах от праха земного, пыль, озаренная каплей сознания. Она же ничто: смертная, чья жизнь для нас лишь миг. Девчонка!

— Она моя, — твердо сказал демон. От перекаатов его голоса мурашки побежали по телу Насти.

— Твоя? В этом мире нет ничего твоего. Все либо наше, либо Его. Тебе придется выбрать, на чьей ты стороне.

— Я давно выбрал. Разве не помнишь? «То частица духа Моего, оберегать ее в каждом из их...» Вот что я выбрал.

Азазелло вдруг взвился в столпе пыли, рыкнул прямо в лицо графа:

— Оберегать! Да как же! Ты же сеешь по земле смерть, ты самое страшное для них, именно тебя они проклинаят. Все, что ты делаешь, оборачивается для них бедой. Или ты не знала?

Морда Азазелло резко повернулась к Насте, а та по-детски втянула голову в плечи.

— Он — причина изгнания людей из рая, твой демон-искуситель.

— Пошел вон! — Граф махнул рукой, и Азазелло исчез. От гнева глаза графа стали совершенно желтыми, словно те вспышки золота, что иногда мелькали в них, взорвались светом.

Воцарилось молчание. Настя сосредоточенно перебирала крупы информации, пытаясь собрать мозаику целиком. Кто же этот падший ангел, что сидит сейчас рядом с ней и смотрит в окна так спокойно и невозмутимо, словно поболтал с прохожим, а не с демоном?

Золотистый свет в его глазах медленно угасал. Граф Виттури встал, повернулся к ней и протянул руку. Обычный красивый мужчина. Снова земной, снова обольстительно прекрасный.

Он помог ей встать со скамьи. Только сейчас Настя поняла, как ослабли ноги. Ощущение зыбкости всего реального еще не растворилось вместе с Азазелло в воздухе. Реальным был только тот, кто удержал ее, прижал к себе, взял ее тяжелую пшеничную косу и задумчиво взвесил в руке. Ее пальцы крепко вцепились в мягкую кожу его куртки. Когда он заговорил, такая истома овладела ею, что, не держи демон девушку крепко, она бы не выдержала и упала.

— Запрет. Вот что притягивает. Так уж устроен человек: если хочешь, чтобы он всей душой желал

чего-то, запрети ему. Не правда ли, сложнее не слушать мой голос, если тебе запрещают? Я знаю... Я знаю, что запрещают. Они боятся меня. Для них я все равно зло, какими бы благородными ни были мои намерения. Я лишь поддерживаю хрупкое равновесие, но они знают, что с тебя я могу все потребовать сполна. Слишком тесно переплелись наши пути, чтобы я не захотел твою душу. Не так ли? Ты знаешь, что происходит, когда уступаешь желанию заключить сделку? Ты получаешь то, чего алчешь. Так что же для тебя — самое страстное желание? — Он приподнял ее лицо за подбородок и взгляделся в зеленые глаза. — Горы золота ничто для тебя, ты их даже представить не можешь. Этим я тебя не соблазню. И власть тебе не нужна, ты не из этого теста слеплена. И знания великие, которыми я могу наградить тебя, не станут соблазном, ведь твой соблазн вещественен и осязаем. Не так ли? Ты желаешь меня. Я твой соблазн, и ты знаешь, что можешь погибнуть, знаешь, что это запрещено — желать демона, желать исчадие ада, сгорать желанием по такому, как я. Но потому с каждым разом ты слабее рядом со мной. Страх притупляется, а желание растет. Ты знаешь, что я могу дать тебе возможность почувствовать вечность, на мгновение стать бессмертной, познать то удовольствие, которое не дано человеку. Ни один наркотик, ни один грех, ни одно наслаждение не сравнится с тем, что дам тебе я. Ты дрожишь, но не можешь убежать, хочешь оттолкнуть, но твои руки ищут меня для объятий. Вот в чем твоя слабость. Вот в чем мое господство. Я говорю тебе: Анастасия, ты погибнешь. Если хочешь познать все это, ты отдашь мне душу. И погибнешь. Маленькая девочка пропадет в темном лесу, потому что доверится волку. Я тебя сожру. Моя черная тьма накроет твой дрожащий огонь. И ничего не останется. Я знаю, что не смогу не разрушить тебя. И не остановлюсь. Не смогу остановиться. И потому я запрещаю тебе приближаться. Запрещаю себе приближаться — и не могу не желать близости с тобой, потому что я хищник. Я создан, чтобы разрушать, я разрушу, уничтожу тебя. Слышишь?

Он говорил это ей на ухо, тихо, обнимая, прижимая к себе, и она умирала от желания, хотела его, жаждала быть поглощенной. Он требовательно и нежно прикусил мочку уха, и она задохнулась от адреналина, вырвавшегося в кровь. Ее тело не желало больше бороться, оно хотело добиться одного — подчинения зову, что звучал в каждом ударе сердца. Гибель казалась призрачной, а наслаждение было осязаемым. Его губы слегка касались ее виска, и дрожь, которой она отзывалась на ласки, казалась ему дрожью раненой антилопы в когтях льва. Кровь багряным заревом застила глаза, она слышала биение своего сердца, горячее желание тела, и преодолеть эту тягу было невозможно. Разорванная надвое душа и поделенное надвое сознание испуганно застыли: стремление слиться с ним и погибнуть одолело сопротивление и страх погибнуть. Она наслаждалась звуком его вкрадчивого голоса, вплетая пальцы в его кудри, запрокинув голову, подставив шею. Казалось, что связующая нить, тянувшая ее к нему, наконец-то достигла своего высшего натяжения. Ноги подкашивались от слабости, словно демон пеленал ее в кокон своего голоса, прежде чем напиток.

«Зачем же тогда эта связь, только для того, чтобы исчезнуть?» Ох, как резанули эти слова, болезненно ярко вспыхнули на краю сознания! И вслед за этим, несмотря на то что она пыталась не слышать, заговорило ее сознание: «Помни! Ты можешь, Настя! Вспомни!» Она отворачивалась, пыталась оттолкнуть прочь эти мысли-призраки, которые пытались удержать ее от гибели.

— Нет! — Девушка вдруг вырвалась из объятий, тяжело дыша, оттолкнула мужчину. Но ноги были слабы. Потеряв опору, она упала на скамью. Боль вспыхнула во всем теле. Оно противилось ее решению, не хотело отдаляться от графа. Белая болезненная вспышка ярко озарила сознание, словно голову раскололи надвое. Настя закрылась руками и застонала. Слезы боли, стыда и отчаяния полились из глаз. Она хотела его. Она желала его больше всего на свете. До боли. И до боли ясно понимала, что в любом случае не сможет выжить. Жизнь без него пуста. Жизнь с ним ярка, но слишком коротка.

«Помни, Настя!» Что за голос, непреклонный, холодный, равнодушный? А она хотела слышать другой: терпкий, горячий, соблазняющий. И девушка закрыла руками уши, зарычала, чтобы ничего больше не слышать. Тело болело, болела душа. Она была словно храбрый белый парусник, гонимый волнами в мятежном темном море.

Граф смотрел на нее, маленькую и плачущую, но не чувствовал сострадания. Сострадание ему было неизвестно. Настя должна усвоить урок. Слишком слаба, уступчива, мягка: она должна измениться. Но все же, даже слабенькая, выстояла! Он не ошибся.

Когда боль утихла, Настя подняла голову и поняла, что граф ушел. Стало обидно из-за того, что он не захотел ее утешить, и неловко из-за того, что она так бурно отреагировала. Растерянно поднялась и огляделась: недалеко отсюда находилось кафе Пепе. Словно пьяная, Настя неуверенным шагом отправилась в единственное место, которое до сих пор оставалось островком спокойствия. Она так и не придумала, что скажет: боль кольцом, как венцом, сжала голову, и каждый шаг болезненно в ней отдавался.

Пепе заканчивал уборку, до блеска натирал барную стойку. При виде Насти, бледной тенью влившейся в кафе, он нахмурился.

— Садись, дочка.

Она послушно опустилась на отодвинутый стул. Когда Пепе поставил перед ней не кофе, а стеклянный бокал с коричневой жидкостью, она подняла на него удивленный взгляд.

— Это тебе, пей.

Она выпила настойку, поморщилась и заплакала. Начала рассказывать, но сбилась, понимая, что не может сказать правду. А придумывать, как объяснить все иначе, не было сил. Но Пепе и не нужно было рассказывать. Казалось, он многое понимал без слов: опущенные плечи, боль в глазах, следы слез на щеках, аура разочарования, отчаяния и страха. Хозяин кафе приготовил чай, сел напротив нее, снял очки. Настю удивило, каким пожилым он показался ей в тот момент, словно одним махом прибавил лет десять. Жилистые руки с выступившими венами, морщины, пересекающие лицо, уставшие глаза. Но голос, после того как он прочистил горло и начал говорить, был твердым:

— Кто бы ни был человек, что расстроил тебя, — не важно. Важно только одно: кто ты. Пока ты знаешь, кто ты, ты сильнее. Анастасия, твое имя — твой щит. Это имя означает «воскресшая», поэтому ты поднимешься вновь после любого поражения, обратишь его в свою победу, подобно тому как воскресшие боги оборачивали опыт смерти в свою пользу. Ты справишься. Не бойся ошибиться, бойся не совершить ничего из страха ошибки. Иди за своим сердцем. Низкие страсти вредны, но вредна и мораль, не всегда верная. Сердце не обманет. Интуиция не подведет. Слушай себя. Никто, кроме тебя, не властен над твоей волей. Что бы ни говорил тебе демон, что бы ни обещал ангел, думай о том, чего на самом деле хочешь ты. Не они, а ты, Настя, воскресшая. Помни о щите своего имени. Помни о том, кто ты такая. И никто, и ничто не сможет нанести тебе вред. Демон внешний не может причинить тебе вреда, а вот демон внутренний может тебя разрушить. Не страшен дьявол, что вьется вокруг, страшен тот, кому ты уступаешь внутри себя.

Они долго сидели в кафе, пили чай, молчали и говорили. Демон стоял на углу, смотрел на их силуэты в витрине и ждал. Он знал, что, набравшись сил, Настя выйдет из кафе и снова попадет к нему в руки. Он все же надеялся, что она усвоила урок, и дрожащее пламя ее души, такое неровное, что даже неловко его касаться, выровняется и станет сильнее. Ему нужна хорошая душа, сильная, смелая, яркая. Он знал, что работает над этим не один. Но пока Пепе ему не мешал. Даже помогал.

Цезарь вернулся из США и заметил, что Настя шарахается от графа Виттури, старается не находиться рядом, хотя раньше ее тянуло к нему, словно магнитом. Присутствие Риты даже обрадовало. А вот перемены в характере Джонни насторожили. Цезарь попытался обсудить этот вопрос с графом, но тот уклонился от разговора. Казалось, его мысли были заняты чем-то иным.

— Я все еще думаю о связи между «Обнаженной» и тем, что произошло. — Итсаску взяла слово после отчета Цезаря о безуспешных розысках похищенного из музея камня. — Словно эта картина не так проста, как кажется. Почему именно с нее начались все неприятности?

— Картина привела нас к книге, — заметил Диего.

— Нет, не картина, а Настя и призрак художника. Но сама картина в тот момент уже была найдена. — Лика поставила на стол чашки с горячим шоколадом.

— Я не особо понимаю в искусстве. — Серж поправил очки и взъерошил волосы. — Но результаты анализов красок, полотна, рамы и даже снимки скрытых слоев изображения ничего особенного не дали. Возможно, это просто красивое приглашение нашего соперника к игре.

— Я думаю, что настоящая цель не только в том, чтобы впутать нас в это дело, выяснить, насколько четко Настя видит призраков. Что-то еще связано непосредственно с картиной. Они не зря украли ее.

— Может, дело в том, что эта картина ближе всего художнику, поэтому говорящий с призраками надеялся либо сам выведать у него местонахождение книги, либо с моей помощью? — слабо возразила Настя. — И еще есть вторая картина...

Тут Джонни насмешливо хмыкнул, и она поспешила замолчать.

— Возможно, они искали что-то не на самой картине, а в раме или еще где-то, для чего нужно время. — Ильвир набил трубку какой-то душистой травой и закурил. Запахло благовониями, дым из трубки стелился загадочными загогулинами.

— Я предлагаю еще раз всем вместе взглянуть на результаты экспертиз картины. — Итсаску настойчиво кликнула мышкой по папке и открыла документы на большом экране. — Ильвир и граф лучше нас всех разбираются в искусстве. Возможно, вы заметите что-нибудь интересное.

Документы дела сменяли друг друга, Ильвир попыхивал трубкой, а граф Виттури прикрыл веки, откинувшись на спинку дивана.

Вокруг него было свободно: никто не сел рядом. Рита, обычно льнувшая к нему, на этот раз сидела рядом с Джонни, словно страж. И хотя она кокетничала с Локи, Настя ощущала, что ведьма держит скандинавского божка под своим контролем на случай, если тот вздумает еще раз наброситься на Настю. Но Джонни выбрал другую тактику: он делал вид, что Насти не существует. Он переехал из квартиры, видимо, под крыло к Рите. Настя была этому даже рада: после нападения она стала его бояться.

На экране мелькали фотографии фрагментов картины и результаты экспертиз. Цезарь задумчиво смотрел и думал о Другом.

— Что, если нам вызвать призрак художника? — спросил он.

— Предлагаешь заняться спиритизмом? — усмехнулся граф.

— Художник не раз помогал Насте, не исключено, что он охотно выйдет на связь. Если такое возможно... — Цезарь устало потер глаза.

— Это надо спросить у Насти, — насмешливо сказал, не открывая глаз, граф.

— Я в этом ничего не понимаю. — Девушка повела плечами, словно сбрасывая невидимые путы, которыми ее обволакивал голос графа.

— Я могу помочь. Я же все-таки ведьма. — Рита мягко поднялась. — В столовой больше места, и круглый стол придется кстати.

— Я в этом участвовать не могу. — Лица испуганно обвела всех голубыми глазами.

— Тебя никто и не приглашал, — зло ответил Джонни.

— Тебя тоже, — осадила его Итсаску.

— Прекратите! — Граф поднялся с места, и все разговоры умолкли. — Достаточно, если на сеансе будем Настя, я, Рита и еще один человек.

— Я. — Диего поднялся, словно ждал этого приглашения. Все эти дни он был молчалив и единственный не участвовал в спорах и ссорах, которые сеял вокруг себя Джонни.

Граф встретился с ним взглядом и кивнул.

— Ты точно знаешь, что это безопасно? — Настю била нервная дрожь, когда они вчетвером сели за стол.

Рита оказалась напротив, пальцы графа и Диего крепко сжимали ее руки. На столе горела свеча, в комнате царил приятный полумрак.

— Есть вещи, которые не могут быть точными по своей природе, — мягко возразила ей Рита. — Расслабься. Раз я справилась с Локи, то с призраком художника как-нибудь управлюсь. К тому же, возможно, он сам хочет поговорить с нами.

Диего пожал Насте руку: не бойся. Девушка глубоко вдохнула и расслабилась. Она с детства боялась призраков, спиритизма, фильмов ужасов. Рита сидела перед ней, мерцающая красотой в свете свечи. Влево Настя старалась не смотреть. Там сидел граф Виттури. Она сосредоточила взгляд на ровном копые свечи. Рита произносила фразы, которые казались взятыми из книг заклинаний или из фильмов. Ведьма призывала дух художника, закрыв глаза, нахмутив высокий лоб. Словно сердце, что неровно билось от предчувствия беды, забило пламя. Его агония напугала Настю. Бросив взгляд по сторонам, она поняла, что все, кроме нее, сидят с закрытыми глазами, и ощущение одиночества заставило содрогнуться. Только маленький язычок пламени, язычок жизни храбро сражался с темнотой вокруг. Она ощущала себя такой же маленькой и незначительной. Ее свет тоже мог погаснуть в любой момент. И поэтому, когда пламя свечи вдруг потухло, оставив после себя лишь клубящуюся тонкую струйку дыма, сердце от страха ухнуло вниз. В полумраке комнаты Настя ощутила, что их уже не четверо. Кто-то стоял позади нее. Осознание этого заставило содрогнуться.

— Они не здесь, — мягко произнес голос позади нее. Он был спокойным, четким, прохладным, как сладкая вода из родника. — Ты и я. Только мы двое, Анастасия.

Руки графа и Диего исчезли из ее ладоней, все трое растворились, как дым от свечи. Настя поняла, что она уже не в комнате, а в каком-то ином пространстве.

— Кто ты? — Страх продолжал сжимать сердце.

— Я Проводник. Не оборачивайся, — предупредил он ее. — И не бойся. Разве не учили тебя слушать интуицию?

Настя почти рассмеялась. Учили. Демон то и дело шпынял ее, напоминал о необходимости доверять внутреннему голосу. На этом уроки заканчивались.

— Твоя душа еще очень слаба. А сразу научиться сложно, — поддержал ее голос.

— Куда же ты меня поведешь?

— Туда, где все началось.

Она почувствовала, как на плечи легли его руки. И тут же сильно закружилась голова. Ее подхватило и завертело так, что, когда вращение прекратилось, она рывком вдохнула воздух. И открыла глаза. Вместе со зрением вернулся слух, звуки обрушились с такой силой, что Настя подалась назад.

— Стой тихо, нас не видят, — прозвучал голос за спиной.

Настя послушалась. Но как тяжело было ему поверить! Они оказались на деревянном помосте. Вокруг — ревушая гневная толпа, а по краям площади, словно вытесненные людьми и жмушщиеся у края, — невысокие домики с треугольными крышами. Это была не Барселона, а какая-то северная страна с морозным прозрачным воздухом. Настя не понимала, что кричали люди в толпе, но было видно, что они требуют, наслаждаются, ликуют от удовольствия. Простые лица и одежда слились в одно коричневое блеклое пятно. Она перевела взгляд на помост и содрогнулась: справа от них палач сек белое, с багровыми от ударов плети полосами тело женщины. Настя схватилась за пояс: меча не было. Проводник остановил ее, положив руки на плечи.

— Стой. Смотри.

Ее мутило от этих полных ненависти воплей. Что бы ни сделала женщина, она не заслужила такого позорного наказания.

Словно отклик на ее мысли, раздались крики и топот копыт. Толпа отхлынула от эшафота, нехотя пропуская трех всадников. Один из них повелительным возгласом остановил палача, двое других поднялись на эшафот, прикрыли тело и отвязали женщину от столба. Несмотря на недовольство толпы, арестантку увезли. Настя вздохнула от облегчения. Невидимый спутник сжал ее плечи. Спустя мгновение Настя оказалась в спальне с высоким альковом. На кровати лежала та самая женщина. Две служанки смазывали следы от кнута дурно пахнущей мазью. Настя стояла совсем рядом и могла рассмотреть, что перед ней совсем юная девушка.

— Это девушка с картины. Ее высекли как блудницу, потому что она позировала художнику. Ее забрал к себе градоначальник. Он узнал, что девушка из состоятельной семьи.

— Он спас ее?

— Спас для себя. Он обесчестит ее, как только заживут раны. И тогда она возненавидит все вокруг.

Внезапно стемнело. Настя снова очутилась на улице. Мимо нее скользнула, завернувшись в плащ, та самая девушка. Проводник подтолкнул в спину, и Настя пошла следом.

Шмыгнув вслед за девушкой в маленькую дверь, Настя оказалась в потайной часовне, завернула за алтарь и долго спускалась в подземелье. Скрипнула дверь, пахнуло дымом трав, они оказались в каменном подвале. Девушка зажгла свечи, достала из сумки книгу в кожаном переплете.

Настя почувствовала, что ее ноги прирастают к холодному каменному полу. Это была та самая книга, в которой хранилась частица Ноктурны.

Девушка открыла страницу, заложенную шелковой лентой, начала рисовать мелом звезду и символы.

— Она решила продать свою душу. Чтобы взамен обрести силу для мести. Только она не подозревала, что эта книга — часть Ноктурны. Девушка не просто потеряла душу, но стала частью хранилища энергии Ноктурны. Первая дочь Люцифера, та самая, что искала книгу в Венеции, управляла ею.

Раздался скрип, словно что-то придвигалось к ним на колесах. Настя пересилила детский ужас, вспомнив нектати про страшилку с гробом на колесиках. Но на всякий случай отступила так, чтобы чувствовать спиной присутствие Проводника.

Навстречу девушке из темноты выехало большое зеркало в золоченой раме, прикрытое покрывалом. Сердце Насти забилося, как бешеное. Целый склад таких зеркал находился в палатце у графа

Виттури, в Венеции.

— Я не хочу это видеть, — прошептала она.

Проводник снова положил руку ей на плечо. Колени перестали предательски дрожать.

Тем временем девушка подошла к зеркалу и сдернула покрывало. Стекла в зеркале не было, только темный провал, мутно-блестящий и дрожащий. От девушки отделилась ее светлая прозрачная копия, которая сгустилась в шар белого света и нырнула в тьму зеркала. А взамен из мутной глади вылезли черные щупальца, которые вонзились в кончики пальцев, пупок, глаза девушки, залезли ей в рот, так что Насте стало душно. Все произошло очень быстро, и зеркало с появившимся вдруг стеклом стало отражать, как обычное.

Снова перемещение. Настя уже стояла на холме и смотрела вниз, на горящий город. Мимо нее по дороге ехала верхом на лошади девушка с картины, только в глазах вместе с пламенем плескалась ненависть и разрушительная сила.

— Она отомстила обидчикам: сначала жители растерзали живьем градоначальника, потому что пошла слухи о его служении сатане, а потом войска, присланные королем, разрушили город и сожгли его дотла. И всего этого она добилась сама. Теперь она едет домой. Отомстить своей семье, а еще заказать художнику другую картину, которой желает передать часть своих сил: ноша зла слишком тяжела для тела смертной.

На рассвете они подошли к маленькому домику на перекрестке двух узких улиц. Настя понимала, что это совсем другой город.

Дверь была приоткрыта, они вошли. Поднявшись по скрипучей лестнице, оказались в комнате с низким потолком. Разбросанные тряпочки, перемазанные в краске кисти и Толсты не оставляли сомнений в профессии хозяина. На постели, прижавшись друг к другу, в полутьме свечи и расцветной серости двигались два обнаженных тела.

Настя стыдливо отвела взгляд. Но до нее долетали шепот, стоны, поцелуи, скрип кровати. Мимо прошла обнаженная девушка, нашла одежду, стала одеваться. Она проворковала что-то художнику, тот кивнул. Девушка оделась и ушла, улыбнувшись так злорадно, что Настю передернуло.

— Он дал согласие нарисовать портрет.

— И что теперь?

— Если он это сделает, его душа не будет знать покоя. Если нет, станет рисовать так, что сделается знаменитым еще при жизни.

Художник тоже оделся, взъерошил волосы, пригладил бороду. Обернулся на скрип ступенек и стук.

Дверь открылась, на пороге, высокий и зловещий, появился человек в черном плаще и капюшоне, под которым не было видно лица. Он произнес слова приветствия. Художник кивнул, пригласил его сесть за стол.

Настя оказалась позади сидящего посетителя, лицом к художнику. Посетитель говорил низким, чарующим голосом. На стол лег увесистый мешок с монетами. Художник нервничал, ерошил волосы, приглаживал бороду, слушал посетителя и кивал. На лице его отражались муки сомнений.

— О чем они говорят?

— Он предлагает художнику работу, о которой тот мечтал с детства. Триптих «Благовещение» для церкви. Манера написания на усмотрение мастера. Ему заплатят очень хорошие деньги, а впоследствии, если работа понравится, закажут полотно для дома епископа.

— Если мечтал, почему сомневается?

— Он обещал своей любимой портрет, и она просила сделать его срочно, так же, как этот посетитель. Он не сможет выполнить две работы одновременно. Он должен выбрать.

И хотя Настя знала, каким будет выбор художника, она, сжав кулаки, смотрела на него в упор и шептала:

— Соглашайся! Соглашайся!

Но художник с трудом заставил себя покачать головой. Посетитель недовольно спросил еще раз, видимо, повторяя предложение. Когда художник отказался, посетитель встал, забрал деньги и откланялся.

Проводник снова положил руку Насте на плечо. Показалось, что они не сдвинулись с места, но в интерьере комнаты все переменялось. Окна оказались нараспашку открыты, загораживая ложе, перед нею стоял черный холст с нарисованной пятиконечной звездой и женщиной посередине. Женщина была изображена так, будто художник смотрел на нее сверху. На поднятом к зрителю лице застыло выражение торжества, а в глазах горела такая бешеная злоба, что Настя подалась назад. Картина получилась такой реальной, что казалось, еще немного, и изображение заговорит. Мерное поскрипывание отвлекло от картины. Настя посмотрела в сторону и охнула, увидев качающееся в петле тело художника.

Она не успела ни вскрикнуть, ни рассмотреть его. Проводник снова перенес ее в темное помещение, из которого они начали свое путешествие по времени.

— Теперь ты знаешь. Художник после смерти спрятал книгу, потому что понял, что в ней источник зла. Но теперь источником зла являлась и его последняя картина. Ведь демонесса исполнила задуманное и спрятала в ней часть силы. Если Ноктурна воскреснет, она начнет искать эту картину.

— Почему ты явился мне? — тихо спросила Настя. Казалось, у нее за спиной клубится и движется такая неизмеримая бесконечность, в которую лучше не заглядывать.

— Ты узнала того посетителя? — Голос проводника был безучастен и нейтрален, а в душе Насти после увиденного бушевала буря.

— Это был граф Виттури. — Она узнала бы этот вкрадчивый голос из сотни.

— Хорошо. Теперь ты знаешь. А она найдет тебя сама.

Он толкнул Настю вперед. Девушка вскинула руки, боясь налететь на преграду, и вновь почувствовала в своих ладонях руки графа и Диего. Она сидела за столом напротив Риты. Судя по спокойным лицам друзей, продолжавших сеанс, никто не заметил ее отсутствия.

Настя вскочила, разорвав круг рук. Озноб вдруг начал бить ее, да такой сильный, что зубы стучали. Граф шагнул навстречу, но она испуганно метнулась в сторону и сделала предупреждающий жест, заметив, что Рита тоже поднялась.

— Диего, пожалуйста.

Его не нужно было просить дважды. Парень мягко обнял Настю, вывел из темной комнаты на свет. Они прошли мимо остальной компании, вышедшей им навстречу. Возгласы и вопросы остались за спиной. Диего завернул ее в дубленку, взял под локоть и вывел из агентства. Когда они спускались по лестнице, Настя почувствовала, как кто-то мягко нырнул под ее вторую руку. Это была Лика. Втроем они вышли на улицу.

Настя продолжала дрожать, поэтому ребята отправились пешком к ближайшему скверу и сели на солнце.

— Ты можешь заставить меня забыть все это? — с надеждой обратилась Настя к Диего. — Пожалуйста. Не хочу помнить ничего про агентство. Хочу жить нормально! Я не хочу больше ничего знать!

— Я не могу. Слишком много воспоминаний. — Диего с сожалением смотрел на девушку. В ее глазах плескалась неподдельная паника.

Лика сочувственно обняла Настю.

— Побег от истины не выход.

— Я боюсь. — Настя заплакала навзрыд. Лика прижала ее к себе и полезла в сумочку за бумажными платочками.

«Предусмотрительная». — Диего благодарно взглянул на ангела.

— Это все, вот это все. — Настя взмахнула руками, описывая нечто в воздухе, увидела предложенный Ликой платок, кивнула и высморкалась. И снова заплакала.

Пачку платочков спустя она уже не плакала, а изредка судорожно вздыхала.

— Ты видела призрака? — решился спросить Диего.

— Нет.

Она говорила правду, но сердце оборотня заняло: Настя скрывала от них что-то очень важное.

— Нам ты можешь рассказать, — поддержала его Лика.

— Лика, а кто такой Проводник?

Диего с удивлением увидел, как Лика посерела, мгновенно потеряв весь свой внутренний свет, словно от ужаса могла рассыпаться в прах прямо тут, на скамье.

— Кто?

— Проводник. — Настя не видела реакции ангела, она вытирала покрасневшие от слез глаза. Лика сглотнула и постаралась вернуть спокойный вид. Получилось так себе.

— Настя, что еще за Проводник? Обмотанный кабелями электрик? — пошутил Диего, отвлекая девушку.

— Да нет. Вместо призрака явился Проводник, он показал мне историю художника. — Настя вкратце пересказала друзьям, что видела, умолчав только о появлении графа в мастерской. Почему-то об этом говорить не хотелось.

Анжелика слушала ее рассказ, упершись локтями в колени, наклонившись вперед. Потом выпрямилась и вздохнула.

— Проводниками могут быть только архангелы. — Она покачала головой. — Но они вмешиваются в земные дела очень редко. Я живу здесь тысячу лет, может, чуть больше... но я ни разу за это время не слышала о случаях встречи с Проводниками. Все это значит только одно... Грядет нечто очень страшное. — Она испуганно посмотрела на друзей. — Возможно, апокалипсис.

— Ты действительно в это веришь? — хмыкнул Диего. И замолчал, проглотив шутку. Ему ли шутить, если он вместе с ангелом работает на демона?

— Я не хочу в этом участвовать. — Настя с мольбой уставилась на Лику.

— Это не мне решать, — передернула плечами Анжелика. — Но раз он выбрал тебя, ты как-то во всем этом замешана. И просто так все забыть — не выход.

— Знаете что? А пошли в спортзал. Мечами помашем. Все-таки какой-никакой, а выход и разрядка от напряжения! — Диего растормошил девчонок, они благодарно вскочили со скамьи.

Настя ухватилась за тренировку, как утопающий за соломинку. Они провели в зале час, отработывали приемы, делали выпады и репетировали защиту. Лика пошла в душ, а Настя и Диего продолжили занятие.

В шлеме и в специальной куртке для фехтования было жарко, но Настя боялась остановиться, потому что страх сжимал сердце слишком сильно. Никогда раньше она не понимала с такой четкостью, что граф Виттури бессмертен. Что он совсем не человек, не мужчина с красивым телом и завораживающим голосом, а существо совершенно другого склада. Он чужой, не земной, почему раньше она не видела его именно так? Как посмела надеяться, что может хоть на секунду показаться ему привлекательной, хоть на минуту пробудить в нем дружеские чувства? Он холодный. Расчетливый. Страшный.

Он и словом не обмолвился за все это время, что как-то участвовал в истории создания картины и судьбе художника. Снова начался озноб. Настя стиснула зубы и крепче схватилась за меч.

Диего махнул ей начинать, но в этот момент дверь в спортзал с грохотом отворилась, пропуская еще одного фехтовальщика в черном. И хотя на нем был шлем, граф Виттури угадывался в каждом шаге.

— Диего, я проведу этот бой с Настей. Иди.

Диего замешкался, но Настя кивнула ему. Еще не хватало, чтобы демон рассердился! Он и так, похоже, зол как черт.

Граф дождался, пока оборотень выйдет и закроет за собой дверь. Повернулся к Насте, поприветствовал ее мечом. Они начали бой. Настя чувствовала себя неуверенно. У него была иная манера двигаться, он словно отступал и уступал, но при этом невозможно было заставить его открыться: его меч постоянно находился в контакте с ее лезвием, она успевала только уклоняться от его попыток контролировать ее оружие. Но внезапно граф воспользовался брешью в ее обороне. Атака оказалась такой быстрой, что девушка не успела и глазом моргнуть, как противник обрушил на нее сильный удар. Настя едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть. А он уже перевел меч влево и ударил по плечу. Она не выдержала и возмутилась:

— Мне больно!

— Если я причиняю тебе боль, то лишь для того, чтобы научить. — Он говорил отрывисто и зло. — Прекрати раскрываться, ты постоянно оставляешь без защиты то правую, то левую сторону...

Девушка попыталась отразить очередной удар, но граф шагнул в сторону и звонко ударил ее по шлему.

— ...то голову.

— Ах научить! — Обида на себя вдруг вылилась в кипящую, жгучую, как лава, ярость. И Настя, обиженная и ослепшая от злобы, начала теснить графа, пошла в наступление. Он играючи отражал ее удары, успевая наносить удары по ней. Не болезненные, а обидные. Сталь звенела, он смеялся, а она готова была орать от ненависти.

— Так ты не разрешишь проблему. Уйми свои чувства.

Они разошлись на мгновение. Снова поприветствовали друг друга мечами. Он нрав. Глядя на графа Виттури, она понимала, что, слепо махая мечом, ничего не решит. Но как унять эту бурю в душе?

— Ты сказал однажды, что знаешь, когда я умру.

Он оперся на меч, с любопытством ожидая продолжения.

— Когда ты пришел к художнику, ты знал, что он тебе откажет?

Ну хоть чем-то она его смогла удивить. Граф снял шлем, шагнул к ней, остановился.

— Художник все-таки явился тебе?

— Нет.

Насте вскружила голову внезапная власть над демоном. Он не знает. Не знает того, что знает она.

— Расскажешь? — Граф улыбнулся ей так обворожительно, что сердце забилося чаще.

— Может быть, — преодолевая горячее желание во всем признаться, ответила она. — Если ответишь на мой вопрос.

Вместо ответа он вернул меч к другому оружию, поставил шлем на шкафчик. Девушка последовала его примеру.

— У него была возможность согласиться. Пусть и маловероятная. Но все же. Никто никогда не обречен на сто процентов. Всегда есть возможность сделать иной выбор. — Граф пожал плечами.

— Это несправедливо. Ты играешь с человеком в рулетку. Черное или красное. Как может смертный узнать, какой выбор верный? Это нечестная игра!

— Ты удивишься, Настя, но... на самом деле все в глубине души знают, какой выбор — верный. Но не всегда принимают правильное решение.

— А есть вероятность, что дата моей смерти не верна?

— Да. Хотя и очень низкая.

— Каково это... общаться со всеми нами и знать, когда мы умрем?

Этого вопроса он не ожидал.

— С какой стати тебя волнуют мои чувства? — Он ответил зло и резко и схватил ее за руку. Настя вздрогнула. Его глаза стали черными дырами, и она почувствовала, как подкосились от страха колени.

— Я просто спросила. Мне больно! — Его пальцы впивались все сильнее, еще немного, и он запросто сломает ей кости.

— Не задавай глупых вопросов — не получишь дурацких ответов.

— Пусти! — Под его взглядом и от боли в руке она опускалась на колени. Вдруг граф отпустил ее.

Послышался звук открывающейся двери. В зал вошла Лика.

— Настя! — Она бросилась к девушке, стоявшей на четвереньках перед графом.

— Кажется, что-то потеряла. — Голос графа донесся до Насти словно издалека.

— Все в порядке, Лика, правда.

— Что ты потеряла?

— Мне просто показалось, что что-то закатилось под шкаф. Но там ничего нет. — Настя поднялась. — Ладно. Пойду в душ.

Когда девушка неверным шагом вышла из зала, Лика внимательно посмотрела на графа. Тот подмигнул ей озорно, и ангел, не заметив ничего подозрительного, последовала за девушкой.

Оставшись в одиночестве, демон долго перебирал мечи, задумчиво ловил свое отражение в клинках. Он причинил Насте гораздо меньше боли, чем хотел. И гораздо больше боли причинила ему своим вопросом она. Человеческое дитя, смертная, чья жизнь лишь миг для таких, как он, попыталась своим наивным сознанием залезть к нему в душу. И когда она уgomонится?

Скоро. Очень скоро.

Из дневника Насти

Я окончательно запуталась. Проводник, кто бы он ни был, вместо того чтобы пролить свет, где искать картину с демонессой, только напугал меня. И испортил отношения с графом.

Погуглив в Интернете имя «Самаэль», я и вовсе приуныла: начальник демонов, разрушительная сила, ангел смерти, эгрегор зла... Копание в справочниках по демонологии не помогло разобраться: информация была скудной. Если об Азazelло, о Люцифере и прочих я нашла подробные статьи и даже осознала, что демон демону рознь, поскольку обнаружила даже подробные иерархии, то о Самаэле упоминаний обнаружилось очень мало и часто они противоречили друг другу. А в одном документе в онлайн-библиотеке его имя и вовсе упоминалось в перечне архангелов.

Я всячески избегала собраний в агентстве под предлогом работы в кафе и учебы, потому что не хотела сталкиваться с графом Виттури. Конечно, я рассказала о том, что во второйкартине спрятана часть силы для Ноктурны. С Диего и Ликой мы встречались несколько раз в неделю. Они сообщали мне новости, которых, впрочем, было немного. Агенты по всему миру перепрыгивали артефакты, искали пропавшие или исчезнувшие, а Джонни всячески измывался над всеми членами агентства, за исключением Риты и графа. Граф переехал в Барселону, в шикарный особняк на Тибидабо, откуда открывался вид на город.

Я все так же мучилась ночными кошмарами, и не раз, проснувшись посреди ночи с часто бьющимся сердцем, прислушивалась, не раздастся ли хриплое дыхание под дверью, вглядывалась в темноту и отчаянно хотела позабыть все приключения.

Зима в Барселоне была холодной и сырой. Мартин и Юка собирались на пару недель уехать в Швецию, похоже, парень хотел познакомить девушку с семьей. Я была за них рада: хоть кто-то в этом городе жил обычной жизнью.

Работа в кафе у Пепе с приходом холодов стала еще интереснее: мы варили глинтвейн разных видов, подавали их в толстых стаканах с апельсиновыми дольками. По кафе разносился запах корицы и гвоздики, а имбирное печенье в разных формочках я научилась печь сама.

Мне отчаянно хотелось зацепиться за эту жизнь: учеба, работа в кафе, пробежки с Диего вдоль моря. Не думать больше ни о чем. Пару недель казалось, что мне это удалось. А потом, когда на улице лил страшный ливень и гремел гром, дверь кафе отворилась, и человек в черном плаще, с которого потоками лила вода, вошел в зал. За исключением поглощенной друг другом парочки, в кафе никого не было. Пепе мучился от ревматизма и ушел пораньше, предоставив мне возможность закрыть заведение, как только последние посетители уйдут. Но из-за дождя на улице они не торопились, да и мне выходить из теплого и вкусно пахнущего горячей выпечкой помещения не хотелось.

На мгновение показалось, что вошел граф Виттури. Сердце предательски радостно подскочило. А я-то считала, что смогла преодолеть свою тягу к нему! Но посетитель опустил капюшон, и под ним оказалось симпатичное лицо незнакомого парня. Он с любопытством оглядел кафе и подошел к барной стойке. Прежде чем я успела спросить, что он будет заказывать, посетитель наклонился ко мне и тихо спросил:

— Это ты — Настя?

От неожиданности я испугалась, но кивнула.

— У меня для тебя посылка.

Он извлек из-под плаща черную лаковую коробочку, запечатанную в пластиковую упаковку.

Молнии на улице сверкали одна за другой. Гром гремел оглушительно. Я не расслышала, что он сказал, и переспросила:

— Прости, что?

— Не открывай, пока не придет час.

— Какой час? — Но парень уже набросил капюшон и вышел на улицу, где стояло светопреставление.

Гром грохотал так, что сердце уходило в пятки. Я взяла коробочку со стойки и поразилась тому, что она такая тяжелая. Покосившись на парочку, убрала коробочку в джинсы. Может, покажу Сержу, прежде чем открыть.

Когда посетители ушли, я завернулась в старый плед, который лежал у нас на всякий случай, села в кресло прямо у окна, зажав в ладонях горячий глинтвейн. Уходить не хотелось. Стоит шагнуть наружу — и промокну насквозь. Поэтому я решила переждать ливень, зная, что долго такой потоп длиться не будет. Потоки воды бурлили по мостовым, вспышки молний озаряли воду, падающую из темноты, и тогда капли превращались в монеты или блестящие наконечники стрел.

В слабом свете фонарей я вдруг заметила на углу фигуру мужчины. Он стоял под козырьком входа в бутик, и мне не нужно было угадывать, кто он. Заметив, что я его увидела (уж я-то для него была как на ладони), граф Виттури перебежал дорогу и подошел к входу в кафе. Я подскочила, открыла ему дверь. Его мокрое от дождя лицо было чертовски прекрасно.

— Вы не войдете?

Он покачал головой. Дождь перестал внезапно, словно краны перекрыли, и я, повинувшись графу, взяла куртку и вышла из кафе. Было холодно. Мерзко влажно и холодно. Я поежилась.

Внезапно вспомнилось, как в последний раз, когда мы виделись, он причинил мне боль.

— Зачем вы пришли?

Но он молчал, только вытер ладонью мокрое лицо.

Затем, когда я подумала, что мы так и будем всю ночь стоять у порога кафе и молчать, он спросил:

— Ты тоже это чувствуешь?

— Что? — испугалась я. Вдруг здесь, рядом с нами, стоит какая-то неведомая мне тварь и протягивает к нам свои щупальца?

— Это притяжение, что существует между нами. Между мной и тобой. — На этот раз он развернулся и посмотрел прямо мне в глаза.

Я забыла про холод, кажется, забыла даже про землю под ногами.

— Но разве... Это не вы...

Он жестом остановил меня.

— Нет. Не я. Я думал, это твоя влюбленность, но я тоже чувствую, что, когда мы далеко, есть сила, которая тянет меня к тебе. Словно настойчиво повторяет, что ты мне нужна. Вот только для чего?

Притяжение к нему было неодолимым. Я вдруг подумала, что, поцелуй он меня тут, на пороге, я бы затащила его в кафе и, наплевав на все, взяла силой, если бы потребовалось. Мои губы уже почти прошептали: «Хочешь?» Он словно прочитал мои мысли и покачал головой:

— Я ужасно консервативен и порядочен. Переспать с девушкой можно только после того, как получишь ее душу.

Мне снова стало холодно, я даже отступила на шаг.

— Хочу, чтобы ты сопротивлялась. Сейчас это даже на охоту не похоже, протяни руку — и ты сдашься. — Он улыбался так соблазнительно, что даже злиться не было сил.

— Если я стану сильнее, смогу устоять перед тобой?

— Тебе не устоять, все равно проиграешь. Просто мне нравится усложнять себе задачу.

— Какой же ты... Какой же вы...

Все бранные слова не подходили. Не негодяй, не наглец, а самоуверенный демон. Он вдруг крепко схватил меня за плечи.

— Мне приятно наблюдать за этой борьбой. Ты сопротивляешься. Спотыкаешься, падаешь, вновь поднимаешься. Ты не сдаешься. Или сдаешься?

Его шепот, страстный, хриплый, проникал в меня подобно терпкому вину, которое обжигает горло и растекается по телу жаром и огнем. Испуганное сердце билось у горла, словно я стояла на краю пропасти, а оно, несчастное, не знало, как спастись. Слегка запрокинув голову, я в экстазе впитывала яд его слов. Хотелось сказать, что граф не выиграет, не победит, но тело желало обвить руками его шею, прижаться губами к его рту, попросить напоить грехом, пасть, отправить все к чертям. Желание жгло изнутри болью. Его прикосновения разжигали страсть, пусть его пальцы, ослабив хватку, лишь слегка касались руки, а дыхание обжигало шею — я хотела, чтобы он обнял меня, смял, сломал, хотела, чтобы он причинил мне боль. Слишком сильной была тяга. Слишком соблазнительным грех. Слишком притягательным демон. Его пальцы вдруг переплелись с моими и крепко сжали. Я застонала от накала желания.

— Еще не время...

Он исчез так внезапно, что я не сразу осознала, что уже одна. Из пустоты и черноты ночного неба вдруг, как по волшебству, повалил снег. Я стояла, подставив лицо падающему сверху белому чуду, и плакала. Молилась сама не знаю кому. Просто свету, просто снегу, просто небу... Вселенной.

«Защити меня!» Снежинки падали на кожу и таяли, мешаясь со слезами. И ощущение чуда вдруг переполнило душу. Я рассмеялась, закинув голову к небу. Подумалось, что на моей стороне только свет, разрезающий тьму, как меч.

Дома не выдержала и попыталась открыть черную коробочку. Только ничего не вышло.

Я знаю, все закончится плохо. Однажды я не выдержу. Просто плюну на все, сожгу все мосты и скажу ему: «Бери мою душу. Только прошу, не отпускай». И тогда все закончится. Где найти силы на постоянное сопротивление? Я ведь нежелезная. Он снится мне ночами: ласкает и целует. Каждое прикосновение — божественно. Он постоянно в моих мыслях, его имя на губах: «Самаэль». Ангел-искуситель, демон-хранитель. Как же быть?

Настя не знала ни его мыслей и чувств, ни его подлинных целей и стремлений. Еще никогда она не ощущала так явственно всю суть поговорки «чужая душа — потемки». Еще какие потемки! Чернота. Если у него вообще есть душа. Настя не могла понять демона. И никогда не сможет. И предсказать не в состоянии. Поэтому единственное, что подчиняется ее контролю, — это она сама. Она может решать только за себя. Только о себе должна волноваться и беспокоиться, как бы к нему ни тянуло. Эта тяга ненормальна. Это ее собственный эгоизм тянется к графу, ведь он демон и может притянуть только за страсть, эгоизм, похоть. Она желала его. Невероятно, сильно, всем телом, но эту страшную силу тоже надо укротить, ведь понятно же, что выхода в случае власти страстей только два: ее гибель в его объятиях или ее быстрое сгорание. Ни тот, ни другой вариант не устраивал.

Спасти демона любовью? Настя засмеялась. Невозможно. Во-первых, он не просил его спасти, а во-вторых, надо быть очень самонадеянной дурой, чтобы тягаться с нечистой силой. Все, что остается, — это контролировать себя. Не позволить душе погибнуть. Этому мотыльку, рванувшему на ложный свет. Нет. Стереть страсть, пусть это будет долго и больно. Выкорчевать желание. Любить демона — все равно что любить прекрасную статую и ждать, что однажды она оживет и полюбит в ответ. Можно восхищаться его красотой, словно скульптурой. Но не более... Ведь никому не придет в голову целовать и желать статую! Он произведение искусства. Она вправе тянуться к нему, но нужно помнить о границах тяги. И сознательно держать себя в руках. Настя должна преодолеть себя, воспитать. Возможно, в этом выход. Выход, о котором демон не подозревает.

Что, если, преодолев страсть, она не просто подчинится установкам морали и религии, о которых говорил граф, а найдет и откроет в душе нечто новое? Ведь это воспитание силы воли, вызов самой себе. В ее случае невозможно порхать с глупыми иллюзиями по поводу будущего с демоном. Его нет. Но если Настя так легко идет у него на поводу, так легко теряет свое «я» рядом с ним, то разве это не повод посмотреть на себя, взять себя в руки и воспитать заново? Он не прекрасный принц, он опасность и смерть, он сам говорит это. Значит, надо создать защиту вокруг своей души, поставить преграду для его сладких речей, разжигающих кровь взглядов и опасных прикосновений. Пока она будет мышкой, коту будет с чем играть. Но когда мышке надоест исполнять роль жертвы, она начнет сопротивляться.

— Я буду сражаться. — Настя смотрела на свое отражение. Глаза в глаза. Зеленый цвет ее глаз завораживал. Разве может она стать жертвой? — Ему не победить. В этой войне могу выиграть я. И

только я. Хватит. Пора взять себя в руки. Я справлюсь. Мое имя — мой щит. Надо осознавать свои возможности и границы. Я всего лишь человек. Я не всесильна. Но я достаточно себя люблю, чтобы не преклоняться и не теряться перед ним, будь он хоть трижды демон. Да, он красив, да, я хочу его. Но если он несет гибель, то фиг тебе, Настя, как-нибудь обойдешься без него! Даже если я люблю его — как смею унижать себя и его, требуя того, чего он дать не может? Демоны не могут любить. Заруби себе это на носу. И отстань уже от мужика, не вешайся на него. Со стороны ты просто смешна. Не зря он все время тебя подкалывает. Угомонись. Победи себя. Воспитай свою волю.

Она слегка шлепнула себя по щеке.

— Ты же просто идиотка, Настя. Что ты вообще знаешь о нем? Как можно любить того, о ком ничего не ведаешь? Ты просто повелась на его красоту. Это неправильно, это жестоко. Ты его хочешь, потому что он для тебя так высоко — почти всесильное божество. Прекрасно. Тебе самой от себя не противно? Ты мелочна, эгоистична и поверхностна. Да ты же унижаешь его и себя! Дура-бабочка, обожающая жаркий свет, которому не до нее. Она сгорает, а лампочке все до лампочки.

Настя усилила спортивные тренировки. Ах ты подумала о нем снова? Иди и сделай двадцать приседаний или попрыгай. Оказалось, физически изматывая себя, вполне возможно снизить накал эротических фантазий с демоном в главной роли. И еще чувство юмора. Непременно надо смеяться и подкалывать саму себя. Ну-ну, девочка моя, эх ты раз мечталась о его объятиях! Даже все из рук выпало. Ты ж моя фуфаечка!

Почему-то именно слово «фуфаечка» возвращало ее с небес на землю эффективнее всего.

А тем временем после нестерпимо влажных холодов и снегопада, поставившего на уши всю Барселону (снег, правда, к утру растаял), наступила весна.

Настя после занятий в библиотеке школы языков собрала учебники, вышла на солнечную улицу и вздохнула: она договорилась с Цезарем о встрече в агентстве, а идти совсем не хотелось.

Прижимая учебники к груди, она дошла до двери агентства и поднялась до лестничной площадки с граффити, на котором были нарисованы Барселона и пес. Солнце ярко освещало стену, и поэтому Настя четко увидела кровавые следы руки. Кровь, каплей стекшая с одного из отпечатков ладони, казалась еще свежей. Настя выронила учебники, бегом бросилась наверх, жалея лишь о том, что не взяла свой меч. Картина на второй лестничной площадке была опрокинута. Она пробежала мимо Медузы Горгоны, впервые не взглянув на нее. Дверь агентства оказалась открыта. Она вбежала внутрь и похолодела: пол залит кровью, словно кого-то протащили по нему. Где-то раздавался плач, взволнованные голоса. Настя бросилась вперед по коридору.

В кабинете Цезаря Лика и рыдающий Серж сидели на коленях рядом с Итсаску. Вампирша была вся в крови, шея разорвана. Лика пыталась залечить ее раны.

— Я не успеваю, она слишком быстро теряет кровь! — Анжелика была в панике.

— Я должен дать тебе свою кровь. — Серж умолял Итсаску. Вампирша прохрипела:

— Нет! — Ее глаза закатились.

— Серж! — Заплаканная Лика с окровавленными руками беспомощно посмотрела на парня. — Сделай это. Быстро!

Он рванул рукав и, быстрее, чем Настя успела вдохнуть, разрезал себе руку. Алая кровь, пульсируя, вырвалась на волю. Он прижал рану к губам Итсаску.

— Пожалуйста, милая, пожалуйста!

Настя бросилась дальше. Она словно попала в ужасный сон: ноги стали ватными и плохо слушались.

В лаборатории все было перевернуто вверх дном. На единственном оставшемся стоять столе лежало тело Риты с огромной дырой в груди. Ильвир рыдал над ней, горько и безутешно. Цезарь с перебинтованной головой, с начинающим расплываться по лицу синяком, и граф Виттури, целый и невредимый, но злой, как тысяча демонов, стояли рядом. Услышав ее шаги, они обернулись.

— Диего? — Насте не хватило сил полностью произнести вопрос.

Ильвир обернулся и зло закричал:

— Это все из-за тебя!

Настя попятилась, задыхаясь от тревоги, бросилась прочь по коридору, распахивая все комнаты. Но Диего нигде не было. Она дошла до комнаты, где Лика и Серж пытались помочь Итсаску. Вампирша, крепко схватив Сержа за руку, жадно пила его кровь, не имея сил оттолкнуть и рыдая от собственного бессилия. Он шептал ей что-то успокаивающее, а она тихо и глухо рычала в ответ.

Лика с ужасом смотрела на эту сцену.

— Лика, где Диего?

— Рита пыталась провести окончательный ритуал излечения, но что-то пошло не так. И... — Лика всхлипнула. — Локи забрал Диего. Мы не представляем куда. А остальных он потрепал. А Рита...

— Я видела.

Лика заплакала.

— Надо остановить Итсаску, но я не знаю как. Она может быть опасной.

— Я сделаю это. — Граф Виттури вошел в комнату и вмиг заполнил ее собой. — Лика, Ильвиру нужна помощь, он в глубоком шоке. Настя, тебе тоже лучше выйти.

Но Настя и так знала, что ей нужно бежать на помощь Диего. Но куда? Куда Локи мог утащить его? И зачем?

Пока она бежала вниз по ступенькам, поняла, зачем и куда. Локи нужна была она. Он знал, что она побежит спасать Диего. И знал куда.

Как-то Джонни обмолвился ей о легенде: когда дьявол искушал Иисуса Христа, он привел его на гору, с которой открывался вид на побережье и море, на Барселону. Здесь, на Тибидабо, он пообещал дать ему все, если Христос станет служить ему.

«Тибидабо — это видоизмененная фраза „Тебе дарую“, — говорил Джонни. — Если ты еще не была там, советую подняться. Сейчас на этой горе храм. А вид по-прежнему прекрасный».

Через двадцать минут такси остановилось на площадке перед храмом, возвышающимся на горе. Прежде чем войти внутрь, Настя мельком обернулась: вид на Барселону и вправду открывался чудесный. В храме имелся лифт, на котором можно было подняться на смотровую площадку. Но на нем висела табличка «Не работает». Настя с досадой сжала кулаки: неужели она ошиблась?

Но тут дверцы лифта открылись. Она вошла, и дверцы захлопнулись до того, как она успела нажать на кнопку. Раздалось тихое хихиканье, которое становилось все громче, перерастало в смех, потом в хохот. Едва дверцы открылись, Настя выскочила из лифта.

— А вот и наша обычная смертная. И по вине этой девицы Локи лишился глаза! Невосполнимая потеря! А потом она еще и перенесла проклятие Кали, опять же на бедного Локи. Знаешь что? Ты молодец, девчонка! Без тебя Локи так и был бы домашним демоном на посылках. А теперь он смог вырваться и переродиться. Так-так-так... А это уже достойно награды. Как думаешь?

Настя подняла голову. На каменном перекрытии крыши по-турецки сидел мерзкого вида человечек с костяным лицом, больше похожим на черепушку, в темной пустоте которой горели злые желтые глазки. На голове у него была треугольная шляпа, как у шута, да и весь костюм он, казалось, позаимствовал из театрального реквизита: и кафтан, и короткие объемные штанишки были сшиты из разных лоскутов бархата и парчи. На ногах красовались черные туфли с серебряными бляшками. Диего неподвижно лежал в стороне от него. Настя невольно задержала дыхание: только когда заметила, как поднялся бок оборотня при вдохе, смогла выдохнуть сама. Диего жив. Теперь надо договориться с этим клоуном.

— Я думаю, что нас так и не представили друг другу. Ты так много говоришь, а я все не догоняю: ты вообще кто такой? — Настя совершенно его не боялась. Станный тип внушал отвращение, не страх.

— Милая моя, ты не узнаешь меня? После всего, что между нами было?

— Я тебя впервые вижу.

Он напоминал ей марионетку из кукольного театра: его движения были неестественными, костные пластины на лице постоянно двигались, плечи, пальцы и локти как-то странно поворачивались.

Настя бросила еще один взгляд на Диего, мельком, чтобы убедиться, что он в сознании. Но парень весь был в крови и только тяжело дышал. Внутри все сжалось от напряжения и страха.

Черепушка довольно ухмыльнулся, колыхнулись, постукивая, черепа на его костяной треуголке.

— Хочешь спасти своего драного котика?

— Дурацкий вопрос, мистер очевидность.

Настя сама не знала, откуда у нее взялась эта нахальная манера разговаривать. Но, похоже, с этим товарищем по-другому невозможно.

— Я тебе его отдам. Взамен на одну вещицу.

— Говори.

Тварь мерзко и мелко захихикала и, к ужасу Насти, начала спускаться. Бархатный костюмчик, расшитый золотом, зловещая шляпа, неестественные и немного паучьи движения, постукивания костей — словно великий шут из самого последнего круга ада решил явиться перед ней.

Она невольно отступила. Вблизи лицо его было еще неприятнее: костяные пластины изобразили подобие ухмылки.

Глупо открыв рот, шут залез к себе в карманы и долго там копался.

— Где же оно?

Черепушка вытащил гигантского тарантула с волосатыми лапками, стеклянный шар с разноцветными бусинами внутри, золотую ленточку, гигантскую канцелярскую скрепку. Все это он вынимал, рассматривал и отбрасывал прочь, бормоча какую-то ерунду. Настя знала, что он делает это нарочно, чтобы порисоваться. При мысли о том, что Диего в этот момент угасает всего в нескольких шагах от нее, девушка почувствовала злость на кривляющееся существо.

— Нельзя ли побыстрее? — нетерпеливо спросила она.

Адский шут начал вынимать предметы из кармана так быстро, что Настя едва успевала их увидеть. Полетели в стороны пищащие игрушки, оружие, змея, баночки, которые, разбиваясь о каменный настил храма, выпускали то цветную жидкость, то газ. Он даже достал розу и сунул Насте так быстро, что та взяла. Настя чувствовала себя зрителем-идиотом. Наконец, победоносно вскрикнув, паяц извлек из кармана нечто завернутое в черный бархатный платок.

— Вот оно!

Он аккуратно, один за другим, откинул уголки платка в стороны, и Настя почувствовала тошноту, увидев на черной ткани багровое сокращающееся сердце.

— Это сердце Риты.

— Я всегда верил в твой интеллект. — Адское создание злобно сверкнуло желтыми глазками и тут же изобразило подобие улыбки.

— Оно еще бьется. Но как это возможно?

— У Риты, как у кошки, семь жизней, — злобно хихикнул шут, и черепа, висящие на его треугольной шляпе, тоже затряслись от смеха. — Мне нужна для этого сердечка подходящая шкатулочка. Одна такая есть на примете. У графа Виттури.

— Ты хочешь, чтобы я...

— Именно! Принеси мне шкатулку. Я отдам тебе котика. Все будут счастливы!

Настя бросила взгляд на Диего. Он в отчаянии покачал головой, умоляя ее не соглашаться. Она отвела взгляд. Выбор у нее небольшой.

— Хорошо. Как выглядит шкатулка?

Нервы скрутило в тугий стальной узел. Настя словно умерла и родилась заново, настолько другой она себя чувствовала. В агентство с учебниками в руках вошла одна Настя, а в особняк графа — совсем другая. Позвонила в дверь. Дворецкий открыл, пропустил, не задавая вопросов, и она очутилась в гостиной. Она не представляла себе, где искать шкатулку, но предполагала, что поиск

надо начать с кабинета графа. Настя не боялась гнева демона. Впервые она не думала о нем вообще. Только одно волновало: спасти Диего и сердце Риты.

Не было сомнений, колебаний, страха. Только железная решимость во что бы то ни стало завладеть шкатулкой и отыскать какое-нибудь оружие для защиты. Она не доверяла этому клоуну, не верила ни одному его слову. Она верила только в себя.

Настя прошлась по особняку, мимолетно оглядывая шикарную обстановку, потому что взгляд искал лишь шкатулку из вулканического стекла в форме ларца с серебряными креплениями.

Наконец, она нашла кабинет графа. На огромных стеллажах в беспорядке лежали и стояли книги, манускрипты, свитки вперемешку с различного рода вещами. Здесь даже было чучело ворона. Настя машинально провела рукой по взъерошенным перьям птицы. На столе стояла чаша в грубой оправе, усыпанная камнями, лежали неизвестные ей инструменты, которые казались навигационными приборами. Она словно очутилась в лавке антиквара или в кабинете колдуна. Но вместе с тем все предметы дышали невозмутимостью, надменностью, легкой насмешкой графа Виттури. Настя словно слышала его голос и смех, и острое желание увидеть графа на мгновение наполнило все ее существо. Так, что даже дыхание перехватило, а на глазах выступили слезы. Но Настя быстро взяла себя в руки: она не имеет права думать ни о чем ином, кроме шкатулки.

Стеллаж за стеллажом осматривала кабинет, а часы неумолимо отсчитывали секунды и минуты. Сколько уже времени она здесь? Настя посмотрела на черные от пыли пальцы. Да уж, граф не слишком заботился о том, чтобы стряхивать пыль времен со своих вещей.

— Ты, случайно, не это ищешь?

От неожиданности она подскочила и развернулась: граф стоял у входа в кабинет с темным ларцом в руках.

— Отдайте! — Она сама не поняла, как подскочила к нему и схватилась за шкатулку.

Но граф Виттури удержал ларец в руках, покачав головой.

— Разве тебе не говорили, смертная, что красть у демона нельзя? Что, если возьмешь у него хоть что-нибудь без спроса, станешь его рабой? И твоя душа будет принадлежать ему? — На лице его было столько ненависти, презрения, даже отвращения, что Настя отступила.

— Как ты узнал, что я здесь?

— Я связан с тобой, забыла? Так в чем дело? Почему ты пытаешься украсть то, что по праву принадлежит мне?

— Я не для себя...

Он хищно прищурил глаза, почерневшие, клубившиеся тьмой.

— Мне все равно. На колени.

— Что? — Настя отступила от него и оглянулась, словно надеялась, что это сказано не ей.

— Я два раза не повторяю.

— Граф, умоляю, выслушайте, я все объясню!

— Объяснишь, когда выполнишь мой приказ. Ну же. Я жду.

Он не шутил и был опасен. Чувствуя себя полной идиоткой, Настя опустилась перед ним на колени.

— Я знаю, все это выглядит немного странно, — начала объяснять, но он снова перебил:

— Будешь говорить, когда дам тебе слово.

Она хотела было подняться, обозлившись на него. Но почувствовала, что не может двигать ногами. Ужас обрушился на нее, как ледяная вода. А когда открыла рот, чтобы возмутиться, поняла, что онемела.

«Это просто дурной сон! — испуганно думала Настя, давась застрявшими в горле словами. — Дурной сон!»

Но проснуться не могла.

— У меня был тяжелый день. — Граф поставил шкатулку на стол прямо перед ней, зная, что ей не

дотянуться. — Локи вырвался из-под контроля, чуть не убил Итсаску и Цезаря, растерзал Риту, свалил куда-то с раненым Диего. Я еле успел сдать обескровленного Сержа врачам, стал искать Диего, а ты просто исчезла из агентства и решила меня ограбить? Кто тебя надоумил взять именно это? — Он пальцем постучал по крышке шкатулки. — Уж не ошибся ли я и Кали все-таки овладела твоим разумом? Еще немного, и ты бы навсегда стала моей, но такая ты мне на фиг не нужна! — Граф Виттури презрительно смотрел на нее, присев на письменный стол. — Хотя не могу не признать, что на коленях ты выглядишь очень соблазнительно.

Он махнул рукой, и Настя почувствовала, как железная хватка на горле исчезла.

— Вы просто... чертов демон, напыщенный и мерзкий! — выпалила она совсем не то, что собиралась. — Вы так уверены в себе, что даже не допускаете мысли, что я могла прийти сюда, потому что хочу спасти Диего. Эта шкатулка — залог его свободы. Он ранен! И пока вы тут рассуждаете, он, может быть, умирает. Я не знала, что, забирая шкатулку, лишаюсь свободы. Но клянусь, мне все равно, я должна ее забрать. И заберу, даже если придется с вами драться.

Настя сжала кулаки.

Тьма в глазах демона схлынула, насмешка блеснула в зрачках серебристой рыбкой. Настя только сейчас осознала, что в кабинете стало душно от его гнева, воздух искрился, мог вспыхнуть в любой момент и обратить ее в пепел. Дрожь пробежала по спине.

— Стоя на коленях, драться неудобно, милочка!

И она смогла встать.

— Вот как... Значит, ради Диего ты готова была украсть шкатулку у демона?

Настя кивнула. Ей уже стало безразлично, что он сделает с ней. Но он мог помочь Диего. А то, что он ее накажет, это точно. Она же его оскорбляла.

— Он держит его на Тибидабо, на смотровой площадке собора. Я должна туда вернуться на закате.

— Конечно, на закате. Именно тогда силы тьмы становятся сильнее. — Граф смотрел на нее с некоторым любопытством. — И что? Ты готова потерять свободу ради жизни друга?

— Да, если ты так этого хочешь.

— Не хочу. — Он рассмеялся, запустил пальцы в волосы и покачал головой. — Эх ты, дитя человеческое... Неужели думаешь, что я брошу тебя и Диего? Так и быть. Я одолжу тебе шкатулку. А теперь подойди, я перенесу тебя на Тибидабо. Час заката близится.

Над Тибидабо собирались грозовые облака, дул сильный ветер. Настя крепче прижала к себе шкатулку и, сопротивляясь ветру, пошла к собору. Лифт открылся перед ней, как и несколько часов назад, и она поехала вверх, гадая, куда исчез граф Виттури. Он только что обнял ее, прижал к себе и исчез, а она осталась стоять на горе лицом к Барселоне.

Секундная близость оставила отпечаток свинцовой усталости. Ее снова безмерно потянуло к демону. Чтобы отвлечься, она разглядывала шкатулку, пытаясь угадать, что скрывается под ее полупрозрачным стеклом. Граф запретил открывать ее, и Настя благоразумно решила его послушать.

Адский шут развлекал себя тем, что, сидя по-турецки напротив Диего, бросал в него теннисный мяч.

Настя загродила собой друга.

— О! Вернулась! — Гримаса исказила черты монстра. — И шкатулочка при тебе!

— Да. Так что теперь я забираю Диего.

— Не так быстро, милая! — Шут в одно мгновение оказался рядом с Настей и попытался схватить своими костлявыми пальцами шкатулку. Но Настя не дала. Тогда злой огонь вспыхнул в глазных впадинах черепахи, на лбу нахмурились костяные пластины, и он рванул у нее из рук шкатулку, да так, что Настя в кровь расцарапала ладони, пытаясь удержать ее.

— Вор! — закричала она.

— Я-то украл у тебя! А ты украла у демона! Теперь ты будешь расплачиваться за это вечно! — Он захохотал и развернулся, чтобы убежать.

— Не так быстро, Локи! — У выхода с площадки стояли плечом к плечу ангел и демон. Лица держала Локи под прицелом своего лука, а демон просто стоял, скрестив руки на груди.

Локи захохотал. Так злобно и так страшно, что у Насти мурашки поползли по спине от ужаса. Костяной палец шута указал на нее.

— Вот она, воришка! С ней и разбирайся. Она руки ободрала в кровь, пусть кровью и платит!

— Настя имела право держать шкатулку в руках. А ты — нет. И она кровью защитила мое имущество. К ней у меня претензий нет. А вот ты...

Граф Виттури в одну секунду оказался рядом шутком и схватил его за концы костяной треуголки. Адский паяц заверещал, как собачонка.

Настя с оцепенением наблюдала, как наполнились тьмой глаза графа, а сам он стал выше. Это было жуткое зрелище, и в голове мелькнула мысль: как он сдерживался в кабинете, ругая ее за кражу? Теперь же он дал волю своему черному гневу, и тот собирался вокруг чернильной тучей и закручивался воронкой над его головой. Когда граф вновь заговорил, это был не человеческий голос, не звериный рык, не стон ветра, а рокот сверхмощного существа, глас гнева, который сотрясал всю площадку так, что та дрожала под Настиними ногами.

— Ты украл эту шкатулку, теперь ты мой навеки! — И демон разорвал вопящего клоуна надвое.

Настя вскрикнула от неожиданности: в правой руке граф держал за волосы Джонни, который был без сознания, а в левой крутился и пытался вырваться из его хватки уменьшившийся вдвое шут, который еще больше стал походить на марионетку. Шкатулка упала посередине на каменные плиты площадки, но не разбилась.

— И не Локи мой раб, а ты, мелкая тварь, прислужник тьмы!

Не зная, как обратиться к тому гневному существу, в которое превратился граф, Настя крикнула, преодолевая вой ветра:

— У него сердце Риты!

— Я все отдам! — захныкал плут, отчаянно дергаясь в руках демона. — Я все верну!

Он полез в карман и протянул Насте завернутое в бархатный платок сердце.

Насте даже стало его жаль.

Когда сверток лег на ладони, она почувствовала, как бьется теплое сердце в ее руках.

— Отпусти меня, сжался! — жалобно вопил плут, пытаясь вырваться.

На темном от гнева лице демона вспыхнула злобная усмешка.

— Отпущу, — заверил он шута. — Только сначала покажу тебе одну вещицу.

Когда раздалось поскрипывание колес, у Насти волосы на голове встали дыбом. Из-за угла медленно выехало высокое зеркало, покрытое черным покрывалом.

Девушка в ужасе отступила. Демон встал перед зеркалом, сдернул с него покрывало и, выставив вперед руку с болтавшимся в ней шутком, приказал:

— Смотри!

На поверхности стекла ничего не отражалось, и Настя не знала, что увидел в его глубине костяной шут, только вопль и визг ужаса, который он издал, был таким отчаянным, что Настя невольно прижала к себе сердце Риты, словно пытаясь уберечь его от происходящего. Паяц так кричал, что его челюсть опускалась все ниже и вдруг отвалилась, а сам он осыпался прахом на землю. Ветер задул оставшийся пепел в черное стекло.

Демон накинул покрывало на зеркало и повернулся к ней. Сердце Насти билось часто и испуганно, а сердце Риты в ее руках — медленно и спокойно.

Не говоря ни слова, он протянул руку, и Настя отдала ему бархатный узелок. Граф исчез так внезапно, что она заморгала. Потом обернулась и бросилась к Диего. Лица уже склонилась над ним.

— Как ты?

Парень часто и поверхностно дышал. Лица начала водить ладонью по его телу, и он слабо

улыбнулся.

— Заживет, как на кошке. Девочки... как же хорошо, что вы есть!

Настя заплакала, крепко сжимая его руку.

— Ты молодчина, Настя. И настоящий друг! — Диего задышал спокойнее. Боль уходила.

— Эй, почему столько нежностей без моего участия?

Ребята обернулись. Джонни, скрестив руки на груди, смотрел на них, ухмыляясь в бороду.

— Джонни, это правда ты?

— Вроде да. А что случилось-то?

На его лице было столько непонимания и простой безгрешности, что Настя засмеялась, потом заплакала, и пока Джонни, неловко опускаясь на колени и кряхтя, болтал что-то про эмоциональную неустойчивость нервных девиц, она обняла его.

— Как хорошо, что ты вернулся!

Второй раз за день Настя переступила порог агентства с друзьями. Все уже было убрано, и она устало села на диван и накрылась пледом. Лика обещала принести чай, и Настя в ожидании прикрыла глаза.

Все закончилось хорошо. Диего жив, Джонни наконец избавился от злобного карлика внутри себя. Локи — бог двойственный, и из-за проклятия Кали вторая, злая половина захватила его целиком, почти уничтожив все положительное. Риту Настя еще не видела, но была уверена, что граф ее спасет. Только Итсаску...

Вампирша, когда ее удалось оторвать от Сержа, рыдала и злилась. Распробовав его кровь, она боялась пристраститься, боялась напасть на него, обескровить окончательно и убить. Парень действительно потерял много крови, и его увезли в больницу. Итсаску заперлась в одной из комнат агентства и злобно крошила все вокруг, отвечая ругательствами и проклятиями любому, кто пытался с ней заговорить.

Ее можно было понять. Столько лет она держала себя под контролем, а теперь кровь Сержа, свежая и желанная, несравнимая с кровью из донорского банка, которой она подкреплялась время от времени, была выпита залпом, жадно. Тело Итсаску горело от бешеного количества энергии. Она могла бегать по стенам, сражаться с огромным количеством соперников одновременно.

Лика села рядом с Настей на диван, ее кудряшки были собраны в пучок.

— Хочешь поговорить? — спросила она, устроившись поудобнее и развернувшись к Насте с чашкой горячего чая в руке.

— Я устала. — Настя положила голову на спинку дивана. — Но вопросов масса. Как Рита?

— Приходит в себя. Но... одной жизнью у нее стало меньше, увы.

— Лика... А между Ритой и графом что-то есть? Они любовники?

— Я не знаю, — пожала плечами девушка.

— Ну, она его то и дело целует. — Настя опустила взгляд.

— А, ты об этом. Дело в том, что Рита — ведьма. И самый простой способ подпитки энергией для нее — поцелуй с демоном.

— А Ильвир?

— Ильвир — отец Риты.

— Что? — Настя с удивлением посмотрела на Лику.

Та засмеялась:

— Да. Поэтому он так плакал сегодня над ее телом. Она могла и не вернуться, если бы ты не нашла

ее сердце.

— Как получилось, что ты поступила работать в это агентство? Разве возможно, чтобы ангел работал бок о бок с демоном?

Ли́ка опустила глаза и некоторое время просто пила чай.

— Ангелы тоже бывают разные, Настя. Мне нравится жить среди людей, я люблю это тело и признаю, что в некоторой степени я шопоголик. — Она улыбнулась. — Другим нравится все видеть на расстоянии. Иногда даже им и вовсе... на все наплевать. Они заняты другими вещами: перерождениями материй, созданием миров. Этот мир огромен и бесконечен. И работать с демоном порой интереснее, чем не работать вовсе. До дела с этой картиной мы вели расследования обычного воровства, злоупотребления артефактами, случаев, когда из-под контроля выходили отдельные создания и твари. До твоего появления жизнь в агентстве была довольно размеренной. Балы на Рождество. Со Стариком мы виделись редко. А теперь он почти все время здесь. И я боюсь, что зло в нем победит.

— Как это происходит? Как появляются ангелы?

Ли́ка засветилась, заискрилась мягкими лучами.

— Мы что-то вроде разумной энергии, способной обретать тело или существовать вне материальной оболочки.

— А Бог существует?

Ли́ка наклонила голову, задумавшись над вопросом.

— И да, и нет. Он есть, но он не такой, как вы его описываете. Люди придумали религию, чтобы установить нормы, чтобы четко поделить на хорошее и плохое все вокруг. Поэтому ты так стараешься определить, каков демон. Он не укладывается в твои нормы. Бог не создает законов, законы придумывают люди. И религии придумывают тоже они.

Она поставила чашку на журнальный столик.

— Хочешь секрет? Люди часто думают, что Бог вмешивается в события, но он гораздо чаще, выражаясь фигурально, предпочитает место зрителя, предоставляя роль судьи кому-нибудь другому. Это ангелы, демоны и прочие твари любят вас, играют с вами и бросают.

— Как ты повстречала графа Виттури?

— Однажды я расскажу тебе историю про очень глупого ангела, которого спас очень злой демон. — Ли́ка улыбнулась. — Хоть граф, конечно, говорит, что все произошло случайно. Но я все равно ему очень благодарна.

Зазвонил мобильник. Ли́ка посмотрела на экран.

— Это Серж.

Она включила телефон на громкую связь.

— Привет, Серж! Как ты?

— Нормально: переливание делать закончили, наконец-то отдали телефон. Как Итсаску?

Настя переглянулась с Ликой.

— Итсаску еще в бешенстве, — ответила уклончиво она. — Пока не говорит с нами, кажется, крушит какую-то аппаратуру. Мы ждем, когда она уgomонится, чтобы поговорить. Но думаю, волнуется за тебя. Я обязательно передам, что ты в порядке. Отдыхай.

— Настя, ты знаешь, что произошло с Джонни?

Настя вкратце описала ему сцену на Тибидабо. Она могла поклясться, что Серж ерошил волосы, пока слушал, поправлял очки и рассматривал медицинскую аппаратуру.

— Понятно. Это многое объясняет. Мой прибор в последнее время совсем чокнулся и показывал присутствие демона, хотя я настраивал его именно с Джонни, так что прибор не должен был реагировать на его волну. Эта дрянь пожирала потихоньку Локи изнутри. А сегодня вырвалась из-под контроля. Думаю, Рита заподозрила что-то, решила провести ритуал очищения, потому что в последнее время Джонни был невыносим. А дальше начался какой-то фильм ужасов. Джонни вырвал ей сердце, проглотил его, перекинулся в медведя, подрал Итсаску, повалил Цезаря и убил

бы его, не вмешайся Старик. А потом набросился на Лику. Диего встал на защиту. Локи повалил его, ранил и утащил с собой.

Серж вздохнул.

— Постарайся отдохнуть, — сказала Настя.

— Я не смогу, я должен быть с Итсаску. Она напугана.

Настя в глубине души восхитилась Сержем. Любить Итсаску нелегко, она не из покладистых. Но он видел в ней то, чего больше никто не замечал: хрупкую и боязливую, неуверенную в себе девушку.

— Ты можешь включить телефон на громкую связь и поднести к ее двери?

Настя прошла по коридору к комнате, где закрылась Итсаску.

— У меня Серж на телефоне. Хочешь с ним поговорить?

В ответ раздался вопль. Что-то ударилось о дверь.

— Она злится! — перевела Настя.

— Поднеси телефон к двери.

Настя села на пол возле комнаты и поднесла телефон к дверной щели.

— Послушай меня, любимая. В том, что сегодня случилось, твоей вины нет. Ты умирала. Я был рядом и не мог допустить, чтобы ты меня покинула. Знаю, ты много раз пыталась меня оставить, но мне везло, и ты оставалась. Сегодня мне повезло еще один раз. Ради того, чтобы снова увидеть тебя и говорить с тобой, я бы отдал гораздо больше, чем кровь. Я бы и глаз отдал, и руку, и все, чего бы ни попросили. Мне повезло, что ты вампир, а не людоед. — Он засмеялся.

Настя улыбку. Она чувствовала, как Итсаску остановилась рядом с дверью и слушала Сержа.

— Подумаешь, пара литров крови. Любимая, я знаю, что спас тебе жизнь. Это самое прекрасное, что я когда-либо смогу подарить тебе. Знаю, я поступил так из эгоизма. Я просто не могу, не в состоянии представить жизнь без тебя!

Настя прислонилась спиной к стене и слушала голос Сержа. В конце коридора, в темноте, голос Сержа слушал и граф Виттури.

— Знаю, ты вбила себе в голову, что, попробовав мою кровь, не сможешь сдержаться в следующий раз. Почему ты так себя не уважаешь? Ты, пожалуй, единственная на свете вампирша, не отгрызшая голову своему приятелю-человеку после ночи любви, а я ведь опасался, что в тебе живет самка богомола.

Настя услышала, как Итсаску тихо засмеялась за стеной.

— А сколько у нас было ночей! И сколько, черт возьми, еще будет! Не верь, что не сможешь. Ты сможешь. Ты самая удивительная на свете. Ты можешь, я верю в тебя. Люблю. До завтра. Твой богомол.

Серж отключился.

Настя ушла, а граф Виттури долго стоял и смотрел в пустой коридор. Иногда он действительно восхищался тем, как люди менялись, становились сильнее, увереннее в себе. Сильная пара. Пара, созданная им.

В Насте сегодня он наконец стал замечать малые ростки духа. Работы еще много, времени мало, но сегодня она нашла силы перечить ему и не бояться. В ней проклюнулся характер защитницы. То, что нужно, если верить его расчетам. Ее душа должна стать сильной. Иначе...

Он тряхнул головой, прогоняя мрак, сгущавшийся вокруг него.

Стемнело. Настя вышла из агентства в сопровождении Лики, и они зашагали вдвоем по направлению к Настиному дому. Было по-весеннему прохладно. Настя поежилась и спрятала руки в рукава куртки.

Лица шла рядом с девушкой, пытаясь понять, что за роль отведена Насте во всей этой игре. Она видела, что демон не просто так играл с ней, он пытался подвести Настю к какому-то решению. Не

хотелось верить, что смысл всего — вечная игра и погоня за душами. Если не это, зачем ему с ней возиться? Анжелика понимала, почему граф Виттури работал над созданиями — они живут дольше, чем люди. Люди для него слишком короткий временной отрезок, отчаянно короткий. Она видела слабую сторону Насти — та была влюблена в демона. Но видела и сильную сторону — девушка сопротивлялась искушению изо всех сил.

Сегодня Лика впервые поверила, что Настя может устоять. По тому, как твердо она смотрела графу в глаза. Не замирая и не краснея, как прежде.

Ей очень хотелось рассказать Насте свою историю появления в агентстве, но она все же удержалась.

Настя первой нарушила молчание:

— Я рассказала графу Виттури о том, что видела на сеансе с Ритой. И он согласен с Диего и с тобой: ключевая сила Ноктурны таится во второй картине. Потому наши противники и пытались отыскать призрак художника, чтобы узнать, где второе полотно.

— Значит, будем искать. Жаль, что призрак рассказал только про книгу.

— Честно говоря, я думаю, что он был эмоционально привязан к первой картине, поэтому и появился, когда я была рядом с «Обнаженной». Он рассказал, где искать книгу, потому что сам спрятал ее. Но про вторую картину не обмолвился и словом. Возможно, потому что сам не знает, где она.

— Ты рассказала об этом графу?

— Да. И он, на удивление, со мной согласился.

Лика улыбнулась. Когда же Настя научится доверять своей интуиции?

Анжелика зашла к Насте домой, познакомилась с Юкой и Мартином. Юка, увидев ее, подумала, что где-то уже встречала эту веселую, улыбчивую, красивую голубоглазую блондинку. Но где? Она так и не смогла вспомнить.

Лика поболтала с ребятами и ушла домой.

Настя устало вошла в свою комнату, после горячего душа ей хотелось поскорее упасть в постель.

Увы, напрасные мечты! Она поняла это, когда включила свет и обнаружила графа Виттури у окна.

Минуту они просто стояли и смотрели друг на друга. Настя старалась не думать о том, как красиво закатаны рукава его черной рубашки, о сильных руках с выступающими венами, о том, как широки его плечи и как все это выглядит без одежды.

«Фуфаечка, фуфаечка, фуфаечка», — судорожно повторяла она.

Граф смотрел на ее детскую ночнушку, на косу, лежащую на плече. На то, с какой мукой она старается преодолеть желание. Но при чем тут, черт возьми, фуфаечка?

— Тебе пора пройти инициацию, — вдруг сказал демон.

— В смысле? — Фантазия Насти тут же оживилась. — Сделаешь меня ведьмой? Заставишь присутствовать на балу Сатаны? Я не...

— Конечно, ты не согласишься. Так положено хорошей девочке. Ты не теряла любовь. Может, даже не любила. Нет, для бала нужна женщина отчаянная, храбрая, опустошенная. Злая.

Настя не выдержала его взгляда.

— Ты еще не жила совсем. Все, что было в твоей жизни, — любопытство и интерес, — смягчил он тон. — Ты не знаешь, что такое любовь. Поверь мне, Настя, то, что я хочу тебе подарить, это возможность стать сильнее. Но не мне давать тебе это. И не мне решать, достойна ли ты. Все будет зависеть от тебя. Согласна ли ты попробовать?

— А подробнее нельзя? Как-то непонятно...

— Нет.

Настя вздохнула и кивнула.

Он отошел от нее и, подойдя к окну, раскрыл его нараспашку. Настя обхватила себя за плечи.

Прохладный воздух обнял ее своими нежными крыльями.

— Насколько ты веришь мне?

— Не настолько, чтобы шагнуть из окна, если ты об этом.

— Именно об этом. Хочешь попасть в волшебный лес, маленькая девочка? Надо преодолеть страх перед тем, как войти в него.

— Я разобьюсь.

— Доверяй мне. Я хоть раз тебя подвел? Хоть раз был нечестным с тобой? Пытался забрать душу обманом?

— Нет.

— Тогда... — И он сделал приглашающий жест к окну. — Не бойся. Я буду держать тебя за руку. Но ты должна прыгнуть первой.

— Куда мы хотя бы идем? Не на тот свет, надеюсь? — спросила Настя, все еще нерешительно глядя на ночного гостя.

— Я же сказал. В волшебный лес. Не бойся, даже если ничего не получится, ты утром будешь дома.

Она подошла к окну. Поставила стул и поднялась на него.

«Это безумие. Все, что я делаю, это безумие. Он меня хочет укокошить». Но дозы адреналина, выбрасываемого в кровь, придавали бравады и смелости.

Граф Виттури вдруг оказался на подоконнике снаружи окна и протянул ей руку. Она одной ногой встала на каменный холодный подоконник, крепко держась за раму окна, вылезла наружу.

— Страшно?

— Жутко страшно.

— Что же, тогда пора сделать первый решительный шаг в твоей жизни.

— Как бы он не стал последним...

Она крепко сжала его руку и зажмурилась. Звуки ночного города долетали до нее явственно и резко. Где-то провыла сирена. Подумалось, может, их уже заметили соседи и вызвали спасателей. Страх и адреналин стугустились в крови, мешали дышать и думать трезво. Она поняла вдруг, что зашла слишком далеко, чтобы отступить. Пути обратно не существовало. Можно было только сделать шаг вперед. И она его сделала. Сначала ухнула вниз, но даже не успела завопить, потому что почти тут же приземлилась ногами на мягкую траву. Открыла глаза.

Вокруг был лес. Светила яркая луна. Ухал филин. Пели ночные птицы. Настя оглянулась: демон стоял чуть в стороне, почти слившись с черным стволом дерева, на которое небрежно опирался.

— Где мы?

— В лесу. — Она могла поклясться, что он насмешливо приподнял бровь, словно недоумевая, зачем спрашивать об очевидном.

— И что теперь?

— Теперь иди туда, куда ведет интуиция. А я последую за тобой. Я не могу подходить близко. Ты должна решить эту задачу сама.

— Я не знаю, куда идти.

— Тогда стой на месте.

Настя обиженно замолчала. Что за ночь он ей устроил? Босиком по лесу ходить? Та еще радость. И куда, спрашивается, идти? Она стояла, сопя от обиды и чуть не плача. Какой-то ночной кошмар, а не инициация. Пойди туда — не знаю куда. Еще и из окна заставил прыгать.

Шторм мыслей в голове все не стихал. Но звуки ночного леса, шум верхушек деревьев, по которым гулял легкомысленный ветер, постепенно успокоили эту бурю, заставили осесть в душе. Она вдохнула хвойный запах елей. Кваканье лягушек вдруг донеслось стройным хором. Сделаешь шаг

вперед — и придется делать следующий. И так, пока не придешь. Но куда? Они могли до утра гулять по лесу. С демоном за спиной Настя не чувствовала страха. И даже без демона она все равно не боялась. Лес после прыжка из окна казался местом более безопасным, чем каменный подоконник. Она еще раз вдохнула воздух. Запах гнилой древесины и грибов, хвои и лесных ягод, влажности и тайны. Чем дольше она стояла, тем больше звуков и запахов окружало ее. Глаза привыкали к лунному свету, а ноги лучше ощущали почву. Настя словно заземлялась все больше, прорастая эфирным телом в почву, становясь частью этого мира. Так куда же идти? А надо ли идти куда-то? По лесу бродят без определенного маршрута, кружат в поисках добычи или выхода. А может, по лесу надо идти так, словно ты сама лес, словно ты сейчас сама в себе, и любой шаг одновременно является и целью, и местом назначения, и процессом, и действием?

Ну что же. Она может стоять, может идти. Она должна выбрать. А может быть, можно сделать шаг и снова остановиться?

Настя скользнула ступней вперед, словно ощупывая почву впереди. Нежная трава щекотала кожу. И она сделала шаг, потом второй. А потом просто не могла остановиться. Не думать ни о чем и следовать интуиции проще, чем казалось. Нужно просто отключить мысли и слушать свои ощущения, слушать лес. Настя шла навстречу лягушачьей песне. Думала, вдруг там болото. Может, ноги погрузятся в мягкую почву, да так, что та крепко их обнимет. Запах тины, стаи комаров, высокие камыши... Вот стали редеть деревца, и она вдруг оказалась не на болоте, а у реки. Слышно было, как бежит вода и колышется трава на берегу. Через речку переброшено бревно. Почему ей кажется, что она этот лес знает лучше, чем демон? Уверена, что там, на том берегу, будет круглая заводь-озерцо. Только надо перейти по бревну. Настя вдруг вспомнила, откуда этот лес. Это лес ее детства. Дача в Подмосковье на опушке — вокруг поля, а если долго идти по лесу, то выйдешь к реке с шатким мостиком, к озерцу, где можно купаться. Это ее лес. Девушка улыбнулась и пошла по бревну. Взметнулись вверх сотни маленьких огоньков. Светлячки, которых в детстве не было, сейчас золотыми искрами плясали вокруг. Настя перешла через реку, приблизилась к озерцу. Вода была недвижима, словно поверхность зеркала, в которое смотрелась луна. Стоило светлячкам отразиться в ней, как под темной поверхностью вдруг появилось белое пятно. Настя пригляделась и испуганно отпрянула: это было человеческое лицо, приближающееся к поверхности. Белая кожа вынырнувшей девушки поблескивала. Настя сначала думала, что от воды, но то были полупрозрачные золотистые чешуйки. Девушка засмеялась звонким голосом при виде испуганной Насти, помахала приветливо рукой.

— Лорелей, Лорелея... — прошептала Настя. Сколько раз в детстве, купаясь в озерце, она представляла, что играет с русалкой!

Лорелей провела рукой по своим зеленоватым волосам с вплетенными кувшинками и показала Насте направление, в котором нужно идти.

— Спасибо, Лорелей!

Все вокруг вдруг приобрело смысл. Пока Настя шла все дальше в лес, без страха ступая по земле, она была уверена, что интуиция или чутье поведут ее дальше. Она словно стала той маленькой девочкой, что следует за клубком ниток или за зовом леса. Потому что доверяет ему.

Иногда она слышала шаги, знала, что демон следует за нею, но понимала, что ведает, куда идти, только она одна.

Но вдруг в темноте между стволов деревьев мелькнули серые тени. Настя остановилась. Сердце утешенно забило в груди.

В просвет между мелким кустарником и деревьями вышли волки. Их шкуры на загривках стояли дыбом, а десны и клыки были обнажены. Они облизывали свои носы языками и рычали.

Настя в ужасе отступила. Волки двинулись вперед.

Она вспомнила, как граф говорил про волков и лес, и все внутри заледенело: он привел ее сюда, чтобы ее растерзали! Волки сделали еще шаг вперед, рыча и хищно пригибая морды к земле.

— Если ты сейчас в своем лесу, то кто эти волки? — раздался голос графа за спиной.

— Волки! Я не знаю! Просто волки! — Паника не давала дышать. Она огляделась в поисках оружия, коряги, хоть чего-нибудь, но ничего не было. Что он говорит про лес? Почему Лорелей помогла, а волки хотят растерзать?

— Это твои страхи.

Один из волков шагнул к ней. Она снова отступила. Адреналин мощными порциями выбрасывался в кровь.

— Они растерзают тебя, если не справишься и уступишь. — Голос демона был ровным и безучастным.

— А ты? Ты обещал защищать меня! — Настя чуть не плакала от страха.

— Ты должна сама справиться с ними.

Оставаясь за ее спиной, он был готов в любой момент выхватить мечи, но старался говорить безразлично, чтобы Настя не чувствовала защиты. Это ее испытание. Девушка была скована страхом, ужас исходил от нее волнами. Волки тоже это чувствовали, а потому наступали. Неужели он ошибся в ней?

— Это всего лишь мои страхи, это всего лишь мои... — Она чуть не завизжала, когда волк сделал еще шаг вперед. — Это всего лишь мои страхи!

Настя сжала кулаки. Если верить демону, а у нее уже не было причин ему не верить, это не настоящие волки. Это то, что она вскармливает в себе, взращивает своей неуверенностью. Не пора ли?

Она сделала шаг вперед. Волки зарычали и еще больше ощетинились.

— Мамочка! — нервно отреагировала Настя. А потом зачастила: — Вы всего лишь мои страхи. Вы мои. Вы просто мои страхи. Я вас не боюсь.

Она шагала вперед, уже крича на волков. Те рычали, но в какой-то момент вожак отступил — совсем немного, но от Насти это движение не укрылось. И она пошла вперед, на стаю хищников, не переставая на разные лады переиначивать фразу о страхах. Волки сначала отступили, а потом расступились, пропуская ее и демона вперед.

Демон молчал. Настя не хотела поворачиваться к нему. Она шла по лесу широкими шагами, приходя в себя после столкновения со стаей. Граф заставил ее пережить ужас, и не один раз, поэтому она немного злилась на него. А еще была горда собой, благодарна своему спутнику и почему-то с каждой минутой все больше счастлива.

Впереди мелькнул свет. Вскоре они вышли на широкий луг. Ярким пламенем горел высокий костер. Женщины в белых рубахах водили вокруг него хоровод.

При виде Насти и демона они остановились.

— Они зовут себя весталками, солнечными девами, — послышалось у Насти за спиной. — Это тоже часть твоего леса?

— Нет, — ответила Настя.

— Значит, это начало.

Одна из весталок уверенно подошла к ним, а остальные остались ждать у огня. Женщина взяла Настю за руку:

— Пойдем, девочка. Не бойся. Демон не сможет пойти за тобой, с нами ты в безопасности. Дай я расплету твои волосы.

Она распустила волосы Насти по плечам. Прикосновения были нежными и заботливыми, словно руки матери.

Настя сделала шаг и оглянулась на демона. Тот вдруг оказался далеко, на самой опушке леса. А весталки — совсем близко. Солнечные девы обнимали ее, приветствовали. Одна из них сняла с головы венок из луговых цветов и надела Насте на голову. Весталки были разных возрастов и различного сложения, но, когда все встали вокруг костра и взялись за руки, Настя вдруг почувствовала силу и единство, словно, лишь соприкасаясь с ними, стоя в одном кругу, она стала одной с ними крови. Бешеная сила и невероятная легкость вдруг охватили тело. Женщины двигались вокруг костра, пели, пламя то и дело взлетало вверх, обдавая жарким дыханием лица, белые рубахи придавали им полупрозрачность духов. Казалось, Настя водит хоровод с лесными нимфами. Лишь крепкие пожатия рук соседок придавали ситуации капельку реальности. Искры костра яркими пятнами взмывали в темное небо и исчезали в нем. Женщины двигались, то поднимая, то опуская руки, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Они пели, и песня, словно следуя ритму костра, то взлетала вверх, то прикидала к земле, то рвалась пламенем и искрами, то становилась спокойной и раздольной.

Где-то раздался волчий вой, протяжный и холодный. Женщины подхватили его. Настя, опьяневшая от запахов луга и костра, от песен и хоровода, запрокинула голову и посмотрела в небо. Миллионы

звезд сверкали на нем, и казалось, что огромная луна все приближается и приближается к земле. Восторг охватил девушку. Странное чувство причастности к дикому первозданному миру, дерзкому и восхитительному, естественному и настоящему. Словно она перестала быть кем-то определенным, перестала быть Настей и стала частью целого. Волосы обратились в стебли травы, кости сделались ветвями, плоть — землей. Она превратилась в песчинку, ласкаемую прибоем, в капельку росы, заснувшую на листе, в камень, обвеваемый ветром, в перо на совином крыле, стала темной ночью, цикадой, далекой звездой, искрой костра. Стала волчицей.

Этот восторг вдруг вырвался из ее груди воем: воплем радости, песней о свободе и единстве с сестрами. Она вновь опустила взгляд на пламя, готовясь выразить свой восторг огню, но осеклась, увидев вместо пламени высокий камень с сидящей на нем старухой. Женщины отпустили руки и, разомкнув круг, поклонились старухе. Настя сделала так же, со страхом подметив, как похожа старуха на сказочных ведьм: горбатая, лохматая, с длинным крючковатым носом, беззубым ртом и острым подбородком. Костлявым пальцем с острым когтем она поманила девушку к себе.

— Боишься, девочка? — Голос трескучий и сухой, как хворост. На одном глазу бельмо, а другой смотрит зорко и все время меняет свой цвет.

— Да, — призналась Настя.

— А демона не боишься! — расхохоталась старуха.

Настя пожала плечами. Как объяснить старухе, что демон красив, чертеняка, обходителен и мужественен. Как бояться того, кого видишь в лучших эротических снах? Только, кажется, старуха прочитала и эти мысли. Усмехнулась так, что сделалась еще уродливее.

— Красавец, говоришь? Да. С красотой сражаться сложно, это демоны знают лучше всех. Богатство тоже их удел. Но никогда они не смогут ни себе, ни другому дать свободы. Ты сейчас полна ею, но ненадолго. Стоит отойти от этого камня, и снова прильнешь к нему сердцем.

Ведьмам нужно говорить правду. Настя сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Я его люблю. Он говорит, что это не любовь. А я... мне кажется, не существую, если его нет рядом.

— Он прав. Это не любовь. Это зависимость. Что же... он привел тебя, чтобы вылечить?

Старуха пожевала губами в задумчивости.

— Глупых девчонок, которые не мыслят себя отдельно от объекта их пустой страсти, выдуманной и плоской, я не лечу.

Глаза защипало от слез.

— Я стараюсь. — У Насти перехватило горло от эмоций, и она повторила чуть громче: — Я стараюсь существовать отдельно от него. Стать кем-то, как он советует. Стать самой собой. Но мне не хватает сил, я всего лишь глупая девчонка, а он — демон. Он меня привел сюда, чтобы ты мне помогла. Я не знаю как. Но раз он прислал меня сам... Разве ты не видишь — я не справляюсь?

Она заплакала от стыда за себя. Жрицы положили руки ей на плечи, словно желали поддержать.

Одна из них сказала, обращаясь к старухе:

— Демон прислал ее к тебе, Мать. Он не стал бы этого делать, если бы не видел в ней возможности, шанса.

— Демон хитер и изворотлив. Но женская сущность сильнее демона, если связана с тремя стихиями: природа дает нам силу, наш внутренний лес — желание, а песня — свободу. Ты сейчас шла по своему лесу, знакомилась с ним впервые. Но он всегда с тобой. Природа даст тебе силы, когда ни попросишь. Я же могу дать свободу выбора. Не абсолютную свободу, но начало самостоятельности для твоей души. Если не будешь развивать ее, она зачахнет. Так и знай.

И ведьма вместе с камнем обратилась в огонь.

Настя смотрела на яркие языки пламени. Слезы высохали на щеках. Шум леса и луга снова вернулся. Весталки стояли рядом.

Настя хотела спросить: что теперь? Дала ей ведьма то, что обещала, или нет? Она отошла подальше от костра, в прохладу ночи. И вдруг поняла: она должна прыгнуть. Прыгнуть через огонь. Не для того, чтобы что-то получить, а попробовать, каково это. Ни в каком другом месте она на это не отважилась бы.

Девушка посмотрела на демона. Тот стоял далеко, на его лице плясали лишь слабые отсветы огня. Но показалось, что он довольно улыбнулся и слегка кивнул, словно соглашаясь с ней.

Настя глубоко вдохнула ночной прохладный воздух. Пора делать выбор. Придерживая подол ночной рубашки, она разбежалась и, оттолкнувшись от земли мокрыми от росы ногами, прыгнула через пламя.

Примечания

1

Ободряющее испанское восклицание. — *Примеч. авт.*